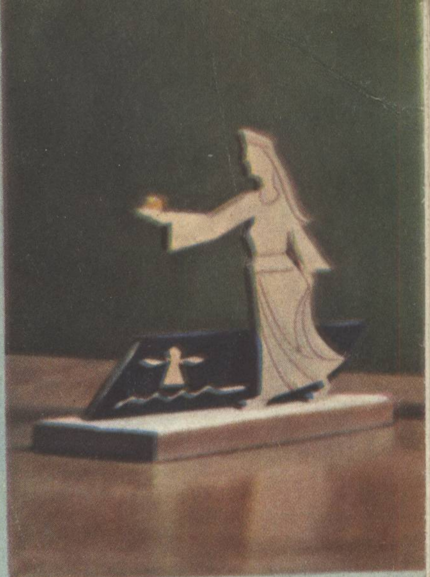
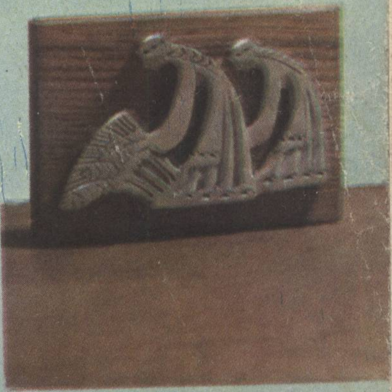
ПИОНЕР

МАРТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1965 г. 3

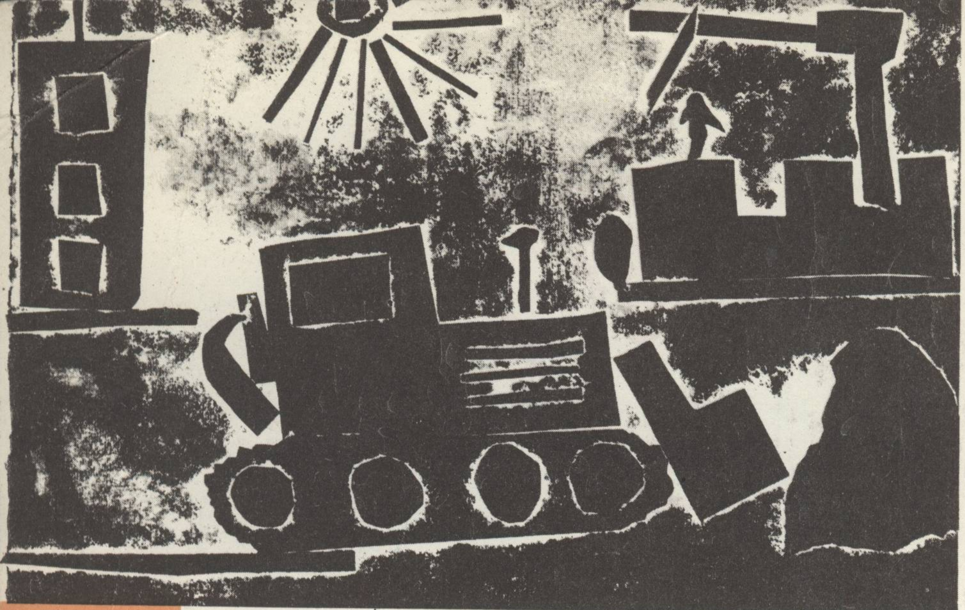

Перед вами картинки, сделанные руками юных художников Литвы,— гравюры, вырезанные на линолеуме.

Как хорошо умеют наблюдать эти ребята, как выразительно и правдиво показывают они то, что видят вокруг! Вот Альфонсас Курлянскас изобразил бульдозер на стройке, и мы чувствуем, мы угадываем сокрушающую силу могучей машины. А гравюра Виктора Криванаса «Рыбаки»! Ведь в ней — подробный рассказ о суровых людях сурового моря, об их опасном труде, о радости удачи. Наверно, не раз на причалах родной Клайпеды ожидал мальчик возвращения сейнеров с лова! Или, может, сам ходил в море с рыбаками?

Что касается сценки, которую изобразила Тересе Круковска, можно сказать наверняка, что она происходит не в какой-нибудь библиотеке, а в библиотеке того самого Куршенского детского дома, в котором живет Тересе. Девочка ведь и название дала своей картине такое: «Помогаем обслуживать читателей».

Галя Солдатенко, правда, награвировала просто орнамент. Но народные орнаменты, вышивки, резьба—тоже частички окружающей жизни. Подтверждение этому вы видели, еще не раскрыв «Пионер», на его обложках.

А в третий раз вам встретятся литовские ребята на страничках «Пионерских известий».

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 42-й

Чует лосенок — весна!
Весна!
Небо сплошная голубизна.
Хочешь напиться —
стукни копытцем,
брызнет вода
из-подо льда!

Я. САТУНОВСКИЙ.

3

март 1965

издательство „Правда"

НЕСУЩИЕ

ДРУЖБУ

Есть в Алжире горный район Большая Кабилия. Этот район особенно пострадал во время семилетней освободительной войны алжирского народа. Для бездомных жителей четырех уничтоженных французами аулов народное правительство Алжирской республики решило построить новый большой поселок в долине Уадиас. Молодежная организация Алжира, послав на стройку отряды своих добровольцев, обратилась с призывом и к молодежи разных стран.

Вот почему двенадцать специалистов и сто студентов из Советского Союза поехали в Алжир минувшим летом и полгода работали на стройке.

Было нелегко. Но в советский строительный отряд входил особый народ. Эти парни прошли закалку на целине и в Сибири. Они строили совхозные поселки в степях Казахстана и город шахтеров Мирный в алмазной якутской тайге. Они участвовали в сооружении Вилюйской ГЭС и гигантского элеватора на Каспии.

Четыре москвича — Игорь Пэн, Слава Зубарев, Марат Джубуев и Герман Горбунов,— вернувшись из Алжира, побывали у нас в редакции. Они вспоминали и рассказывали, как было дело, а мы записали, чтобы рассказать вам.

Волшебное слово

В долине Уадиас было пустынно и безлюдно. Камни и земля, голая, выжженная солнцем земля, твердая, как камни. И сорок девять градусов в тени. Если найдете тень.

Сначала сюда приехала головная группа, тринадцать студентов, чтобы построить палаточный городок. Все остальные в это время работали в алжирском порту, выгружая из трюмов нашего теплохода оборудование и строительные материалы: полторы тысячи кубометров леса, четыре грузовика, три колесных и два гусеничных трактора, четыре бетономешалки, компрессор, пневматические молотки и многое другое. Принять все это тоже предстояло головной группе.

Наконец в долину Уадиас начали приходить машины, груженные огромными ящиками в четыре, в пять тонн весом. А здесь ни крана, ни лебедки — ничего. Только ломики да доски, доставленные первыми рейсами наших четырех

грузовиков. И руки. Тринадцать пар рук, дружных, крепких, умелых.

Машины с досками разгружать помогали жители селения Уадиас, что в двух километрах от будущей стройплощадки. Пришли для этого и молодые и старики. Но когда настала очередь тяжеловесных ящиков с оборудованием, они отступили, недоверчиво качая головой.

— Тут нужен кран. Мы видели, как в порту грузят. Руками человек не может это сдвинуть,— говорили старики.

А если крана еще нет? Сидеть и ждать? А в городе ребята будут тоже сидеть и ждать возвращения грузовиков? Нет, так не пойдет! Наши студенты, воспитанные и выросшие в стране огромных строек, в городах, где гигантские стрелы кранов тянутся вверх, как деревья в лесу, эти молодые строители, знающие цену высокой механизации работ, нашли выход и здесь, в каменистой пустыне Уадиаса.

Из досок соорудили пологую ступенчатую горку, вплотную подвели к верхнему ее краю машину и — «ра-аз... два-а... Взяли! Ра-аз... два-а... Взяли!..».

Медленно, по сантиметрам, полз тяжелый ящик, повинуясь древней трудовой команде. За ним второй, за вторым третий. Это длилось не час и не два. И все же наступила минута, когда порожние грузовики, весело пофыркивая, покатили в город за новой партией грузов.

Старики удивлялись, а один спросил:

— Что за слова вы все время повторяли? Наверное, это волшебные заклинания, которые делают человека вдвое сильнее?

Студенты ответили:

— Волшебство этих слов, отец, заключается в том, что они помогают нам в один и тот же миг соединить усилия каждого из тринадцати человек в одно общее усилие. Волшебство не в самих словах, а в дружной, слаженной работе.

Академия Пронькина

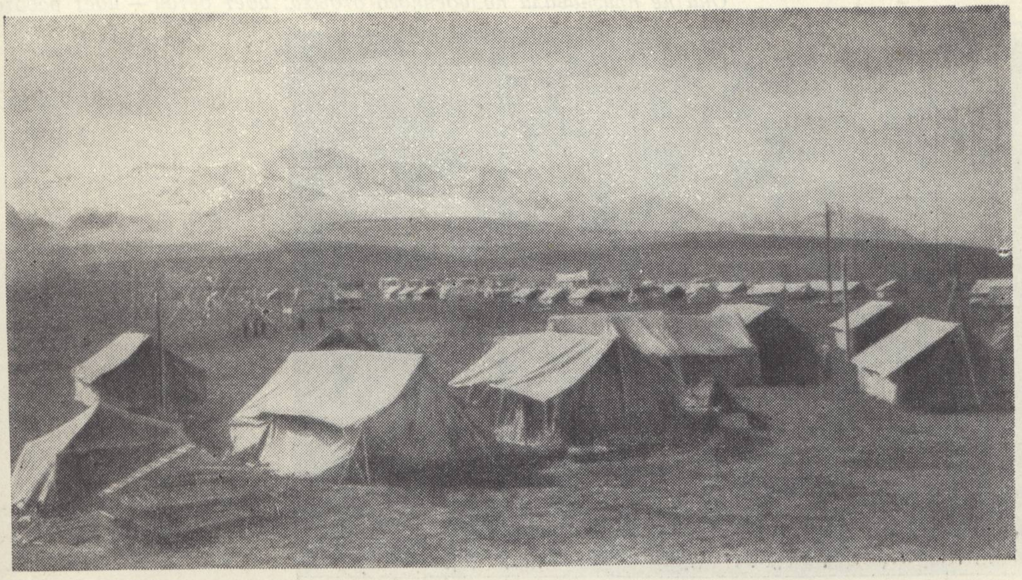

Саня Пронькин в Алжире был шофером. Не всякий шофер владеет французским, но ведь Саня не только шофер. В Москве, в Инженерно-строительном институте имени Куйбышева, он учил французский язык. Учил хорошо, уже мог разговаривать. И это очень пригодилось в долине Уадиас.

Ведь алжирцы в большинстве тоже владеют французским, хотя узнали его не в студенческих аудиториях, а у бывших своих «хозяев». Тем не менее им легко было понимать Саню, когда он объяснял, как водить машину. Скоро вокруг Сани образовалась целая автошкола. Стать шофером — мечта многих молодых алжирцев. Это же так нужно для дела, для страны!

Саня учил всерьез: и теории и практике. Даже отметки ставил. Ставил пятерки, ставил и двойки. Случалось и единицу влепить за невыученный урок.

...и возник в безлюдной долине Уадиас палаточный город.

Молодые алжирцы с энтузиазмом крутили баранку и нажимали педали скоростей. Они готовы были часами не вылезать из кабины во время практических занятий. А теорию, устройство двигателя некоторые учить ленились. Им казалось — скучно. И трудно. И ни к чему. Но Саня был беспощадно строг. Зато когда советские студенты-строители уезжали на родину, к самолету их везли на грузовиках алжирские шоферы, ученики Сани Пронькина.

Так было не только с шоферами. Наши ребята заботливо готовили себе смену. После их отъезда остались в Уадиасе трактористы, каменщики, монтажники, плотники, бетонщики, слесари, кузнецы. Четыреста человек! А девятнадцатилетний Шариф стал бригадиром комплексной бригады, которая самостоятельно строит дом, от фундамента до крыши.

Не для себя

Алжирское солнце даже алжирцам переносить нелегко. В самую раскаленную пору дня — с полудня и до четырех — у них в работе перерыв. Так было принято исстари, так было при французах, так осталось и теперь. На освященные обычаем часы, когда все живое, спасаясь от пекла, забивается в тень, не посягают и в новом Алжире.

Но для наших ребят не существовало полуденного отдыха. Они работали до тех пор, пока не сделают все, что нужно, все, что намечено. На первых порах, пока не был готов блок питания, их возили обедать за два километра в селение Уадиас. Но если к этому времени приспевали машины с грузами, ребята продолжали работать. И если шла укладка бетона — тоже.

Тогда приходил за ними молодой парень, командир местного отряда народной милиции (ему поручено было охранять строителей, потому что в горах бродили еще не выловленные остатки контрреволюционных банд).

— Вам пора обедать,— говорил он.

— Успеем! — отвечали ребята.— Сначала разгрузим вот это... И это, и это. А тогда будем обедать. Не ждать же машинам!

Но, разгрузив «это и это», они снова хватались за следующее неотложное дело.

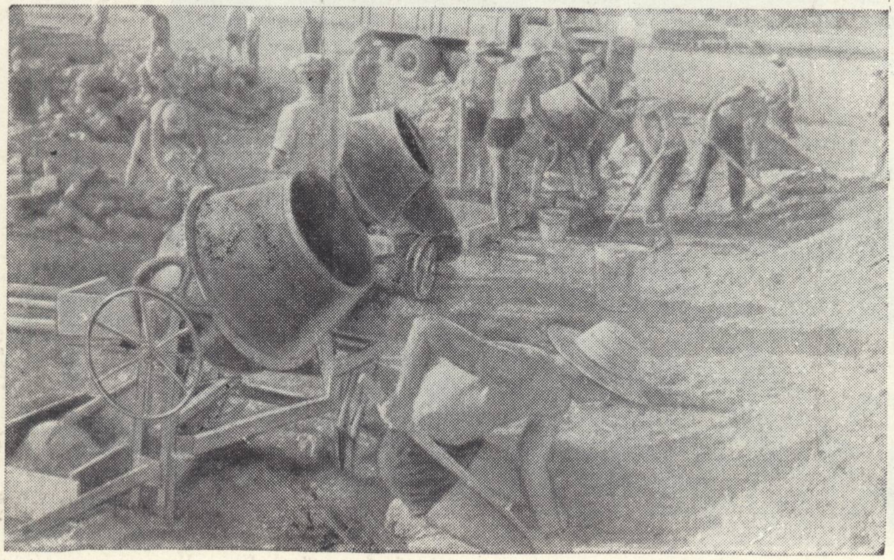
— Странные вы люди,— удивлялся командир,— все обедают, вы за работой. Пообедаете и опять бежите работать... Или усталость вас боится?

По всей Кабилии из аула в аул, из селения в селение пошла молва о неутомимых русских. Древние старики вышагивали не один десяток километров и, придя на стройку, часами смотрели на эту удивительную, вдохновенную работу.

А наши, выполнив дневной план, в часы отдыха принимались за «внеочередное» строительство: стадион, площадки для баскетбола и волейбола. Или обучали алжирских юношей строительным профессиям...

— Почему вы так работаете? Что вас заставляет?

Они не признавали полуденного отдыха: идет бетон — идет работа.

Ребята отвечали:

— Когда наш народ отвоевал свободу, было так же трудно, как вам сейчас. Приходилось вот так же работать, чтобы поскорей построить все, что разрушено. Нас тогда еще не было на свете, но, если бы наши отцы не работали так, мы не смогли бы сейчас вам помогать.

— Но ведь здесь не вы будете жить, в этих домах.

— Но будете жить вы! В нашей стране учат работать не для себя, а для всех людей.

Над пропастью

„Не для себя, а для всех людей». Алжирцы поняли этот великий закон советского человека и в трудную минуту обращались за помощью к нашим. Если трудно — всегда ведь идешь к другу!

Так случилось, когда жители небольшого аула, прилепившегося где-то высоко в горах, собрались строить школу. Школ в Алжире совсем мало, особенно в глухих горных местах. Сборных домов, предназначенных для школ, тоже мало. Их распределяет алжирское правительство. Вот так досталась школа и тому аулу. В долину Уадиас она была привезена. Дальше в горы должны были переправить ее сами жители. А им было не на чем и некому. Некому? А русские? И пришли люди из аула к русским. И, конечно, отказа не получили.

Юра Пристайло, студент Киевского инженерно-строительного, работал на тракторе «Беларусь». Он и взялся доставить эту школу. В один раз не привезешь. Нужно было сделать несколько рейсов, а дорога такая: слева — отвесная стена, справа — обрыв, а по карнизу выдолблен уступ. Только-только трактор пройдет.

Юра с акробатической ловкостью вел трактор по этой страшной дороге. Но одно место, в нескольких километрах от аула, было совсем гиблым. Правда, отвесная стена превратилась здесь в крутой косогор, зато и у дороги появился наклон в сторону пропасти.

— Дальше не надо ехать,— сказали Юре вышедшие навстречу горцы.— Тут опасно. Можешь в пропасть сорваться. Лучше мы дом по частям на руках перетащим.

Посмотрел Юра в пропасть и подумал, что люди с тяжелыми щитами тоже могут сорваться. А каждому придется идти много раз — значит, многим людям придется много раз рисковать жизнью...

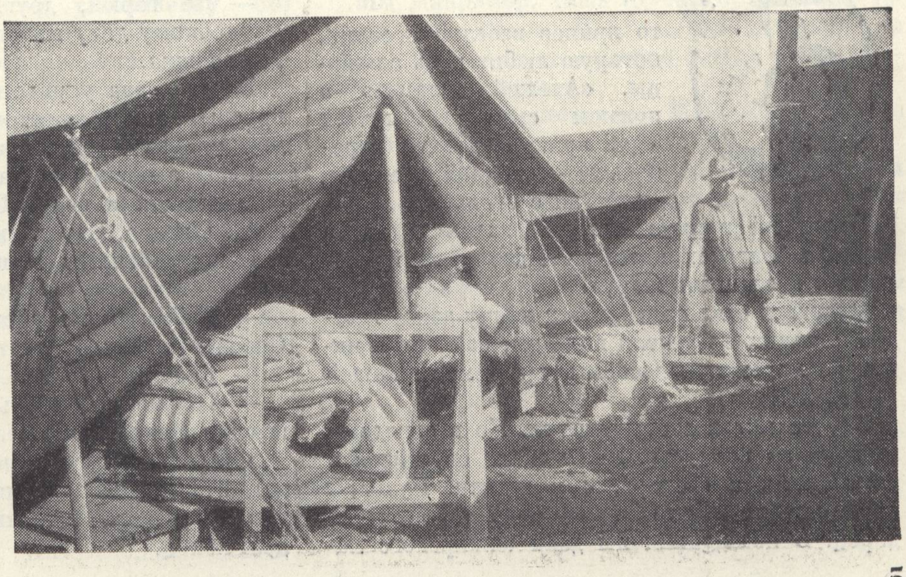
— Нет,— сказал Юра,— не нужно на руках. Я проеду.

— Тогда подожди,— попросили горцы.— Мы на всякий случай будем тебя всем аулом держать.

И они привязали к трактору восемь толстых канатов. И все мужчины аула, став на откосе, взялись за эти канаты, чтобы тянуть, если что.

Юра помахал рукой и двинулся вперед. Он знал, что им, конечно, не удержать, если бы

Наконец вещи прибыли. Палатки постепенно начинают обживаться.

Река... В минуты отдыха неудержимо влекло к ней, к ее прохладе.

трактор начал скользить в пропасть. Знал, но не сказал. Зачем? Пусть верят, что он в безопасности под их защитой! Для них эти канаты — моральная поддержка. Так он и совершил все рейсы через опасное место с «моральной поддержкой».

Он рисковал? Да. Безрассудно? Нет. Ему защитой были смелость и умение.

«Ателюй заламет»

Это припев веселой песенки, которую любят петь алжирцы. «Ателюй заламет» в прямом смысле означает «дай прикурить». А в переносном — «поддай жару», «работай с огоньком».

Задорный призыв «ателюй заламет» часто звучал в бригадах, потому что все время приходилось «поддавать жару».

Однажды стал подходить к концу запас гвоздей, а новых не успели подвезти (алжирцы никак не могли приспособиться к темпам нашей молодежи!).

Работа могла застопориться. Но в отряде — мастера на все руки. Были среди студентов и каменщики, и слесари, и плотники. Кузнецы тоже нашлись: Коля Ходаковский и Семен Сидорец. В помощники им дали алжирского паренька. Но он, Бен Беллал, не был кузнецом. И получалось у него, как в стихах Маршака:

Раз-два, по полену,
три-четыре, по колену...

Не слушался его молоток, червяком изгибался под неловким ударом пруток заготовки.

Беллал еще учится, а гвозди нужны вот сейчас, сию минуту.

— Давай, давай,— торопят ребята,— ателюй заламет!

Наконец Семен предложил:

— Давай-ка, Беллал, разделим обязанности: я буду ковать, а ты заготовки носить.

— Не горюй, друг! — утешал Николай.— Кузнечному делу мы тебя научим, когда пройдет спешка.

Беллал едва управлялся подносить рдеющие красным светом заготовки. Метко и четко, с двух ударов обрабатывали их Николай и Семен.

Раз-два — шляпка расклепана. Гвоздь летит охлаждаться в воду. Три-четыре — готов другой... Раз-два. Еще и еще.

Когда рабочий день кончился, Беллал попросил:

— Дайте, пожалуйста, ключ от кузницы. Очень нужно.

— Возьми,— сказал Семен.

— Только не забудь запереть потом,— напомнил Николай и ушел.

А утром, торжественный и сияющий, Беллал подошел к горну, ловко схватил раскаленную заготовку, зажал в тиски и в два удара расплющил конец.

— Давай-давай! — сказал Беллал по-русски, точь-в-точь как вчера говорили ребята. А Семен с Николаем, весело перемигнувшись, заняли места у других тисков.

В кузнице стало три кузнеца.

Павка Корчагин в Алжире

Когда выдавалась свободная минута, Марат Джубуев или кто-нибудь еще из владеющих искусством киномеханика грузил в машину передвижку, укладывал катушки с фильмами и отправлялся в путь. В аулах ни кинотеатров, ни клубов пока нет. Вместо экрана выбирали стену поровнее да побелее.

Алжирцы очень любят кино, и наши ребята были щедры. Они показывали не один фильм, а два, да еще и хронику. Сеанс длился соответственно часа три-четыре. Зрители смотрели стоя. Но они не знали усталости. Не говоря уж о ребятишках, даже старики, досмотрев все кинозапасы, просили:

— Еще! Покажи еще...

Были фильмы особенно горячо любимые. В ином далеком ауле знали не про всех космонавтов. Но Павла Корчагина знал каждый и любили все. С волнением следили зрители за событиями на стене-экране. Вот дошло до эпизодов в Боярке, когда комсомольцы — голодные, босые, измученные — строят узкоколейку. Вот Павка, уже больной тифом, обмороженный, яростно бьет кайлом мерзлую землю, словно белогвардейцев в рукопашной схватке...

Пожилые алжирцы очень сдержанны. Радоваться и негодовать вслух — это у них не в обычае. Опираясь на посохи, стоят старики в белых бурнусах. Выстроились вдоль светового луча, чтобы не заслонять его. Смотрят молча, не выражая чувств. Только брови сдвинуты, губы сжаты, руки крепко стискивают посох. А под световой дорожкой сидят на земле, скрестив ноги, мальчишки. Они тоже молчат, подражая взрослым. Но все глаза устремлены на экран, и во всех глазах — отблеск корчагинского огня.

И когда кончился фильм, алжирцы, знающие о снегах и морозах только понаслышке, задумчиво качали головами:

— Это как у нас, только еще труднее! — И они горячо просили Марата:

— Еще, покажи еще!

Павка Корчагин! Он вел на подвиг не одно поколение комсомольцев нашей страны. Сейчас он ведет молодых добровольцев трудовой армии Алжира. Такой уж это человек: всегда там, где линия огня, и в бою и в труде.

«Это все целина»

Наши гости живо и охотно рассказывали о своих футбольных встречах (Марат — нападающий студенческой команды), о «КВН» — клубе веселых и находчивых, о том, как ездили в выходной за сто километров, чтобы окунуться в море, как совершали восхождения на скалы Джур-Джуры... (И когда успевали только! И откуда силы брали!)

— А работа? Что работа! Обыкновенно!..— говорили они.

Оживлялись, когда надо было рассказать о ком-то другом. Так возник перед нами Юрий Пристайло, Семен Сидорцев, Саня Пронькин. О себе наши герои не рассказывали, а «проговаривались».

Мы, например, лишь случайно, стороной узнали, что Игорь Пэн, самый старший из них,— кавалер трех орденов Славы, герой Отечественной войны.

«Работа? Обыкновенно... Жара — это да. Это действительно».

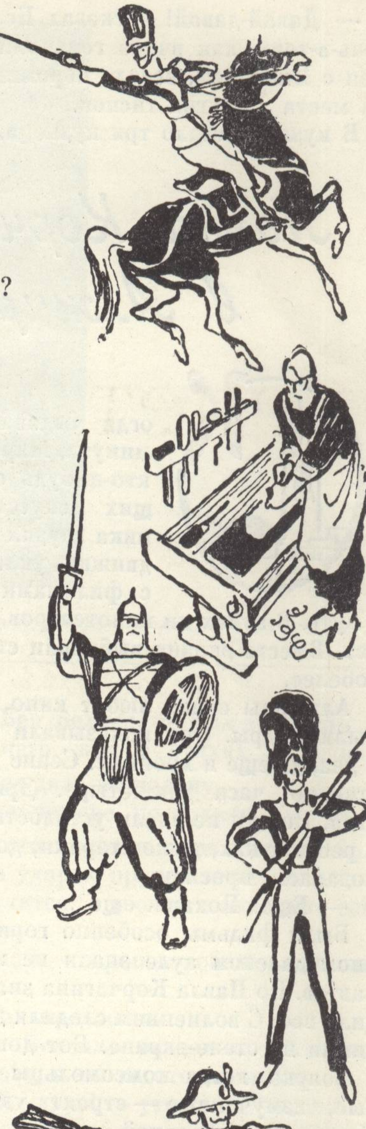
Когда же мы стали уточнять, кто из них был на целине, а кто на Вилюе, они удивились: «Так ведь Вилюй — тоже целина. И Алжир целина».

Мы поняли: целина для них — это где трудно, где борешься и побеждаешь, где нужны твои руки и твое сердце. Где просто нельзя иначе.

ПРАДЕДЫ

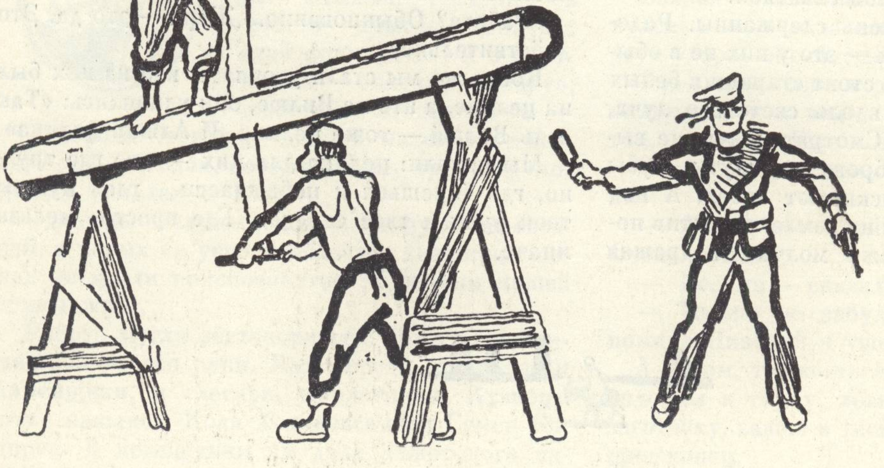

Г. ГРАУБИН

Рисунки А. Брея.

Кем был твой прадед на Руси?
Свою фамилию спроси!
Есть в каждом классе Кузнецов,
Кто прадед Кузнецова?
Он был из рода кузнецов
Отец отца отцова.
У Гончарова прадед знал
Гончарный круг и глину.
У Дегтярева — деготь гнал,
В дегтярне горбил спину.
Быть может, юный Столяров
И с долотом не сладит,
Но прадед был из столяров,
Он мастером был, прадед.
С пилою Пильщиков дружил,
Мял Кожемякин кожи,
В атаки Воинов ходил,
Стрельцов сражался тоже.
А вот Октябрьский был рожден
Совсем в другую пору:
Матросов в Зимнем помнит он
И грозную «Аврору»...
Звучат, как музыка, как стих,
Фамилии простые.
Вглядись, и ты увидишь в них
Историю России.

Коля пишет Оле, Оля пишет Коле...

Анатолий АЛЕКСИН

Рисунки Б. Винокурова.

ОЛЯ И КОЛЯ

Шоссе длинным серым клинком рассекало лес, казавшийся непроходимым. Но, подъезжая к тому месту, где клинок шоссе перекрещивался с другим клинком, отточенным и сверкающим,— с уральской рекой, люди удивленно прислушивались: непроходимые лесные заросли трубили горнами, пели и даже дискутировали на тему «Может ли мальчик дружить с девочкой?». У самого моста стрелка, нацеленная на лес, все объясняла: «Пионерский лагерь «Сосновый бор» было написано на ней выцветшими от солнца и дождя буквами. Дискуссии устраивал главный редактор лагерной радиостанции «Голос в лесу» Лева Звонцов...

...Почти все ребята в лагере давно знали друг друга: раньше они жили на Севере, где родители их построили алюминиевый завод, потом родители переехали на Урал — и ребята переехали тоже.

У соцгородка было странное и не очень благозвучное имя «БАЗ», что означало «Большой алюминиевый завод». Взрослые были очень заняты, и у них не хватало времени придумать городу другое название. А у ребят свободного времени было побольше, особенно летом, в лагере, и Лева Звонцов по радио объявил конкурс:

Пионер! Поработай мозгами своими
И придумай для города
новое имя!

В лесу, на свежем воздухе заработали мозгами сразу двести тридцать ребят; и вот по вечерам, хрипло вторгаясь в бесконечную птичью болтовню и сосновый шум, Лева Звонцов стал устраивать такие радиобеседы:

— Расскажи-ка нам, какое имя ты хочешь дать нашему городу!

— Город, который мы сами построим...

Репродуктор, черным гнездом примостившийся меж сосновых ветвей, вдруг мелко-мелко задребезжал — это Лева расхохотался в самый микрофон:

— Где ты слышал такие длинные названия?

— Не слышал. И очень хорошо: пусть будет ни на что не похоже!

— Вот именно: ни на что не похоже! Следующий!

— Бр-ратск!— нажимая на букву «р», четко выговорил очередной участник конкурса.

— Это название уже без тебя придумали.

— Ну и что же? Тот город на Ангаре, а этот — у нас.

— Ну, как ты не соображаешь?.. Может возникнуть путаница, вот, например, с письмами...

— И тот, на Ангаре, — тоже не старый.

— Тогда я подумаю...

Левин голос расположился в эфире, как у себя дома; он оценивал, поучал, делал замечания.

— Следующий!

— Что ты кричишь, как в лесу?— ответил ему голос, в котором не было раздраженности или ехидства, а было добродушное удивление лихой Левиной бесцеремонностью.

Все сразу узнали Олю Воронец.

— Мы и есть в лесу!— тут же нашелся Лева. Но, смущенно пошуршав чем-то в микрофон, добавил: — Здесь такая очередь: всем не терпится получить премию. У тебя есть предложение?

— Я предлагаю назвать так: город Крылатый!

— Немного странно звучит...

— Почему странно? Есть же город Рудный! А у

нас будет Крылатый. И это справедливо: из алюминия самолеты делают.

— Ах, так?! — встрепенулся Лева. — Очень поэтично!

— Просто точно, по-моему, и справедливо.

«Справедливо» — это было любимое Олино слово. Правда, частенько она прибавляла к нему коротенькое отрицание «не». «Это несправедливо!» — спокойно заявляла Оля. И тут же вступала в борьбу за справедливость.

Девочки были влюблены в нее. Прошлым летом Оля носила косы — и в волосах у ее подруг тоже мелькали разноцветные ленточки. Этой весной, перед лагерем, она постриглась — и подруги ее мигом, без сожаления распрощались со своими косами.

Оля редко сердилась... Главным образом тогда, когда встречалась ей на пути какая-нибудь нечестность, неправда. И еще Оля сердилась, когда ее называли красивой. В прошлом году начальник лагеря, проводя по «Сосновому бору» какую-то делегацию, все время восклицал: «А вот это наша волейбольная площадка! А вот это наша читальня! А вот это наш радиоузел!..»

— А вот это наша красавица! — гордо объявил он, увидев издали Олю Воронец.

Но в ответ на слова начальника Оля повернулась спиной к гостям и скрылась за деревьями.

В начале августа у всего лагеря испортилось настроение: стало известно, что в сентябре Оля не придет в школу. Ее отец был геологом и теперь уезжал на Север, за Полярный круг. Только один человек в лагере был рад предстоящему Олиному отъезду. Это был Коля Незлобин, по прозвищу Колька-Свистун. Он любил переговариваться с птицами, к ребятам обращался коротко и грубовато: «Эй, ты!.. Слушай-ка!» — а с птицами беседовал ласково и безошибочно узнавал их голоса. Но не за это прозвали его Свистуном, а за то, что как-то однажды, в прошлом году, он неожиданно для всех пообещал написать хорошие стихи к родительскому дню, а написал плохие — и родителей пришлось приветствовать в прозе. Правда, стихов этих не видел никто, кроме Оли Воронец. Она должна была читать их в начале концерта самодеятельности, но в последний момент читать отказалась, заявив, что стихи никуда не годятся. Оля первая сказала Кольке: «Эх, ты, Свистун!..» А он в ответ прозвал ее Вороной: это, кажется, была единственная птица, которую он не любил. Но только никто, кроме Кольки, Олю Вороной не называл, а к нему прозвище Свистун приклеилось так прочно, словно было с рождения вписано в метрику.

Из всех споров, которые время от времени затевал по радио и в стенгазете Лева Звонцов, он больше всего любил дискуссию на тему «Может ли мальчик дружить с девочкой?». И хотя всем было уже давно ясно, что мальчик дружить с девочкой может, Лева затевал это обсуждение минимум два раза в год—зимою и летом. В этом году любимая Левина дискуссия сразу стала затухать: спора не получалось. Тогда Лева выпустил к микрофону Кольку-Свистуна, и тот громко, уверенно заявил, что девчонки — предательницы.

Все поняли, кого он имеет в виду, и дружно бросились Оле на помощь. «Ишь ты, высказался!» — верещали по радио девочки. Лева Звонцов только успевал радостно включать и выключать микрофон: дискуссия разгорелась с невиданной силой.

А Колька ничего не отвечал. Он снова мрачно помалкивал... Все считали, что вообще он любит переговариваться с птицами потому, что ему нечего рассказать о себе, нечего сказать людям. Но на самом деле ему было бы что рассказать, если б только он захотел...

Маму понесли на брезентовой плащ-палатке в деревню.

О ЧЕМ БЫ ОН МОГ РАССКАЗАТЬ...

Отец проектировал алюминиевые заводы, но когда поднимались их корпуса, нигде — ни на кирпиче, ни на крыше, ни на трубе — не было написано, что тут есть частица и его, отцовского, труда. А вот то, что без Колькиной мамы дворовая волейбольная команда не может сражаться со своими противниками, знали все.

Колькину маму никто по имени-отчеству не величал, даже ребята называли ее просто Лелей... «Вот придет наша Леля с работы, — мы вам покажем!» — кричали они волейболистам соседнего двора, и Колька ходил гордый, будто это он сам умел «гасить» так, что все игроки по ту сторону сетки боязливо приседали на корточки.

Мама выбегала во двор в узких спортивных брюках и в тенниске. Болельщики встречали ее нетерпеливым гулом радости, но она прежде всего разыскивала Кольку и усаживала его в самый первый ряд зрителей — на садовую скамейку, на забор или прямо на траву...

Это было давно, в далеком северном городе, откуда Колька уже уехал, но он помнил все очень ясно и знал, что не забудет этого никогда...

Отец был намного старше мамы. Он не умел играть в волейбол, плавать диковинным стилем баттерфляй и бегать на лыжах так хорошо, как умела мама. И мама не заставляла его учиться всему этому. Но зато она научила его носить спортивную майку с распахнутым воротом, долго гулять перед сном и делать по утрам гимнастику (она вытаскивала на середину комнаты сразу три коврика: для себя, для отца и совсем маленький для Кольки).

А еще она научила отца судить волейбольные матчи, и когда отец со свистком во рту усаживался сбоку возле сетки, он тоже казался Кольке — а может быть, и всем остальным — совсем молодым человеком. И его в те минуты тоже хотелось назвать просто по имени... Хотя никто его все же так не называл. Зато вслед за мамой все уважительно именовали его: «О справедливейший из справедливых!» Папин свисток был для спортсменов законом.

Ну, а дома судьей была мама. Она никогда не давала громкого свистка, никогда не напоминала вслух о правилах жизни, но отец и Колька всегда весело и добровольно подчинялись ее решениям, потому что эти решения были справедливы.

Однажды летом отца стали душить частые приступы астмы: климат далекого северного города стал опасным союзником папиной болезни.

— Я увезу тебя к самым лучшим врачам: к реке, к свежему воздуху... И они вылечат тебя! — сказала мама. — Мы заберемся в глушь и будем жить там, как Робинзоны!

Втроем они ехали поездом, потом на грузовике, потом шли немножко пешком — и забрались туда, где воздух был сухим, а природа именно такой, какую долгие годы прописывали отцу доктора, приговаривая: «Но все это недостижимый идеал. Поэтому обратимся-ка лучше к таблеткам и каплям!»

Но доктора не были знакомы с мамой и не знали, что она умела делать «достижимым» все, что нужно было отцу и Кольке.

...Тут, на берегу реки, мама вдруг проявила такие способности, каких даже Колька с отцом от нее не ожидали. Отец по утрам планировал предстоящий день отдыха, а мама смеялась: «Эх ты, мой проектировщик!» И разжигала печку в домике лесника или даже костер прямо в лесу. И варила суп, картошку, кипятила молоко...

Отец загорел, посвежел, забыл про свои лекарства. «Теперь мы с вами три богатыря!» — говорила мама. А сама вдруг однажды вечером легла на бок, побледнела и, увидев испуганное Колькино лицо, заулыбалась как-то неестественно, трудно, через силу.

Пожилой лесник, отец и Колька понесли маму на брезентовой плащ-палатке в деревню, что была в пяти километрах: к домику лесника нельзя было подъехать даже на телеге. Мама все время держала Кольку за руку (не отца, не лесника, а только его — Колька навсегда запомнил это!). Она то и дело, быть может, почти бессознательно повторяла: «Ничего... Не волнуйтесь, пожалуйста. Не волнуйтесь...» И только изредка спрашивала: «Еще долго? Еще далеко?..» А они все трое молчали.

В лесу быстро темнело. Идти было трудно. И все то, что еще утром, еще днем казалось таким прекрасным, таким заманчивым — непроходимые заросли, глухое переплетение ветвей, — все это сейчас было враждебно и ненавистно Кольке. «Еще долго? Еще далеко?..» — спрашивала мама.

Из деревни они позвонили в райцентр, за двадцать пять километров, в больницу. «Скорая помощь» добиралась целую вечность, хотя по часам выходило, что ехала она всего около часа.

Молодой человек в белом халате, очень строгий и неразговорчивый, даже не поздоровавшись, стал сразу осматривать маму. А потом коротко сообщил: «Аппендицит». Садясь в белую машину с красным крестом впереди на круглом фонаре, он произнес еще два слова: «Надо успеть». Отец тоже сел в машину, и она умчалась.

А Колька остался возле сельсовета, рядом с пожилым лесником, и все время мысленно повторял последние мамины слова, обращённые не к отцу, не к врачу в белом халате и не к пожилому леснику, а только к нему, к Кольке — к нему одному:

— Все будет хорошо. Аппендицит — это ерунда. От этого не умирают...

Мама умерла. Это было давно, в тот год, когда Колька еще только собирался на свой самый первый школьный урок. А теперь он уже был в шестом классе...

Прошли годы... А Колька все вспоминал строгого молодого человека в белом халате и короткую фразу: «Надо успеть». Почему же они не успели?..

Странная, непонятная людям привычка появилась у Кольки — почти у каждого нового знакомого он спрашивал: «У вас был аппендицит?» «Был, — отвечали некоторые. — Вырезали. Чепуховая операция!»

И снова одна и та же неотвязная мысль рвала его сердце: «А если бы больница оказалась ближе? А если бы дорога в лесу была проходимее?»

ДУПЛО СТАРОГО ДУБА

Начальник лагеря очень любил делегации. Тогда в любую жару он появлялся среди душного леса в темном костюме и при галстуке. Как экскурсовод, ходил он с вытянутым вперед указательным пальцем, объясняя, что беседка называется беседкой, а библиотека — библиотекой, похлопывал по плечу всех встречных ребят и невпопад задавал им вопросы: «Ну, как прошла линейка? Что было на совете лагеря?»

«Линейка» и «совет лагеря» — это были те немногие пионерские термины, которые он знал. Почти

никто из ребят не помнил его имени-отчества, а все так прямо и называли — начальником. Он, казалось, был твердо убежден, что пионерлагерь для того главным образом и существует, чтобы его можно было показывать комиссиям из завкома и постройкома да разным любопытным туристам.

И вот когда однажды начальник лагеря утомленно произнес свою любимую фразу: «Так мы и живем!», — а руководство благодарно ответило ему: «Хорошо живете!» — Оля неожиданно для всех вмешалась в разговор:

— И все это сделал наш Феликс!

— Кто? Кто?..— подчеркивая свое особое внимание к «голосу детей», заинтересовалось руководство.— Пионер? Как его фамилия?

— Нет, это наш старший вожатый... Феликс!

Начальник лагеря побледнел, а руководство что-то поспешно записало в блокнот.

Феликс тоже недолюбливал начальника и работал в пионерском лагере только потому, что не хотел на целое лето расставаться с ребятами, которых знал уже три с лишним года: в школе у них он тоже был старшим вожатым.

Еще мальчишкой в Крыму Феликс наткнулся на мину — и ему оторвало правую руку. «Эхо войны!» — говорил он, поглаживая пустой рукав, заправленный за пояс.

Ребята слагали легенды о его левой руке, но больше всего гордились тем, что их вожатый стал главным дружинником в городе. Они рассказывали, что Феликс «одной левой» распутывал самые жуткие и загадочные преступления, которых, конечно, не смог бы разоблачить ни один Шерлок Холмс в мире.

По вечерам, когда таинственно переговаривались сосны, а заросли, окружавшие лагерь, были полны тихих, приглушенных шорохов, девочки просили Феликса поведать о том, как он расправлялся с бандитами и другими особо опасными преступниками.

— Извините... Я, конечно, очень виноват перед вами, но у нас в городе нет бандитов,— тоже таинственным полушепотом, в тон девочкам, ответил однажды вожатый.— И «особо опасных» нету. Не потому, что наш городок еще маленький, а потому, что новый. И все в нем должно быть по-новому. И будет, вот уви-идите!

«Вот уви-идите!» — часто повторял Феликс, многозначительно растягивая слово «увидите», будто заглядывал при этом куда-то далеко-далеко с высоты своего длиннющего роста.

И еще Феликс часто напоминал ребятам, что они живут в новом городе, где главный проспект назывался Новой улицей, самая большая площадь — Новой площадью, а конечная остановка автобуса — остановкой «Новые дома».

Ребята были, конечно, рады, что все в их городе будет по-новому, а все-таки им было немного жаль, что Феликс со своими дружинниками не бродит по лабиринтам запутанных преступлений и не вылавливает каждый день хотя бы по одному опасному преступнику.

— Разные нечестные люди у нас, конечно, еще имеются,— словно утешая ребят, сообщил Феликс,— хулиганы тоже, нарушители порядка, которые жить мешают...

Это воодушевило всех: значит, дружинники не сидят без дела и им, может быть, даже нужна пионерская помощь!

Феликс сказал, что и в школе еще немало дел. В помощь старшему вожатому школьный совет дружины создал небольшой отряд из самых надежных ребят, командиром которого выбрали Олю Воронец. А уж она, конечно, назвала его не как-нибудь, а пионерским «Отрядом Справедливых». И лишь Колька-Свистун делал вид, что вообще не слыхал о таком отряде.

Давно, еще в детстве, Феликс жил в Крыму, возле Артека. Он часто рассказывал ребятам о море, хотя чистая уральская река была, по его мнению, ничуть не хуже; о Крымских горах, хотя Уральский хребет был, как ему казалось, даже красивее; и еще о заветном артековском дубе, что рос на Медведь-горе... Прощаясь с лагерем, пионеры-артековцы опускают в дупло этого старого дуба письма, адресованные тем, кто приедет в лагерь вслед за ними.

— И у нас ведь тоже есть старый дуб, на краю поляны, недалеко отсюда,— сказал как-то на совете лагеря Феликс.— Дупло в нем не хуже артековского. И пустует, мокнет без дела под дождем такой отличнейший почтовый ящик!

Это сообщение взбудоражило весь совет.

— И как же мы не догадались? Давайте тоже писать письма! А сверху дощечкой прикроем до лета, чтобы снег и дожди не попортили.

— И кому же мы будем писать? — с улыбкой осведомился Феликс.

— Как и артековцы... тем, кто после нас приедет!

— Значит, самим себе, что ли? Сами с собой будем переписываться? Ведь в Артек-то каждую смену новые ребята приезжают, а сюда почти все вы еще года два или три подряд будете наведываться.

Лева Звонцов сказал, что было бы хорошо превратить дупло в ящик для заметок радиокорреспондентов.

— А наверху меж ветвей репродуктор повесим,— предложил Лева.— И будет очень поэтично: вниз, в дупло, заметку спустят, а она через некоторое время сверху моим голосом заговорит!

С Левой не согласились. Но других предложений не последовало, и тогда Феликс сказал:

— Я, кажется, придумал, чем мы с вами будем в последние летние дни загружать свой почтовый ящик...

— Чем?!

— Поручениями на год, до будущего лета...

— Какими поручениями?

— Вот, например, Леве Звонцову можно поручить провести за зиму по школьному радио три дискуссии — и ни одной из них на тему «Может ли мальчик дружить с девочкой?». Ну, а будущим летом, как только приедем в лагерь, снова соберемся возле заветного дуба, откроем свой лесной ящик и проверим, кто и как выполнил наши задания...

...В самый последний лагерный день ребята собрались возле старого дуба. Потрескивал костер, словно кто-то тихонько надламывал сухие поленья и сучья.

Вперед вышла председатель совета лагеря Люба Янкевич — длинноногая и нескладная с виду девочка, которая всегда казалась выросшей из своих платьев, стеснялась этого и прятала смущение за нарочитой серьезностью. Она объявила:

— Пусть каждый сам даст конкретное задание своему товарищу на целый год, до будущего лета. Мы уже заготовили чистые листки — будем записывать... И опускать в дупло. Кто просит слова?

Никто слова не попросил, потому что никто еще не

придумал ничего конкретного. Внезапно подувший ветерок, словно желая поторопить ребят, подхватил несколько чистых листков и покружил их над костром. Он раздразнил невысокие огненные языки, которые заметались из стороны в сторону, словно стали гоняться за листками...

Первым выскочил Лева Звонцов.

— Я предлагаю дать наше почетное задание Феликсу! Поскольку он...— начал разглагольствовать Лева.

— Подожди,— остановил его старший вожатый.— Почему «почетное»? И зачем начинать с меня? Ведь я остаюсь с вами... А вот одна из вас уезжает... И хоть она вряд ли придет в будущем году к этому дубу, мы не желаем расставаться с ней и дадим ей свое самое первое задание!

Все стали искать глазами Олю Воронец, но в темноте это было не так уж легко, и, чтобы ребята перестали вертеть головами, Оля поднялась и вышла к костру.

— Вот и хорошо,— продолжал Феликс.— Оля, мы не собираемся с тобой насовсем прощаться и хотим все знать о тебе. Я предлагаю поручить Оле Воронец переписываться с кем-нибудь... Чтобы он потом пересказывал Олины письма всей дружине.

— Почему «он»? А может быть, это будет «она»?— ревниво подскочила на своем месте лучшая Олина подруга Аня Черемисина, прозванная за свои рыжие волосы и непоседливость Белкой.

— Нет, я хочу, чтобы это как раз был «он», а не «она»,— с неожиданной настойчивостью повторил Феликс, обычно старший вожатый не навязывал ребятам своих предложений.— Именно «он»! Коля Незлобин...

Весь лагерь изумленно затих.

— Да он же молчаливый, как сыч!— крикнул кто-то.

— А вот, может, в письмах и разговорится, — возразил Феликс.

Колька сидел далеко от костра. Сидел и молчал, потому что не верил ушам своим. И словно для того, чтобы он им поверил, в одно его ухо вдруг пополз захлебывающийся шепот:

— Эх ты, тютя!.. Над тобой издеваются, а ты молчишь. Она же тебя перед всеми опозорила, а ты ей теперь будешь разные там писюлечки посылать: «Люблю! Целую! Жду ответа, как соловей лета!..»

Нет, не один Колька в лагере был зол на Олю Воронец, ее еще, оказывается, не любил и этот вот паренек, Рудик Горлов, хотя вслух об этом говорить боялся. Зато сейчас он прямо втиснулся в Колькино ухо, так что Кольке стало не по себе, и он отодвинулся в сторону.

Минуту назад Колька собирался с силами, чтобы вскочить с места и крикнуть: «Никогда ей не напишу! Ни одной строчки!» — но ему были противны шепелявые подсказки Рудика, он ни в чем, решительно ни в чем не хотел быть с ним заодно — и не вскочил со своего места. И неожиданно для самого себя промолчал...

Оля слегка передернула плечами.

— Пожалуйста... Если мне дадут такое странное задание, я выполню.

— Вот и дадим! — еще раз подтвердил Феликс. И действительно, взял чистый листок, написал на нем что-то и опустил этот листок в дупло старого дуба.

КЛЕТКА БЕЗ ПТИЦЫ

Через три года после смерти мамы Колькин отец женился. В дом пришла Елена Станиславовна, работавшая с отцом в проектной конторе. Она пришла не одна — с нею вместе явилась и ее дочка Неля.

Неля была на год моложе Кольки, но в доме она сразу стала старше, как бы главнее, потому что училась в музыкальной школе. В большой комнате, на самом видном месте, было установлено черное блестящее пианино. И оно сразу как бы заполнило собой всю квартиру...

Перед тем как переехать к ним в дом, Елена Станиславовна спросила у Кольки, не возражает ли он против этого. Колька не возражал... Потом как-то она долго беседовала с ним и назвала эту беседу «очень важной для всей их дальнейшей совместной жизни». Она сказала, что Колька со временем, конечно, должен будет называть ее мамой, Нелю — сестрой; Неля же, тоже со временем, должна будет называть Колькиного отца папой, а все вчетвером они непременно должны будут стать друзьями. Она добавила также, что Колька и Неля должны быть во всем равны.

Неля, не «со временем», а прямо-таки с первого дня стала говорить Колькиному отцу «папа», и он несколько дней вздрагивал от неожиданности, когда она его так называла. «Вот видишь,— сказала Елена Станиславовна Кольке,— Неля хоть и младше, но подала тебе пример».

А Колька не мог... Елена Станиславовна была, наверно, очень хорошей или, как говорил отец, «глубоко порядочной» женщиной, да и Неля ничего плохого Кольке пока не сделала, но друзьями они никак не становились, хоть это, по проекту Елены Станиславовны, обязательно «должно было быть».

Елена Станиславовна зорко следила за тем, чтобы Колька и Неля в одно и то же время утром вставали, а вечером ложились спать, поровну ели за завтраком, за обедом и за ужином (Кольке даже доставалось больше, потому что он, как подчеркивала Елена Станиславовна, «должен стать мужчиной»), но никакого равноправия все равно не получалось: Нелино пианино, ее призвание, ее музыкальное будущее не оставляли в доме даже крохотного местечка для Колькиных увлечений и призваний, которых, впрочем, пока и не было (если, конечно, не считать птиц). Но которые, быть может, могли еще появиться...

В доме от Кольки ничего особенного не ждали, были вполне удовлетворены, когда он получал тройки, хотя от Нели строго требовали одних только пятерок.

С приходом Елены Станиславовны отцу как-то сразу стало точно столько лет, сколько было по паспорту,— сорок пять. Он уже не судил волейбольные матчи во дворе (Елена Станиславовна назвала это мальчишеством), не ходил в спортивных рубашках с распахнутым воротом и, хотя Елена Станиславовна чуть ли не каждую неделю водила его к врачам, чувствовал себя очень неважно. «Ты забываешь о своей болезни!» — с укором восклицала Елена Станиславовна. А мама как раз старалась, чтобы отец о своей болезни никогда не вспоминал...

Да, у новой жены отца характер был совсем другой, чем у мамы. И другой характер стал у всего их дома. Дом их был теперь аккуратным и подтянутым, словно застегнутым на все пуговицы, как строгий темно-синий жакет Елены Станиславовны.

Мамин портрет, которого Колька даже не видел раньше, Елена Станиславовна повесила на самом вид-

ном месте, над черным блестящим пианино, и когда приходили гости, она громко всем сообщала: «Это первая жена моего супруга. Она была прекрасной женщиной. И нелепо погибла от аппендицита...»

...В тот памятный день, когда Колька вернулся из пионерского лагеря, в центре стола красовался пирог, купленный Еленой Станиславовной в соседнем магазине «Кулинария». Мама когда-то сама пекла пироги к праздничным дням и вообще даже в будни любила повозиться на кухне. Елена Станиславовна предпочитала полуфабрикаты и готовые обеды, которые Колька и Неля по очереди (чтобы во всем было равноправие) таскали в судках из столовой строителей.

Ко дню Колиного возвращения Неля выучила новую музыкальную пьесу—бравурную и торжественную, подобную маршу, каким встречают победителей сражения. А Колька появился на пороге с облупившимся на солнце носом и со старым, тоже облупившимся чемоданчиком.

Неля откинула блестящую крышку — и грянул марш.

Неля кинулась к своему круглому вертящемуся стулу без спинки, отбросила блестящую крышку пианино — и грянул марш. Но она не сумела доиграть его до конца...

— Где моя Черная Спинка? — вскрикнул Колька, заглушая пианино.

Черной Спинкой он называл раненую чайку, которую нашел прошлым летом на озере, возле лагеря, и всю зиму лечил.

— Она... была на кухне,— ответил отец. И двинулся навстречу Кольке с распростертыми объятиями.— Здравствуй!..

Колька увернулся от его рук, бросил свой чемоданчик на тахту и выскочил из комнаты. Все трое — отец, Елена Станиславовна и Неля,— переглянувшись, неуверенно двинулись за ним.

В кухне на окне стояла пустая клетка... Это была не обыкновенная клетка, какую можно купить в зоомагазине,— она была самодельная, очень просторная, так что птица чувствовала себя в ней свободно и не должна была натыкаться на деревянные перекладины. Эту клетку Колька построил очень давно, с маминой помощью, и она бы, наверно, вполне подошла даже для ширококрылого горного орла, а не только для скромной чайки. Внутри клетки в горшочке с землей рос куст, чтобы птица, если бы она не была озерной чайкой, могла присесть на него и вспомнить свой родной лес. Сейчас листики на кусте свернулись в сухие трубочки: их, видно, давно уже никто не поливал.

Дверца клетки, которую вполне можно было бы назвать дверью, была открыта.

В пустой банке из-под консервов валялось несколько желтых зерен...

— Вы давали ей рыбу? — тихо спросил Колька.

— Нет... у нас не было времени возиться с рыбой,— ответил отец.— А вот зерна...

Колька боялся задать главный вопрос, оттягивал его.

— А ногу ей перевязывали?

— Да... бинтом...

— Но ведь тут, на кухне, темно и жарко... и пахнет газом. Зачем же вы ее сюда?..

— Ты знаешь, Николай (отец в серьезные минуты всегда называл его так — Николаем), ты знаешь, что Неля нигде летом не отдыхала, что она много занималась, а птица кричала, хлопала крыльями, чем-то там шуршала. Ну, в общем мешала ей.

Колька со злостью взглянул на худое и бледное лицо Нели. Она и правда все лето была в городе, потому что захотела заниматься с известным профессором — преподавателем консерватории. Профессор этот приехал на два месяца из Ленинграда в гости к своему сыну, инженеру.

— И что же, Черная Спинка, значит, тебе очень мешала? — все так же тихо, избегая еще главного вопроса, спросил Колька у Нели.

— Да, мешала! — звонко, дребезжащим от надвигавшегося плача голосом ответила девочка.

— Недаром тебя в школе зовут Писклей!

— Еще бы... Ведь я сестра Свистуна!

— А ты мне не сестра!— выпалил Колька.

— Ты видишь, мама? Ты видишь? — Голос Нели становился все тоньше. Разрыдавшись, девочка бросилась в комнату.

До сих пор Елена Станиславовна молчала. В глубине души она считала, что должна была более чутко отнестись к Колькиной просьбе, внимательней последить за больной птицей. Она даже готова была вслух

признать свою вину, но последняя Колькина фраза мигом изменила все ее намерения.

— Как ты можешь так, Коля? Неля видит в тебе своего брата, она так готовилась к твоему приезду... И эта Черная Спинка действительно мешала ей заниматься.

— Где же она сейчас? — тихо спросил Колька, не слыша ничего, кроме того, что касалось его любимой птицы.

Елена Станиславовна опустила голову.

— Она сдохла,— набравшись мужества, ответил отец.

Колька качнулся...

— Она умерла... а не сдохла. Умерла из-за вас! — крикнул он, еле сдерживая слезы. Схватил свою огромную клетку и, неловко волоча ее, спотыкаясь, побежал во двор.

ХОЛМИК ВО ДВОРЕ

Лечить больных, раненых и обмороженных птиц Колька начал давно. Мама называла его птичьим доктором, а большую клетку, которую они смастерили вместе,— птичьей лечебницей. Весной Колька всегда выпускал своих выздоровевших пациентов на вольную волю... Птицы нетерпеливо вырывались из клетки, и Кольке от этого даже бывало немного не по себе.

— Неужели они совсем не привыкают ко мне? — спросил он как-то у мамы.— Так торопятся улететь...

— А может, им не терпится показать тебе, как окрепли их крылья? Может, они хотят убедить тебя, что совсем уже выздоровели и готовы к полету? И в этом-то, может быть, и есть их птичья благодарность?..

Но не все Колькины пациенты выздоравливали. Как-то зимой он подобрал во дворе замерзавшую на морозе птичку, имени которой он так и не узнал. Колька закутывал ее в вату и теплую байку, поил сладким чаем. Но птичка так и не отогрелась... Кольке казалось, что она даже кашляет по-своему, еле слышно. Весной, когда Колька открыл дверку клетки, она никуда не полетела, а, наоборот, забилась в уголок, прижалась к деревянным планкам. Вскоре она умерла. Колька ее похоронил во дворе, на газоне, за изгородью, чтобы никто случайно не наступил на маленький холмик.

Сейчас Колька, сидя на скамейке и положив голову на свою огромную самодельную клетку, думал о том, что его любимую Черную Спинку никто не похоронил, что ее просто выбросили куда-нибудь. «На пианино играет! — со злостью думал он о Неле, виня почему-то во всем ее одну.— Музыку любит! А больную птицу — на кухню, в духоту, в темень... Верно я сказал, что девчонки — предательницы. Все до одной!»

Словно вызванный Колькиными мыслями, сзади вдруг раздался голос:

— Послушай-ка, Свистун...

Колька узнал Олю Воронец и, не повернув головы, продолжал угрюмо глядеть на зеленый холмик за деревянной изгородью. Тогда Оля сама подошла к изгороди.

— Я вот тут последние дела записываю на дорогу... Адреса и телефоны. Мне номер твоей квартиры нужен: ведь нам с тобой переписываться... придется. В одном доме живем, а квартиры твоей не знаю.

— Сорок третья...— ответил Колька, по-прежнему опираясь щекой о пустую клетку.

Оля записала с таким видом, будто ей это было совершенно не нужно, но она просто обязана была записать: поручение, задание — ничего не поделаешь!

Она захлопнула свой блокнотик и уже сделала шаг в сторону, но вдруг задержалась и спросила:

— Ты что на газон уставился?

Колька промолчал. Она не уходила.

— Откуда у тебя такая громадная клетка?

— Сам сделал.

— Зачем такую большую?

— Ты на одном месте долго сидеть можешь? — вопросом ответил Колька.

— Нет.

— И птица тоже.

— А где же она у тебя? Выпустил, что ли?

— Нет, умерла...

— И ты из-за этого такой... грустный? Из-за птицы?

— Скажи еще: «Из-за какой-то птицы!..» Все так говорят.

— Нет... Зачем же?..

Оля присела на корточки и снизу заглянула Кольке в глаза.

— Ну, чего тебе? — отмахнулся Колька. И с ужасом почувствовал, что глаза его сами собой наполняются слезами. Он изо всех сил напрягся, но ничего не мог поделать: слезы стояли в глазах.

— Что ты? — дрогнувшим голосом сказала Оля.— Что ты? Из-за птицы?..

Он мог бы объяснить ей, что ему так тяжело не только из-за этой опустевшей клетки... А потому, что, приехав из лагеря, он не почувствовал, что вернулся домой, хоть на столе красовался пирог и встретили его маршем. Он мог бы объяснить, что в прошлом году летом переписал чужие стихи из «Пионерской правды», выдал их за свои и попросил Олю прочитать в родительский день потому, что очень хотел доказать Елене Станиславовне и отцу, что тоже чего-то стоит и чем-то на свете увлекается, кроме своих птиц. Оля, как всегда, борясь за справедливость, отыскала эти стихи в газетной подшивке (и как только они запомнились ей!), а потом, подойдя к Кольке тихо, чтобы никто не слышал, но отчетливо произнесла: «Это же—воровство... Другой писал, а ты за свои хочешь выдать!» И разорвала стихи на мелкие клочки... Всем в лагере она сказала, что стихи были

— И ты из-за этого такой... грустный? Из-за птицы?

просто плохими. «А обещал, что напишешь хорошие...— добавила она при всех, обратясь к Кольке.— Эх ты, Свистун!..»

В тот родительский день, после концерта, Колька слышал, как многие папы и мамы спрашивали у своих ребят: «Почему ты не выступал? Почему ты не пела? Почему ты не участвовал в пьесе?..» А отец и Елена Станиславовна ничего не спросили у Кольки. Они вручили ему большущий пакет с фруктами (такого большого пакета не привезли, кажется, никому) — и все... А разве Кольке нужны были эти фрукты? Он предпочитал кислую лесную костянику и терпкую ягоду рябины, от которой сводило челюсти и которую научили его любить птицы.

Все это он мог бы объяснить Оле Воронец, когда она, сидя на корточках, упрямо заглядывала ему в глаза. Но он ничего ей не рассказал...

— У тебя две пуговицы на рубашке оторвались,— сказала Оля.— Пришей. Или скажи маме.

— У меня нет мамы.

— Нету?.. А эта строгая женщина... в темном костюме?

— Это не мама.

— Прости, пожалуйста...

Колька боялся, что слезы, которые все еще предательски стояли у него в глазах, потекут по щекам. Ему очень хотелось, чтобы она поскорее ушла, но он не знал, как прогнать ее. И вдруг он вспомнил, как Оля злилась, когда в лагере кто-нибудь называл ее красивой. Колька вспомнил это и, не поворачивая головы в ее сторону, сказал:

— А правду говорят, что ты красивая...

— Ты это на газоне разглядел?

— Нет,— смутился Колька.— У тебя... на лице...

— Да?.. Правда? Тебе так кажется?

Оля ничуть не рассердилась и не сорвалась со своего места. Колькины слова были ей, кажется, даже приятны.

Что было делать? Неожиданно Кольку выручил Рудик Горлов, появившийся во дворе с фотоаппаратом в руках.

— А-а... Вот я вас и щелкну! — воскликнул он.— Интересный получится снимочек: «Последняя встреча перед разлукой!»

В четвертом и пятом классах Рудик сидел по два года и поэтому был старше своих одноклассников, а ходил он летом в коротких штанах, которые важно именовал «шортами». Кольке казалось, что в таких именно штанах разгуливали европейские колонизаторы, которых он видел в кино, по своим африканским колониям. На голове у Рудика был маленький берет с хвостиком на макушке, франтовато сдвинутый чуть-чуть набок.

— Беретик идет,— зло прошептала Оля. Так она называла Рудика. И поднялась с травы.— Ну, я пойду...

Рудик тут же подскочил к Кольке.

— Что? Помешал?.. Вам ведь только переписочку вести поручили, а на коленки на траву перед тобой становиться — этого ей никто еще не поручал.

Колька не обращал на него внимания.

— А ты о деньжатах-то, между прочим, подумал? — не отставал Рудик.

— О каких деньжатах?

— Или ты, может быть, очень богатый? Пионер-миллионер?.. Ха-ха-ха! Три раза в месяц письма посылать — это же целых пятнадцать копеек выходит. Полтора рубля, значит, в старом масштабе цен.

Чтобы сумма была с виду повнушительней, Рудик всегда считал «в старом масштабе».

— По арифметике из двоек не вылезаешь, а тут, словно счеты, защелкал...— усмехнулся Колька.— Какое тебе дело?

— Ты дурачком-то не будь! А если полтора рубля на десять месяцев помножить, это же пятнадцать рублей выходит!

Колька угрюмо осведомился:

— Ты знаешь, как тебя называют?

Рудик навострил уши.

— Беретиком...

— Ну и что?

— А я бы назвал по-другому.

— Как?

— Змееныш ты... вот!

Коля пишет Оле

Посылаю тебе первое письмо. В этом месяце останется написать еще два.

Коля.

Оля пишет Коле

Здравствуй, Коля!

Прежде всего хочу напомнить тебе, что у меня есть имя. Меня зовут Олей.

И что за письмо такое — полторы корявых строчки?! Адрес на конверте и то длиннее. Мне-то от тебя вообще никаких писем не нужно: не хочешь — и не пиши, пожалуйста. Но раз тебе дали задание да еще в дупло эту бумагу опустили, так уж пиши по-настоящему!

Оля.

Коля пишет Оле

Оля!

Мне от тебя тоже никаких писем не нужно. Но ребята хотят, чтобы ты рассказала о заполярном городе. В книжках они, что ли, не могут прочитать? Да о нем, об этом городе, в любом учебнике географии написано!

Коля.

Оля пишет Коле

Здравствуй, Коля!

Я бы тебе ничего рассказывать не стала (читай в учебнике географии!), но раз ребята просят — я кое-что расскажу.

Знаешь, как называют эти места? Северными воротами страны! Только за обычными воротами бывает улица или переулок, а за этими — море. Здесь я увидела его первый раз...

Раньше я, когда думала о море, всегда представляла себе золотой пляж и отдыхающих. Но тут никто не загорает и пляжа нет, а море холодное и суровое. Тут в море работают — ловят рыбу. Весь порт пропах ею. И солью и ветром...

И заводы я здесь увидела совсем не такие, как у нас. Наш алюминиевый — это корпуса и трубы. А рыбные заводы плавают и качаются на волнах. Там прямо на палубах рыбу разделывают и солят.

А сколько я видела в порту бочек — ты представить себе не можешь! Если бы все они сразу покатились, то грохот, наверно, был бы слышен у нас в городе. И у нас в «Сосновом бору»...

Я все говорю: «У нас на стройке. У нас на алюминиевом заводе... У нас в «Сосновом бору»... Никак не могу отвыкнуть. И скучаю. Даже ты отсюда, издалека, выглядишь гораздо симпатичнее. Но скучаю я, конечно, не по тебе, по всем нашим ребятам. Передай им это.

Может быть, и они обо мне вспоминают? Папа говорит, что пора уже привыкать к новому месту и становиться патриоткой города, в котором мы теперь будем жить. Я понимаю, что пора, но ведь по заказу этого не сделаешь — не привыкнешь и не отвыкнешь...

Оля.

Коля пишет Оле

Оля!
Ребята просят тебя не отвыкать... Это они просят. А я просто передаю.

Коля.

Оля пишет Коле

Здравствуй, Коля!

Не удивляйся, пожалуйста, но я хочу сделать тебе один очень большой сюрприз. Думала сразу же написать об этом, в самом первом письме... Но как-то не решилась, а сейчас вот пишу.

Ты ахнешь и перепутаешь все голоса своих любимых птиц, когда узнаешь, что это за сюрприз! Но чтобы его получить, ты должен будешь пройти одно трудное испытание. Напиши мне: согласен ли ты пройти?

Только учти: это — настоящее испытание, а не какие-нибудь детские игрушки. Хватит ли у тебя находчивости и смелости?

Знаешь, как в сказке: надо выполнить три желания, чтобы случилось чудо. У меня трех желаний нет — есть только одно, но если ты его выполнишь, чудо обязательно произойдет! Так что советую тебе сделать за меня это очень серьезное дело, которое я не успела закончить.

Через несколько дней ты получишь маленькую посылку. Там будет запаковано что-то очень важное! Но ты не имеешь права вскрывать посылку, пока не пройдешь испытание. Если не справишься с ним, вернешь мне посылку обратно. Нераспакованной!

А если вскроешь раньше времени, все погибнет, никакого сюрприза все равно не получится. Советую тебе несколько раз перечитать последние строки и хорошенько запомнить все, что я написала. Потому что я представляю себе, как у тебя будут чесаться руки, как тебе захочется хоть одним глазком подсмотреть, что там в посылке. Лучше запри ее куда-нибудь в ящик, подальше, а ключи до поры до времени потеряй. Или отдай на хранение верному человеку. И не пытайся подглядывать сквозь материю и бумагу: ничего все равно не увидишь. А если раньше времени залезешь внутрь, сразу все испортишь, и поправить ничего уже будет нельзя. Я предупредила, а дальше — пеняй на себя!

Жду письма. Только не двух строчек, а именно письма.

Оля.

Ребята еще не знали, в чем дело, но все тоже закричали на всякий случай: «Ур-ра!»

Коля пишет Оле

У старого дуба не говорили, сколько надо писать— две строчки или полторы страницы. Сказали: три письма в месяц, и все.

Ни в каких твоих сюрпризах я не нуждаюсь. В посылку твою лазить мне неинтересно. Но сейчас, в начале учебного года, мне все равно нечего делать, поэтому, если очень уж хочешь, присылай твое задание.

Коля.

Оля пишет Коле

Коля!

Если тебе в начале учебного года нечего делать, советую побольше гулять, дышать свежим воздухом. Можно еще поваляться на диване или сходить лишний раз в кино. А с моим заданием «от нечего делать» не справишься. Поверь, Коленька: ничего не выйдет!

Ты, наверно, думаешь: «Какое она имеет право давать мне какое-то там задание?» Имею право! А какое и почему — ты узнаешь, если все выполнишь. Ну, а если не выполнишь, ничего не узнаешь.

О посылке и о моем испытании подумай как следует. Это очень важно!

В последнем письме ты опять забыл, что у меня есть имя: Оля.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Сегодня к нам в класс прибежал Феликс и прямо не заговорил, а закричал: «Ура! Ура!» Ребята еще не знали, в чем дело, но все тоже закричали на всякий случай: «Ур-ра!»

Феликс говорит: «Поздравляю вас! Вы не напрасно летом придумывали разные имена для нашего города. Я их все переписал и послал прямо в горсовет. Оттуда еще выше переслали. И вот нашему городу дали новое имя... Знаете какое? Крылатый! Город Крылатый! Завтра в газете будет напечатано». Все стали орать от счастья, прыгать по партам. Лева Звонцов крикнул: «Видите, как я хорошо придумал!»

И тут уж не помню, кто именно... кажется, я... сказал ему: «Это не ты придумал, это Оля придумала!» «Но дискуссию-то я организовал,— стал спорить Лева.— Если бы не было дискуссии, так и Оля бы ничего не стала придумывать!»

Да, между прочим... Совсем забыл. Если для тебя это так уж важно, я могу выполнить твое задание.

Коля.

Оля пишет Коле

Я целый день перечитываю, Коля, твое письмо. Оно очень-очень хорошее... С самой первой строчки! Наконец-то ты вспомнил мое имя и написал: «Здравствуй, Оля!» Спасибо тебе за это.

Но самое главное — это новое имя нашего города! Неужели так и назвали: Крылатый?! Как же теперь, интересно, будут называть всех нас? «Дети Крылатого»? Или «крылатые дети»? А может, просто: «крылатики»?

Может быть, и тебе приятно узнавать о моих новостях? Давай так и будем: ты расскажешь мне, я — тебе...

А о моем задании и о сюрпризе забудем. Ты пишешь: «Если для тебя это так уж важно...» Не надо, Коля. Не мучай себя, не принуждай. Вышли посылку обратно: будем считать, что она не нашла адресата. А я завтра или послезавтра поручу свое важное дело кому-нибудь другому. Подумаю, выберу кого-нибудь понадежней — и напишу ему письмо.

Оля.

Телеграмма

Никому не пиши. Все выполню.

Коля.

Оля пишет Коле

Добрый день, Коля!

У нашего старого дуба, когда, помнишь, горел костер, никто не поручал нам посылать друг другу телеграммы. Так что ты, можно сказать, даже перестарался.

Но телеграмма твоя пришла вовремя: в тот самый день, когда я уже собиралась поручить свое важное дело кому-нибудь другому. Сидела на уроке и шептала себе под нос имена всех наших ребят — прямо по алфавиту, как вызывала к доске наша учительница литературы. Оказалось, что я все тридцать девять фамилий помню наизусть, по порядку, как они в классном журнале записаны. И, называя шепотом фамилию, я сразу вспоминала и лицо, и любимые словечки, и походку...

Даже ты, Колька, представляешься мне отсюда просто ангелом. Особенно по сравнению с Вовкой Артамоновым, с которым я сижу за партой. Он раньше один восседал. Меня рядом с ним, на свободное место, и посадили. Он мне на первом же уроке записку написал: «Откажись лучше со мной сидеть. А то хуже будет! Впереди тоже свободное место есть. Давай-ка туда уматывай!»

Я бы могла пересесть, но из принципа осталась. А он на каждом уроке шипит: «Давай, давай отсюда! А то хуже будет!..» Многие его боятся. «Не связывайся!» — говорят. А я ведь с ним и не связываюсь, это он сам связывается,— посмотрим еще, кто победит. «Я,— говорит,—с первого класса всегда один за партой сижу. У меня парта-люкс! Ее так в классе и называют. Или еще по-другому: «персональная парта». Я тебя здесь прописывать не собираюсь. Так что мотай отсюда!» И обязательно прибавит: «А то хуже будет!»

Но я не уступлю! Пусть хоть мину под меня подкладывает — не уступлю!

Я только что из школы пришла, а там с этим самым Артамоновым поссорилась и никак успокоиться не могу. Многие перед ним трясутся. Но ведь должны же быть и смелые ребята в этом шестом классе «В»: отцы у них — рыбаки, капитаны... И сами с рождения у моря живут. Артамонова испугались!

Но я же не об этом хотела тебе писать. Я должна была дать тебе свое важное задание. И очень срочно, потому, что моя мама, которая пока еще находится там, у нас, или, вернее, у вас (никак не могу привыкнуть!), через десять дней уже уедет вслед за нами. Письмо до тебя будет добираться дней пять, так что времени у тебя почти не останется. Ты, наверно, пока ничего не можешь понять, да? При чем тут моя мама и ее отъезд?..

Сейчас тебе подробно все растолкую.

Мама задержалась в Крылатом (ах, здорово звучит!), потому что еще не довела у себя в больнице до полного выздоровления, до выписки то есть, пятерых своих давнишних больных. Через десять дней они выписываются — и тогда мама приедет сюда.

Она-то уедет из вашего города, а две наши комнаты останутся. Ты знаешь, как трудно пока у нас

в Крылатом с квартирами,— эти комнаты сразу же займут. И вот важно, Коля, очень важно (запомни это!), кто туда к нам въедет! Ты должен сделать так, чтобы въехала наша школьная гардеробщица Анна Ильинична, ну, та, которая зимой каждого из нас предупреждает: «Застегнись получше!» А если у кого вешалка на пальто оборвется, то сядет за своей перегородкой и пришьет...

Я давно уже заметила, что она, как придет с работы, так со своими дочками-двойняшками, девчонками лет пяти, до темноты у нас во дворе гуляет. Я как-то даже спросила ее об этом. «Разве,— говорю,— они в детском саду за день не нагулялись?» Она мне стала объяснять, что свежий воздух девчонкам очень полезен. А я по голосу ее почувствовала, что воздух тут ни при чем. Стала я тогда соседок потихоньку расспрашивать, и они мне рассказали, тоже потихонечку, чтобы Анна Ильинична не слышала, что ее семья на десяти метрах умещается — в маленькой комнатушке, при кухне. А ведь их пятеро, представляешь себе!

У нее еще, оказывается, взрослая дочь есть: в нашей школе в десятом классе учится. А муж Анны Ильиничны заочно какие-то экзамены сдает,— так вот, чтоб двойняшки им не мешали, она, не отдохнув даже после работы, по двору слоняется. И зимой с ними до темноты гуляет,— они-то бегают, им тепло, а она руками по бокам колотит, на одном месте прыгает, а домой не идет: пусть те двое в тишине занимаются! И те-то, конечно, не виноваты. И никто, наверно, не виноват, потому что город наш еще совсем молодой, не обстроился, но Анне Ильиничне от этого, по-моему, не легче.

Они сами такие люди, которые никогда за себя не попросят и никаких бумажек собирать не станут. Им кажется, что если по закону положено, так о них и без напоминаний вспомнить должны. Только иногда никто не вспоминает, а они молчат... Но тут уж наш «Отряд Справедливых» вмешался. Все справки за них собрали, я в жилищно-коммунальный отдел раз пять бегала. Всем все доказала, все сочувствовали Анне Ильиничне и даже согласились уже выписать ордер. Да тут Еремкины на дыбы встали. Это наши бывшие соседи, муж и жена. Ты знаешь их: они между рамами своего окна железную решетку соорудили и часто сквозь нее, как из тюрьмы, во двор выглядывают. Вы им однажды в окно футбольным мячом попали, когда еще решетки не было,— они этот мяч в отделение милиции отнесли, оттуда он к нам в «Отряд Справедливых» (для принятия мер!) попал, а от нас снова во двор вернулся... Теперь вспомнил?

Я Еремкиным тоже обо всех бедах Анны Ильиничны много раз рассказывала, даже прибавляла кое-что для большего впечатления. Но есть, я заметила, такие люди: им о чужой беде говоришь, а они в этот момент только о себе, только о своих делах думают. И даже рады, что несчастье с кем-то другим случилось, а их стороной обошло. Расскажи им, что где-то землетрясение, а они будут думать: «Как хорошо, что вблизи от нас нет ни гор, ни вулканов и земля под ногами не шатается!..» Расскажи, что человек умер,— они даже фамилии не узнают, а первым делом спросят: «От чего?» И скажут один другому: «Вот видишь, надо к врачу пойти провериться!»

Я Еремкиным про Анну Ильиничну рассказывала, а они в этот момент (по лицам их видела!) думали только об одном: «Как хорошо, что у нас на двоих большая комната — высокая, светлая и не при кухне!» Ну, а когда они услышали, что мы хотим Анну Ильиничну вселить к ним в квартиру, сразу же о справедливости заговорили. Не по закону, мол, и несправедливо, чтобы в хорошую квартиру дома строителей въезжали люди, которые на стройке не работают. Еремкины все законы наизусть знают, но только, я заметила, всегда так выходит, что законы обязаны срабатывать в их пользу и справедливость они как-то всегда к своим интересам умудряются приспосабливать.

Они стали всюду заявления строчить — и выходило, будто они о правах строителей беспокоятся. А на самом деле они просто не хотят, чтобы сразу трое детей въезжали в квартиру. То есть старшая-то дочь Анны Ильиничны уже взрослая, школу кончает, а двойняшки их очень перепугали. Они ведь и со двора ребячьи голоса спокойно слушать не могут — все передергиваются: «Покоя нет! Отдохнуть невозможно!..»

Я однажды услыхала, как Еремкина говорила своему мужу:

— Когда этот крик издалека доносится, и то хоть убегай на край света. А тут он будет под самым ухом. К тому же учти, что они двойняшки и, значит, вопить будут сразу в два голоса!

Это и есть мое испытание. Если справишься с ним, такой сюрприз получишь, о каком даже и не мечтаешь! Хотя я об этом уже писала...

Ну, вот пока и все. Действуй, Колька!

Я тебе такое длинное письмо посылаю, что оно вполне может сойти за два (видишь, от тебя научилась подсчитывать!). Целых три дня его сочиняла. Так что я немного передохну, а ты пиши, сообщай, как идут дела.

Оля.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Я сегодня почти всю ночь не спал. Я слышал, как дикторша пожелала всем спокойной ночи, а утром услышал, как заиграли позывные: «Широка страна моя родная...» И тут же я сразу подскочил к окну, потому что мне показалось, что кто-то уже вселяется в вашу квартиру. Но потом оказалось, что это просто грузовик привез в магазин продукты.

Я теперь ни о чем другом ни одной минуты не думаю, а только все время размышляю, как мне победить Еремкиных. И если меня сейчас вызовут к доске, я наверняка схвачу двойку. Но не потому, что я ничего не знаю, а потому, что мои мысли заняты совсем другим. Да, забыл сказать, что я начал писать это письмо на уроке физики. Учитель (ты его не знаешь, потому что мы в прошлом году физику еще не проходили) сказал мне только что: «Незлобин, можешь не записывать то, что я рассказываю: все это есть в учебнике!» Но я все равно продолжаю «записывать», потому что хочу поскорее тебе все рассказать.

Я, Оля, никогда не ожидал, не думал, что ты мне дашь такое ответственное задание. Я думал, ты ерунду какую-нибудь поручишь, а теперь я просто... Кончаю писать: учитель стал прогуливаться между партами и сейчас приближается ко мне.

Продолжаю писать тебе уже дома... Нелька с умным видом тарабанит на пианино, и мне очень хочется рассказать ей о твоем задании: ведь она думает, что я ни на что на свете не способен и что мне никто ничего важного не может поручить. И ее мать, Елена Станиславовна, тоже так думает и даже мой отец. Вот бы и они тоже узнали!.. Но не беспокойся, пожалуйста, я им ничего не расскажу: вдруг они проболтаются Еремкиным, и тогда все погибнет. Я все решил делать в глубокой тайне. И только Белке сегодня на перемене рассказал о твоем письме: ведь

ты сама разрешила мне обратиться к ней за помощью.

Белка выпучила на меня свои зеленые глазищи, и даже веснушки ее и рыжие волосы засверкали от удивления.

— Тебе,— говорит,— Оля поручила это дело? Тебе?!

— А что такого особенного?— ответил я.— Мы же с ней переписываемся.

— Переписываться с тобой ее просто насильно заставили. Но чтобы она поручила тебе такое дело?.. Не верю!

Тогда я достал твое письмо и показал ей, словно пропуск какой-нибудь предъявил или пароль произнес. Она стала это письмо вертеть в руках, со всех сторон разглядывать и даже к окну, на свет его понесла, будто я мог обмануть ее и подделать твой почерк. Потом вернулась и говорит:

— Потрясающе! Она целых три дня писала тебе письмо! Одно письмо — целых три дня! Я бы и трех минут не стала на тебя тратить. Мне всего-навсего открыточку прислала, а тебе целый пакет! Что-то там, на Севере, с ней происходит... Климат, наверно, влияет! Говорят, там очень тяжелый климат.

Потом Белка немного успокоилась, пришла в себя и сказала, что у нас, наверно, ничего не получится, потому что Еремкины всех предупредили: как только твоя мама уедет, они запрут ваши комнаты, никого в них не пустят и будут с утра до вечера «бороться за правду». Они хотят бороться до тех пор, пока эта самая их «правда» не победит.

А Анна Ильинична никуда не ходит и не хлопочет. Белка рассказывает, что она так прямо и говорит: «Если надо будет, о нас сами вспомнят...» Но ведь бывает и так, что надо вспомнить, а не вспоминают. Ты об этом тоже писала.

И я со вчерашнего вечера все время думаю, как бы помочь Анне Ильиничне. Вернее сказать, я стал об этом думать не вчера, а с прошлого года, еще раньше тебя.

Это вот как было. Нелька однажды забрала с собой ключи от квартиры, забыла оставить их у соседки. Она у нас часто разные вещи забывает и путает, но ей все прощается, потому что она талант и делает это не просто так, а по рассеянности. А дело было зимой, и я целых два часа слонялся возле подъезда. Анна Ильинична шла мимо, двойняшек своих из детского сада вела, и говорит: «Что это ты в сосульку превратился?» И забрала меня к себе наверх. Чаем поила, валенки мои на батарею поставила... Я тогда разглядел, как они живут. Старшая дочка на подоконнике задачки решала, муж за столом к экзаменам готовился, а двойняшки прямо тут же, рядом, на кровати своих кукол баюкали. Анна Ильинична все время на кухню выходила, потому что мы в комнате еле-еле помещались.

Кончаю тебе писать, потому что пришли с работы отец и Елена Станиславовна. А я так и не придумал еще, как помочь Анне Ильиничне.

Заканчиваю свое письмо опять на уроке. Придумал! Я, кажется, придумал! Сегодня ночью у меня вдруг родился план. Сейчас напишу записку Белке, чтобы она никуда не убегала на перемене, а подошла ко мне: нужна ее помощь!

Больше пока ничего писать не буду. Если получится, сразу же сообщу. Если не получится, тоже сообщу.

Коля.

(Продолжение в следующем номере.)

ЛЮДИ ДОБРЫЕ

Л. МАТВЕЕВА
Рисунки Е. Медведева.

Курс на Иультин

На Чукотке мальчишки такие же, как на всем свете. Они любят всякое озорство и не любят контрольные по алгебре. И, как всем на свете мальчишкам, озоровать им не велят, а контрольные велят решать, и ничего уж здесь не попишешь. В поселке Иультин — интернат, и живут там чукотские ребята. Родители в тундре пасут оленей, охотятся, ловят рыбу в океане. А их сыновья и дочери пишут диктанты, кувыркаются в спортивном зале, вечерами рассказывают в спальнях всякие занимательные истории. А еще умеют чукотские ребята управлять собачьей упряжкой, умеют поймать быстрого оленя и умеют находить дорогу в заснеженной тундре, когда и пурга с пути сбивается и кружит неделю, а то и две.

Рахтуе двенадцать лет, он в шестом классе. Летом, в каникулы, Рахтуя вместе с отцом пас оленье стадо. Бродят олени по тундре, ищут мох-ягель — любимое свое лакомство. И пастухи кочуют за стадом. Живут в ярангах—меховых домах. Спят на шкурах, а еду варят на костре.

Рахтуя здорово изучил повадки оленей. Знает, когда олень нездоров, когда его мошка одолела, когда пора менять пастбище. Настоящий оленевод, не хуже взрослых.

Кончились каникулы. Пастухи с оленями остались, а ребят — в школу, в Иультин. Только Рахтуя в школу не вернулся. Не хотел от оленей уезжать. «Хватит мне учиться»,— заладил свое, и отец никак не переубедит его. Потом вроде и сам одумался, да ехать поздно. Отстал от класса. А ребята в интернате ждут Рахтую, тревожатся. Разве это порядок — учебный год начался, а человек в школу не ходит.

И вот однажды над ярангой, где жил Рахтуя, застрекотал вертолет. Вертолету в тундре давно никто не удивляется, как в обычном городе — трамваю или автобусу. На вертолетах хлеб возят, и почту, и лекарства — все, что нужно жителям Чукотки. Но этот вертолет все кружил и кружил и не

садился. Рахтуя стоял, задрав голову, и гадал: что привезли?

Вертолет опустился совсем низко и сел. И вышли из него двое мальчишек в кухлянках, в торбасах — с ног до головы меховые, лохматые.

— Давай, Рахтуя, собирайся, поехали. Мы тебя с утра ищем.

Не стали они рассказывать, как побежали на вертолетную станцию, как объяснили начальнику дяде Саше, что случилась с человеком беда — отбился он от школы, и надо этого человека выручать. А потом кружили над сопками и все искали, куда он запропастился, упрямый Рахтуя. А теперь нашли и здорово рады. Ничего этого друзья и не объясняли. Зачем, когда и так все понятно. Сказали только:

— Собирайся. Поехали.

И Рахтуя быстро собрал учебники и забрался в вертолет. Застрекотал мотор, снег столбом поднялся, настороженно подняли головы олени.

Вертолет взял курс на Иультин.

Не боги горшки обжигают

Когда ребята любят свою школу, это сразу заметно: чистота, порядок и непременно много цветов. Так уж заведено — обязательно цветы. Ну, а если дело происходит на Крайнем Севере, в городе, который расположен чуть не на самой макушке планеты,— в Магадане? Мальчишки и девчонки из школы № 1 крепко любят свою школу: сами построили мастерские, красят стены, ремонтируют парты — по-настоящему заботливые хозяева. Ну, а как же цветы? Думаете, раз Север, и холод, и вечная мерзлота, значит,

нет цветов в первой школе? Ошибаетесь. Ребята построили теплицу в школьном дворе и выращивают отличные цветы — свежие, яркие, душистые. И ходят с букетами на праздничные демонстрации и дарят цветы школьным спортсменам, когда они одерживают свои славные спортивные победы. А еще украшают аспарагусами, традесканциями, кактусами школьные коридоры, классы, кабинеты.

Захотелось магаданским ребятам, чтобы росли их цветы в красивых горшках. А где их взять? Магазина, где продают такие горшочки, в Магадане пока нет. «Ну и что ж,— сказали ребята. — Не боги горшки обжигают». И создали в школе маленькую гончарную мастерскую. Туристы излазили все окрестности города и отыскали глину. Пригласили в школу молодых художников и попросили сделать эскизы. Создали даже специальный художественный совет во главе с учителем рисования. Совет утверждает образцы, потому что вкус — хорошо, а пять лучше. И теперь ребята в гончарной мастерской делают керамические вазы, подвесные горшки и всякие забавные фигурки. И на полках и на окнах растут цветы, и вьются по стенам, и даже спускаются с потолка. А вы говорите: Крайний Север! Ну и что же, что Север. Так уж заведено: если люди любят свою школу, значит, в школе много цветов.

Бригада «Новоселье»

Переехали люди в новый дом, рады, конечно. Квартиры светлые, удобные. В одно воскресенье почти все переехали: чего ждать, дом готов, ордера получены. То и дело подъезжают к дому машины, груженные мебелью, чемоданами, связками книг — словом, всякими вещами, которые долгие годы стояли на своих местах и никто их не замечал. А теперь вот переезд, и вещей оказалось неожиданно много, и хлопот с ними порядочно. Шкафы и шкафчики, полки и полочки, узлы, узелки и узелочки. Кастрюли, чайники и всякие там мясорубки.

И все надо быстро выгрузить, чтобы шофера не задерживать: у него дел много, ему еще за другими новоселами ехать.

Суетятся приезжие, торопятся, а быстро все равно не получается: старушка впопыхах тазы уронила, покатились они в разные стороны, зазвенели, запрыгали. А тут еще шкаф на лестнице застрял — его бы боком развернуть, да в спешке не сообразили.

И тут появились мальчишки и девочки, человек двадцать.

— Мы вам поможем,— говорят.

И ловко стали таскать вещи наверх. И шкафы как надо развернули, и посуду аккуратно донесли, и ни одного блюдца не разбили. Сразу видно, у людей есть опыт.

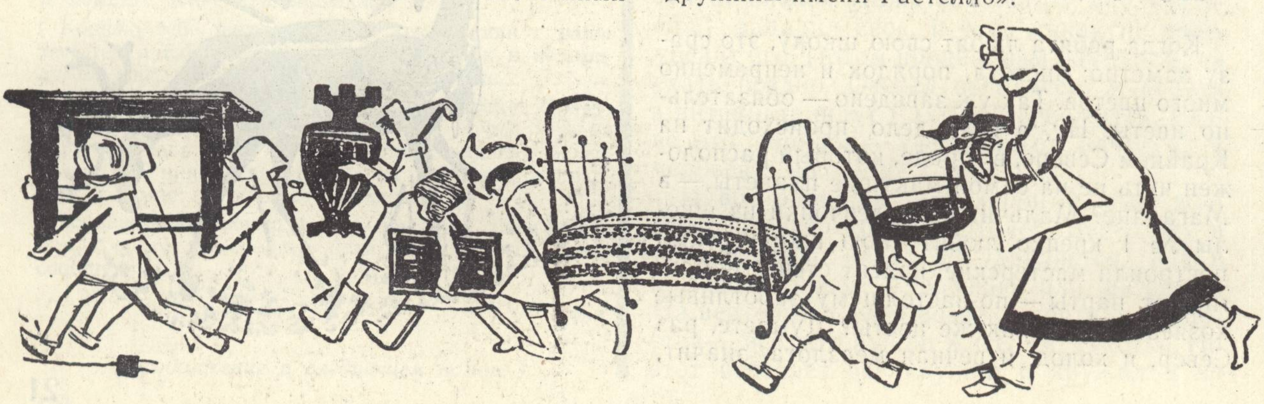
А девчонки мебель не таскали, мальчишки их отстранили от этого дела, сказали: сами справимся.

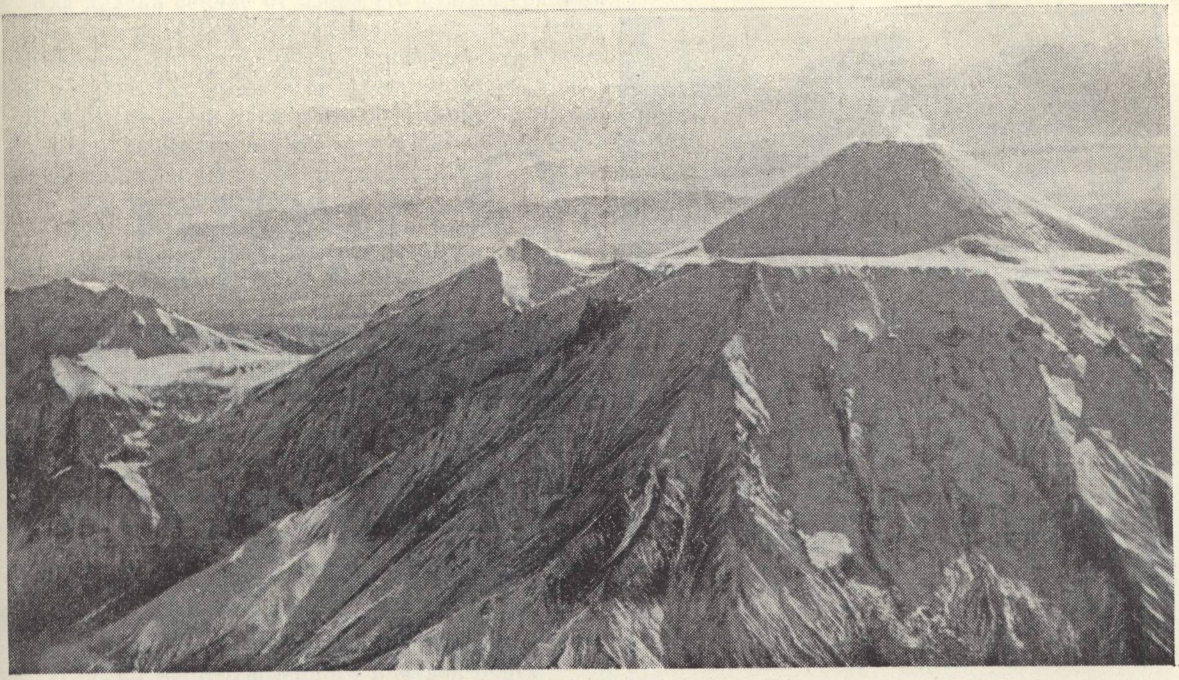
Но и девчонкам нашлось дело. Они собрали приехавших малышей и стали с ними играть. Тоже большая помощь: малыши не путаются у родителей под ногами, можно спокойно делом заниматься.

Пионеры шестьдесят второй московской школы создали бригаду «Новоселье». Отобрали рослых мальчишек и девчонок попроворнее. У человека на новом месте много вопросов: где ближайшая булочная, какой автобус ходит до центра, в какой стороне телефон-автомат. Ребята тут как тут — все объяснят, проводят, помогут.

И еще одно доброе дело придумали: в первое утро, выходя из своих квартир, все новоселы увидели в почтовых ящиках письма. От кого бы это? Еще и адрес никому не успели сообщить. Достали письма, читают:

«Дорогие товарищи! Мы рады, что вы получили новую квартиру, поздравляем вас с новосельем, желаем, чтобы жизнь у вас была совсем хорошая». И подпись: «Пионеры дружины имени Гастелло».

В КРАЮ ВУЛКАНОВ

Авачинская сопка на Камчатке. Действующий вулкан. Высота над уровнем моря — 2 731 метр. В декабре 1964 года вулкан Авача извергался. Но даже когда Авача «спокоен», кратер курится, бьют из земли горячие гейзеры, земля дрожит. Если взобраться на Авачу, увидишь, как раскаленная лава клокочет в кратере, а кругом просторы Камчатки, горы, покрытые тайгой, и зеленые воды Берингова моря.

Солнце заходит за сопки, снег розовый. Охотники-камчадалы выпрягли собак из упряжек, накормили их вяленой горбушей — юколой. Разожгли костер и чаевничают, греются. Вспоминают случаи на охоте, подшучивают друг над другом, а сытые собаки зарылись в снег и тоже... греются. Они всегда греются в снегу.

Геннадий СНЕГИРЕВ
Фото Юрия Муравина.

Древнее погребение раскопано.
О чем поведает оно ученым?

Н. НАДЕЖДИНА

Рисунки О. Зотова.

С кем разговаривают века

Фото О. Зотова и Б. Мависакаляна.

Пограничные знаки Севана

В Армении, где солнца много, а воды мало, воздвигают у дорог памятники на том месте, где бьет родник. Памятники-родники сооружают в честь лучших сынов народов, память о которых крепка, как камень, чиста и свежа, как вода.

Это красиво и мудро: ни один прохожий не пройдет мимо. Для жаждущего нет ничего слаще простой холодной воды.

Но жаждут не только люди: жаждут деревья, чьи листья приспущены, словно зеленые флаги, жаждут окаменевшие от засухи поля.

— Не будет воды — ничего не будет,— говорят армянские крестьяне.

Вот почему имя озера Севан здесь произносят с нежностью. Река Зангу несет в долину воды Севана, поит пшеницу и виноградные лозы, персик и перец, розу и гранат.

Севан — это синяя чаша жизни, из которой пьет армянская земля. Мы выходим из машины в Лчашене на берегу Севана. Кто не взял свитер, тот ежится. Еще бы! Почти две тысячи метров над уровнем моря!

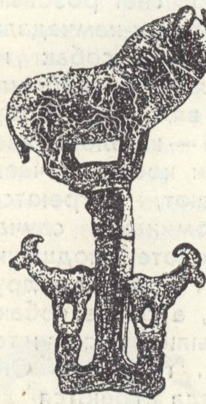
Второе по величине высокогорное озеро мира лежит у подножия безлесных и в то же время пленительных гор. Говорят, что армянский народный танец повторяет ритм их плавных, волнистых линий.

Кажется, подуй ветер, и мы услышим запах моря. Широко разлившаяся синь Севана по-морскому глубока и густа.

Но слишком много работы задали люди синему великану. После постройки гидроэлектростанции уровень воды упал. То, что сейчас называют «берегом» Севана, на самом деле бывшее дно.

Оно разлиновано разноцветными полосами сжатых полей. Зеленые вихры молоденького леса выглядывают из пожухлой травы. Не будь свидетелей, которые старше леса, домов, старше всего в долине, нам бы не догадаться, что здесь плескалась волна. По низу холма как бы проведена белая линия. Почему выше нее все камни темные, а ниже все белые, нам объясняет человек, с которым разговаривают камни,— археолог Арутюн Овакимович Мнацаканян.

— Это граница прежних владений Севана. Базальт белеет, долго пролежав под водой.

Бронзовая фигурка.
XIII век до нашей эры.
Найдена в погребениях вблизи селения Лчашен.

Как далека сейчас от озера его старая граница!

Мы смотрим на белую метку Севана и думаем об упорстве рабочих и инженеров, которые спешат на помощь чудесному озеру, прорубая тоннель в горах. Соединившись с рекою Арпою, Севан перестанет убывать.

Где будут тогда белеть его пограничные знаки?

— Они менялись не раз,— отвечает Мнацаканян,— землей, на которой мы стоим, три тысячи лет назад владел не Севан, а люди.

— Почему вы так думаете?

— По расположению камней у наших ног. Я раскопал более двух тысяч поселений и погребений, и этот рисунок мне хорошо знаком.

Рисунок? Где? Мы его не видим! У археолога какой-то особый глаз!

Но вот рука ученого описывает круг, и нам становится ясно, что торчащие из земли края базальтовых глыб расположены по кругу. Мы стоим посреди хоровода белых камней.

— Под нами,— Мнацаканян топает ногой,— древнее жилье человека. Тогда он еще не умел выводить угол и строил свою каменную квартиру круглой, как птица строит гнездо!

Трезубец — символ власти. II тысячелетие до нашей эры. Из курганов близ Лчашена.

Золотое дно

Вскарабкавшись на холм, мы посетили несколько уже раскопанных археологами двух- и трехкомнатных базальтовых квартир.

Они стояли без крыш, залитые солнцем. Цветы дикого мака пылали, как угли, на месте увезенного в музей очага.

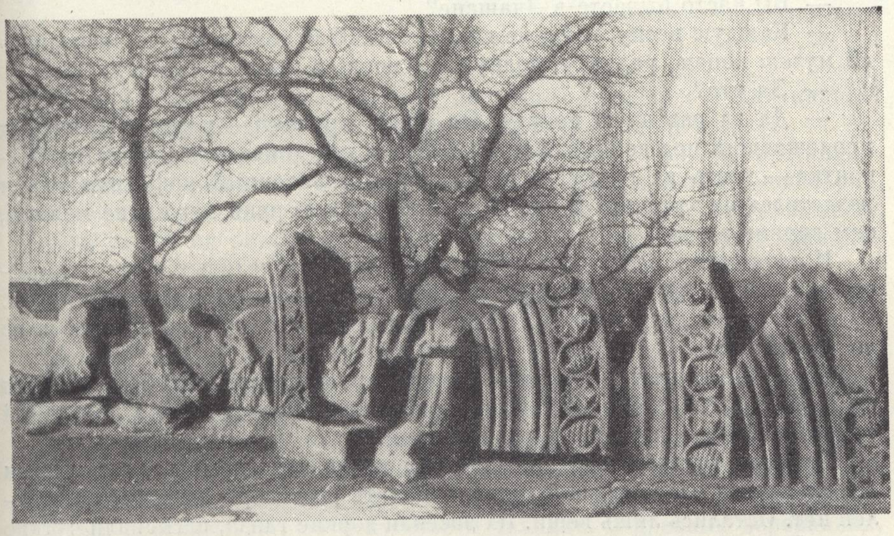
У меня было чувство, будто я попала в страну великанов. Что за гиганты здесь строили себе дома, громоздя друг на друга каменные глыбы весом до восьми тонн!

Армения — одно из самых древних государств Востока. Ее столице Еревану скоро исполнится две тысячи семьсот пятьдесят лет. Но эти постройки великанов — ученые называют их «циклопическими» — на тысячу лет старше города Еревана, они относятся к древнейшим сооружениям мира.

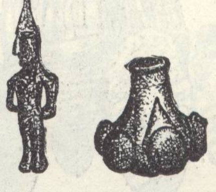
Великанские квартиры прятались за крепостными стенами, сложенными из более мелких камней. Вокруг полуразрушенной цитадели, как часовые, стояли дикие мальвы. Зеленые копья их стройных стволов поднимали к небу нежные лимонно-желтые цветы.

Бронзовый топорик. XIII—XII век до н. э. Из склепов Артика.

Обломки резных украшений знаменитого храма Звартноц. VII век.

Предметы, найденные в армянских погребениях бронзового века.

Бронзовая модель колесницы. II—I тысячелетие до н. э. Лчашен.

Карас. Середина II тысячелетия до н. э. Лчашен.

Деревянная повозка. XIII век до н. э. Найдена в погребениях Лчашена.

Идти было трудно. Мы спотыкались о камни, проваливались в ямы. Но тот, кто отправился в путешествие в прошлое, не может рассчитывать на асфальт!

Только археолог чувствовал себя как дома. Он знал, где надо раздвинуть кусты, чтоб мы увидели дыру в крепостной стене. Пользуясь этим тайным ходом, защитники цитадели устраивали вылазки в тыл врага. Он показал нам древнюю мощеную дорогу, которую мы сами никогда бы не нашли. Она тонула в зарослях чертополоха, чьи огромные малиновые шапки предупреждали неосторожного: не подходи, уколю! Что ж! Это было честно! Другие кусты кололись без предупреждения. Мои чулки, облепленные колючками, стали похожи на шкуру ежа.

И я была рада, когда мы снова спустились на бывшее дно Севана. Для археологов оно золотое. Расширив свои границы, Севан затопил древнее кладбище — теперь здесь снова сухая земля.

Ученым очень интересны раскопки погребений. По древнему обычаю, чтобы покойник не знал нужды в загробном мире, в каменную гробницу опускали оружие, инструмент, украшения, посуду, семена.

Мнацаканян перечислял здешние находки, доставленные в Ереван в исторический музей, и, слушая его, я мысленно вновь прошлась по музейным залам: золотая лягушка смотрела на меня выпуклыми глазами, тускло поблескивали изогнутые рога бронзового оленя, два воина мчались на колеснице, запряженной парой гривастых коней.

Это единственная в СССР модель бронзовой колесницы — у ее колес — этикетка «Лчашен». И олень, и лягушка, и бронзовые пояса, и кинжалы, и глиняные кувшины-карасы — все это «Лчашен», так же как повозки из дуба и красного дерева с колесами величиной в обеденный стол!

Повозка опускалась в могилу вместе со своим хозяином. Вождя племени хоронили на повозке военного типа: частая деревянная решетка защищала воина от стрел врага.

И все это благодаря Севану сохранилось: и огромные, толстые оглобли и тоненькие палочки решетки. Тысячелетия превратили бы дерево в пыль, если б оно не было скрыто водой.

— Нигде в мире не найдено такого количества деревянных повозок, как в Лчашене! — В голосе Мнацаканяна звучала гордость.— Мы их обнаружили девятнадцать, в одном погребении сразу три! И кроме них — величайшую редкость, маленькую, детскую повозку. Какая трагедия здесь произошла? Пока мы еще не можем дать ответа.

— Вы часто бываете в Лчашене?

— Каждую весну, вот уже восемь лет. Я руковожу здесь экспедицией музея: копаю, радуюсь, волнуюсь, спорю, а когда и браню!

— За что?

— Да за разбитую посуду. Он очень хрупкий — карас, тысячи лет пролежавший под землей. Его надо брать под донышко, а наша практикантка — хвать за ручку! — точно это обыкновенный кофейник. Он и разлетелся на кусочки! В нашем деле бережные руки нужны не меньше, чем зоркие глаза.

И начинается разговор о руках археолога, терпеливых и чутких, способных почувствовать форму предмета, едва показавшегося из земли. Одно неловкое движение — и испорчена вещь, которую не купишь и не восстановишь.

Перочинный нож — обычный инструмент археолога. Но бывает, что и он груб. Землю с находки сметают рисовальной кисточкой, а при самой тонкой работе — двумя-тремя волосками.

Большая ответственность — первым войти в подземелье, где тысячи лет не звучал человеческий голос, и начать разговор с веками. Свидетелей нет. Остались лишь вещи. Их засекли зоркие глаза, раскопали чуткие руки. Но нужно еще много знаний, чтоб заставить вещи заговорить.

Рог быка ведет в Индию

О чем же могут рассказать вещи? Хотя бы медная иголка, мелькнувшая в пыли?

На заре человечества, в каменном веке, человек с камнем ходил на охоту, камнем рубил сучья, камнем высекал искру для костра.

Маленькая иголка рассказывает о величайшем открытии — открытии первого металла, с медной иголки начинается новый, медный век.

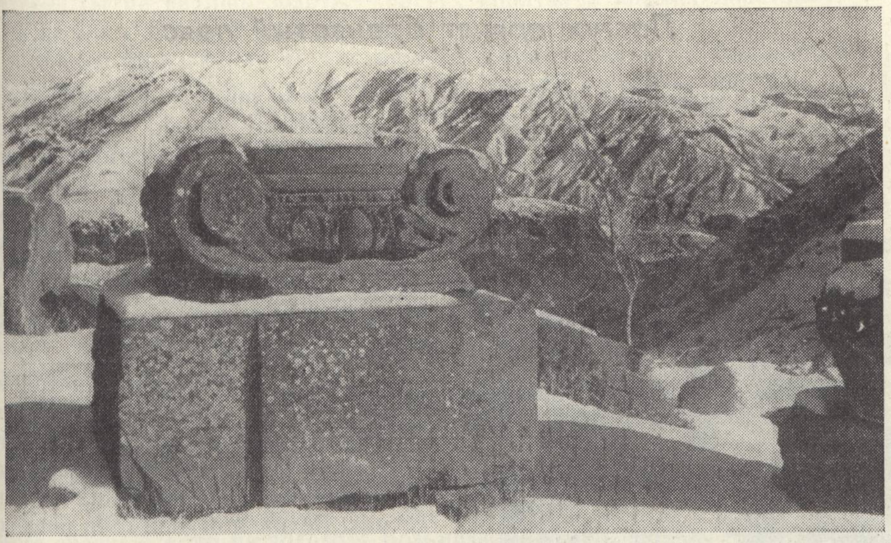
Бронза — сплав меди и олова — дает имя следующему веку. Мужчина приносит с охоты больше добычи, надев бронзовый наконечник на древко копья, и бронзовым, легким серпом женщине жать удобней.

Что же она жала? Археолог высыпает из карасов почерневшие, как уголь, зерна пшеницы и ячменя. Пшеница урожая 3000 года до нашей эры!

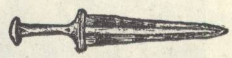
Зерна рассказывают о древних посевах человека, глиняные и металлические вещи — о зарождении ремесел. Если есть сплав металла, есть и литейщик, который его приготовил; если есть кованый щит, есть и кузнец; если есть карас, есть и гончар!

Бронзовый ковш. XIII—XII век до н. э. Лчашен.

Капитель языческого храма в Гарни. I век н. э.

Бронзовый кинжал. XIII—XII век до н. э.

Ну а кто же выцарапал первый нехитрый узор на стенках караса? В дом человека входит искусство, робко присаживается у очага.

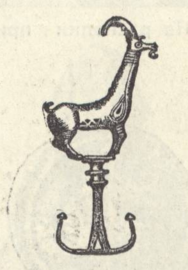
Век можно определить не только по медной иголке, но и по глиняному кувшину, украшению. В разные эпохи — разные способы обжига, разные узоры. Художник бронзового века уже не только выцарапывает узор на глине, он рисует красками. В этом же веке начинают чеканить металл.

Змея ползет по бронзовым ножнам кинжала. И на черном карасе извивается змея.

Почему так много изображений змей? Археолог разгадывает эту загадку: у древних людей был культ воды, ей поклонялись, ее боготворили. Гибкое, словно струящееся, змеиное тело стало символом, знаком воды.

Да и фигурки оленя и лягушки не просто безделки,— это тотемы — изображения священных животных, от которых племена якобы вели свой род. Человек, чьим тотемом был олень, не мог убить оленя: они родня.

Вещи рассказывают об искусстве и технике, о древних верованиях, об общественном строе, о дальних путях.

Бронзовая фигурка. XIII—XII век до н. э. Из каменных склепов Артика.

Каманча знаменитого ашуга Саят-Новы. XVIII век н. э.

Каменная гробница раскрыта: в ней два скелета. Один восседает на деревянной повозке, другой, с проломанным черепом, валяется у колеса. Даже в могиле они не были равными: господин и его раб.

Раб не добровольно последовал за хозяином в загробный мир. Раба убили, как убивали запряженного в траурную повозку быка.

Бычьи кости — остатки от похоронного пира — археологу не в диковину. Но однажды Мнацаканян нашел рог необычной формы. Быки с такими рогами живут только в Индии.

Как же попал индийский бык на берег Севана? Что это — случайность или между двумя древними странами существовал обмен и в те далекие времена?

Может быть, новые раскопки подтвердят эту заманчивую догадку! Мнацаканян подводит нас к свежей, еще совсем неглубокой яме.

— Чувствую, что здесь должна быть наша двадцатая по счету деревянная повозка. Мы до нее докопаемся будущим летом.

— А вы не боитесь, что кто-нибудь выроет ее раньше вас?

— Нет! Все в Лчашене наши друзья, но эту дружбу надо было завоевать.

Пастух прячет бронзовый пояс

Самым тревожным было первое лето. Экспедиционный отряд жил в Лчашене, и, глядя на некоторые усадебные постройки, Мнацаканян стискивал зубы: он узнавал камни, выломанные из крепостных стен.

Как же подружить лчашенцев с наукой? У раскопок всегда толпились любопытные, и под жестоким полдневным солнцем Мнацаканян стал читать лекции каждый обеденный перерыв. Его слушатели сидели на корточках или лежали на траве.

На раскопки пришли местные жители. Слушают рассказ археолога.

Лектор рассказывал историю древней армянской рукописи. Семь веков назад ее захватили турки. Деньги для ее выкупа были собраны в армянских деревнях. Бедняки отдали свои последние гроши.

Рукопись была огромная и тяжелая: семьсот пергаментных листов, и каждый лист — целая шкура теленка. До войны 1914 года это сокровище хранилось в Мушском монастыре, пока ему не стали вновь угрожать турки.

И тогда две женщины, разделив пополам рукопись, на своих спинах донесли тяжелые листы до Еревана. Они бросили свое имущество, но спасли рукопись, которой дорожил народ.

А разве находки из раскопок заслуживают меньше уважения? По ним узнают, как жили люди тысячи лет назад. Древние вещи — большая редкость, и все посетители музея, весь народ будет благодарен лчашенцам, которые их сберегли.

Может быть, лектор говорил зря? Понимали ли его эти женщины в малиновых и желтых платках, старики, важно покачивающие головами, смуглые мальчишки, подползавшие к краю ямы на животах?

Во всяком случае, один из мальчишек ему донес, что лчашенский пастух нашел в траве какую-то блестящую «штуку», длинную, как змея.

Серебряная монета с изображением Тиграна II. 95—59-й век до н. э.

Мнацаканян насторожился. А дня через два в дверь дома, где жили археологи, просунулась мохнатая шапка пастуха.

— Что скажешь, ученый человек, о моей находке?

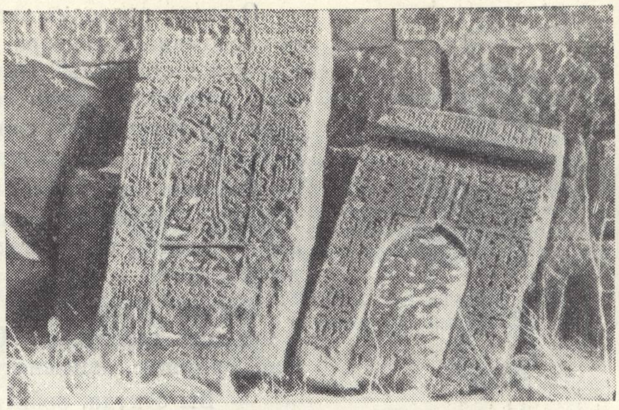
Пастух протянул Мнацаканяну узенькую пластинку, тогда как мальчишка говорил, что «штука» была длинная, как змея!

— Скажу, что ты принес мне обломок того, что нашел. Скажу, что вещь, которую ты оставил дома, похожа на обруч, который катают дети, но...

— Откуда ты знаешь? — вздрогнул пастух.

— Наука все знает.

— И твоя наука так богата, чтоб заплатить за золото?

Средневековые надгробные плиты, украшенные резьбой.

— Это не золото, а бронзовый пояс, который носили древние воины. Но он интересен науке, и наш музей согласен купить его у тебя.

— Ты не видишь золота, — пастух спрятал в карман пластинку, — а я не вижу пояса. Я показал тебе все, что нашел.

Ночью Мнацаканян не мог заснуть. Неужели из-за крестьянской недоверчивости музейная вещь останется лежать в сундуке пастуха?

Вечером он сам отправился к упрямцу. Черноглазая хозяйка раскатывала тонкое, как полотно, тесто: он очень вкусен, армянский национальный хлеб лаваш.

Двое малышей цеплялись за материнскую юбку. Трое постарше грызли какие-то зеленые стебельки. В Армении много съедобных диких трав.

— Я тебя не неволю, — сказал хозяину Мнацаканян, — ты придешь сам, когда убедишься, что тебя не обманывают, что наука никогда не лжет. И получишь деньги, которых хватит и детям на ботинки и на новое платье жене.

Черные ресницы женщины затрепетали. Ребята перестали жевать. Пастух молчал, потупясь, и наконец чуть слышно вымолвил:

— Я показал тебе все, что нашел.

А через день пастух принес археологу три бронзовых пояса.

— Не сердись. Я носил тот кусочек в город для проверки, и там мне сказали: «Это не золото!» Возьми для своей науки, которая не лжет!

С тех пор пастух стал болельщиком археологии. Еще издали, завидев Мнацаканяна на улице, пастух машет рукой и кричит:

— Ищу, ищу! К сожалению, пока ничего нового для науки нет!

Глиняный кубок. VII век до н. э. Из раскопок Кармир-Блура.

Лчашенские мальчишки

Но самые ярые болельщики археологии — это лчашенские мальчишки. Наша машина въехала на школьный двор, и по деревянной лестнице мы поднялись на второй этаж в учительскую.

В школе царила та сосредоточенная, думающая тишина, какая бывает во время уроков. И все же чьи-то глаза нас заметили. Звонок на переменку, и в дверь учительской осторожно постучались.

Директор угадал: это юные археологи пришли поздороваться с шефом.

Двое из них, старшеклассники Дживан Асланян и Шико Карапетян, стали болельщиками археологии пять лет назад.

Модель храма, сделанная в XIII веке. Зангезур.

Стеклянная посуда. I—III век. Из раскопок Гарни.

Фаянсовый кувшин. XI век. Из раскопок Двина.

Каменный рельеф с изображением сбора винограда. V век. Двин.

Осенью, проводив экспедицию в Ереван, лчашенские мальчишки часто вспоминали лектора. Правду ли он говорил, что лчашенские находки повезли в столичный музей?

Мальчишек грызли сомнения. Один из них отправился в Ереван на разведку и вернулся, сияя: «Вай-вай! Сколько в музее нашего!» Тут уж никто не мог усидеть дома. Все ринулись на автобус!

В музее был тихий час для научной работы, но в кабинет заведующего археологическим отделом заглянул экскурсовод: в зале какие-то ребята, они хотят видеть товарища Мнацаканяна по важному делу.

Арутюн Овакимович вышел в зал. У витрины толпились мальчики в красных галстуках. Может ли человек, вдоль и поперек исколесивший Армению, запомнить всех встретившихся ему детей?

— Вы откуда, ребята?!

Тень пробежала по их радостным лицам. Он их не узнает!

Ребята повернулись к витрине с находками из Лчашена. Они барабанили по стеклу пальцами: «Лчашен!» Потом они стучали себе в грудь: «Лчашен!» И археолог понял: к нему приехали друзья.

Тогда Дживан и Шеко были еще маленькие. С тех пор они встречались с Мнацаканяном и на заседаниях школьного археологического кружка, и по делам стенной газеты «Юный археолог», и на собрании Общества охраны исторических памятников (в него записалась вся школа), а чаще всего на работе, в поле.

Каждое лето лчашенские школьники работают на раскопках, как настоящие рабочие. У Шеко и Дживана уже немалый стаж — четыре лета.

Не мудрено, что им хотелось повидаться с шефом. Мнацаканян дружески пожимает им руки. Но он так же протягивает руку и ребятам в красных галстуках. Кудрявый мальчик покраснел от радости, услышав:

— Здравствуй, Оник!

А потом Оник Саркисян отвечает на наши вопросы. Нет, он не самый младший среди ребят-археологов. Он и Левик Вартаньян в восьмом, а Гагик Хачатурян и Рубик Гюрджан в шестом, но все начали работать на раскопках с пятого класса.

Оника заинтересовала надпись о победах царя Аргишти, высеченная на скале. Он стал брать в библиотеке исторические книги, но книги про могучего царя Аргишти там нет.

Летом он хочет опять работать на раскопках, если его возьмут.

Оник вопросительно смотрит на Мнацаканяна, а тот задумался. Может, вспоминает свое детство, о котором рассказывал нам по дороге?

В село Багаран, где жил маленький Арутюн, приехала из Москвы археологическая экспедиция. Мальчишек не допустили к месту раскопок. Забравшись на крышу старинной церкви, мальчишки жадно смотрели вниз.

Мальчишки решили, что приезжие ищут клады. И маленькому Арутюну тоже хотелось найти клад. Но он выкапывал из земли одни лишь черепки от посуды и с досадой бросал их на землю.

Никто ему не объяснил, что науке нужны эти древние черепки. В его школе не было археологического кружка, а во всей Армении в царское время не было ни одного музея.

Теперь другое время и другие отношения у школьников с наукой. Юным нужна наука, и науке нужны юные друзья.

Арутюн Овакимович ласково кладет руку на плечо мальчика:

— Конечно, мы еще поработаем вместе! До будущего лета, Оник!

БУРКА, ПАПАХА И САБЛЯ ЧАПАЯ

Е. АРТЕМОВ

Когда фильм о Чапаеве только вышел на экраны, ребята смотрели его по многу раз. Встретятся две компании мальчишек на улице — оживлены, глаза горят. Окликают друг друга:

— Ребята, «Чапая» смотрели?

— Смотрели.

— Второй раз?

— Третий.

— Тонет?

— Тонет...

— Тогда айда в другое кино! Нам надо, где Чапай не тонет.

Вот как не хотелось мальчишкам верить, что такой герой мог утонуть, словно обыкновенный человек.

Сколько писем писали тогда ребята, выражая свое восхищение народным полководцем! Третьеклассник Толя Шашин написал даже в «Правду» о своем любимом герое: «Он очень красивый на коне, в бурке, с обнаженной саблей мчащийся впереди своих бойцов».

С тех пор прошло тридцать лет. И вот снова перед ребятами, как живой, на экране Чапаев. Мчится на своем коне, в черной бурке, в папахе, с саблей наголо. А ведь знаете, у этих вещей — у бурки, сабли и папахи — есть своя «биография».

Собирая воспоминания участников гражданской войны, разыскал я в Киеве Андрея Михайловича Шкуратова—одного из товарищей Чапаева по партийной работе. Вот что Андрей Михайлович рассказал:

«Шел 1918 год. Южный Урал и Заволжье были местом непрерывных тяжелых боев: то кулаки поднимались в селах, то белоказаки наступали, то эсеры объявляли на Волге свою власть. Работал я тогда в Пугачевском уездном комитете партии, сокращенно — укоме. Время голодное, народ разут-раздет. Красноармейцы нередко отправлялись на фронт в лаптях. Портянок — и то недоставало. А в имениях сбежавших помещиков мы иной раз находили целые залежи припрятанного добра.

Однажды отыскали в одном подвале тайную кладовую. Вскрыли кованый сундук — а там полно всяких ценностей. Стали разбирать и на самом дне увидели темный сверток. Развернули — щегольская бурка, а в ней сложены полевой бинокль, новенькая папаха и великолепная сабля в серебре, с насечками... Красота одна!

Тут у нас и явилась мысль: это надо Чапаю отдать. Он ведь все время на фронте, в боях. Послали к его жене Пелагее Ефимовне разузнать, не собирается ли он заглянуть домой.

И вдруг смотрим — является в уком сам Чапай. Стоит на пороге, посмеивается, ус поглаживает. А рядом его друг и боевой соратник Иван Кутяков.

— Зачем,— спрашивает Василий Иванович,— за мной посылали? Стряслось чего?

Мы переглянулись. Вот, говорим, просим принять достойное командира геройской дивизии оружие и бурку.

При виде замечательной сабли его глаза — всегда ясные, блестящие — еще ярче заблестели. Примерил папаху, набросил на плечи бурку и прошелся по комнате; а походка у Василия Ивановича была бравая, молодцеватая, красиво ходил! Прошелся и говорит, усмехнувшись по-своему, с лукавинкой:

— Нам подойдет! Теперь где угодно могу отдыхать: закрылся — и мухи не кусают. А эта в дело пойдет на фронте!

Кадр из фильма «Чапаев».

И саблей взмахнул.

— Ею будем контру рубить!

Быстро вышел на улицу с Ванюшкой своим любимым — Кутяковым. Лихо вскочили оба на коней, дали шпоры и — понеслись стрелой, только пыль взвилась да черная бурка птицей по ветру бьется.

С тех пор не расставался Чапаев с этим снаряжением. Даже слух в народе пошел, будто бурка у него «заговоренная». Где ни появится в ней — у врага рука дрожит. И во сне, мол, не расстается комдив с буркой, саблей и папахой. Потому-то его ни одна пуля и шашка не берут.

А на самом деле расставался Чапаев с буркой, не раз давал ее товарищам. Рассказывают, что под Лбищенском, где шли особенно тяжелые бои, подскакал Василий Иванович на своем коне к повозке раненых. Посмотрел на них, сказал ободряющее слово да прикрыл буркой одного красноармейца, Ивана Володихина, которого бил озноб. Это мы за Чапаевым хорошо знали: он всегда готов был последнее отдать своим бойцам.

Когда погиб Василий Иванович, бурку его и саблю сберег принявший командование 25-й Чапаевской дивизией Иван Семенович Кутяков. Лохматая, с вытертым ворсом, бурка находится теперь в Музее Советской Армии».

МАРТ

В Якутии солнце все дольше освещает бескрайнюю тайгу и синие вершины Верхоянских хребтов. День прибавляется.

Лена, скованная льдами, застыла широкой белой дорогой. Мороз еще силен, но подо льдом осетры уже проснулись в ямах.

Северный олень начал откочевку на север, в тундру. За олеными стадами из лесотундры идут волки.

Олени раскапывают копытами снег, щиплют мохягель. Белые куропатки перелетают за оленями, клюют в ямках мерзлые ягоды, травку.

В дрейфующих льдах Ледовитого океана тюлени все чаще вылезают из полыньи на лед. За тюленями охотятся белые медведи. Медведицы лежат, еще занесенные снегом, под скалами, на берегу. Они не роют берлог в мерзлоте, они ложатся, их заносит пургой, и в такой снежной пещере рождаются медвежата.

Сайка в январе—феврале выметала у берегов икру и сейчас отходит подо льдом в открытый океан. Сайка — самая холодноводная рыбка, она живет и на Северном полюсе, где не водится ни треска, ни навага.

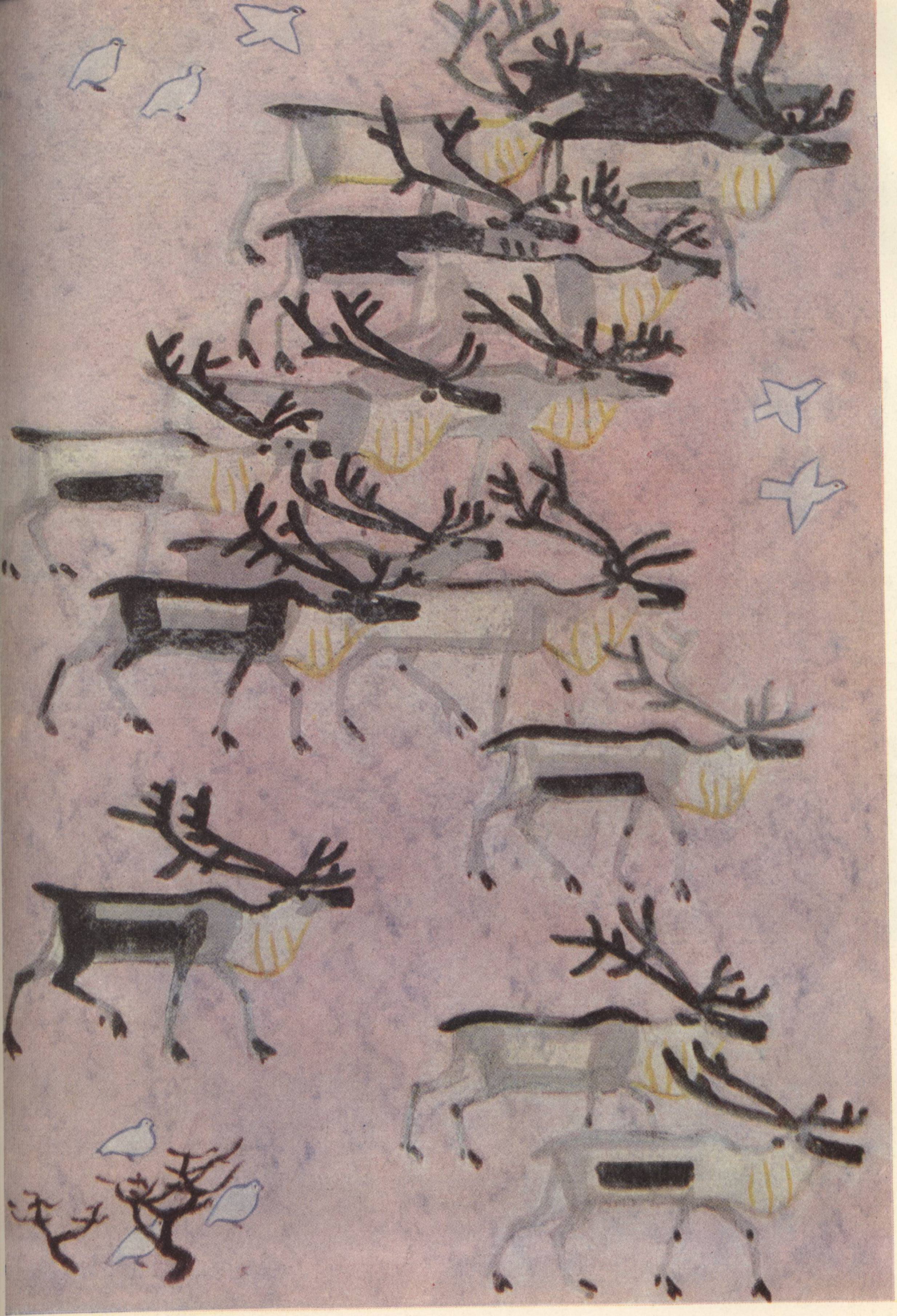
За Ново-Сибирскими островами в незамерзающей Великой Сибирской полынье зимуют моржи, чистики, розовые чайки. Грудь розовой чайки, как морозный закат над тундрой.

Морж заныривает на пятьдесят метров и вспахивает дно мордой. Он ищет корм. Усы у моржа, как антенны, они нащупывают в песке раковины моллюсков.

В полынье держатся киты нарвалы, с длинным костяным бивнем на конце рыла.

К весне полынья становится все шире, льды расходятся, и в конце июня моржи приплывут к берегам летней тундры.

Рисовала Миюки Хатта, 13 лет. Япония.

КАЖДЫЙ ЛЮБИТ МАМУ

Перед вами портреты мам. Их рисовали дети разных стран. Каждый свою. Каждый вкладывал в рисунок любовь и нежность, гордость за маму и уважение.

Слева — мама японской девочки Миюки Хатта: простая крестьянка в ее трудовых буднях. Хатта-сан опустила наземь тяжелое ведро, чтобы хоть чуточку перевести дух. Позади, в глубине двора — увесистая мотыга, охапка нарубленных бамбуковых стеблей и в три яруса клетки с курами. Эти несушки — кормильцы семьи.

Справа — индийская мама. Ее сын Шах Дилипс старался показать все сложное хозяйство, подвластное маме. Немало хлопот и у нее! Варится обед на жаровне, кипит белье в чане над огнем, в руках веретено с пряжей — хоть разорвись! А тут еще ребята насорили: валяются разбросанные по полу тапочки, книги. И сами виновники беспорядка налицо: Шах Дилипс и его сестренка...

Бережно держит малыша мама вьетнамского мальчика Ле Ван Тханга. Тхангу уже тринадцать, и, рисуя, он, конечно, вспоминал, как мама убаюкивала его.

Темные руки негритянской женщины с добрым и печальным лицом обнимают сына, словно ограждая его от беды. Может, Юджину грозили расисты! Мальчик, прижавшись к маме, выплакивает обиду.

Как старалась цейлонская девочка Джаянти нарисовать свою маму красивой! Самыми богатыми узорами расписала она мамино платье, пышным узлом уложила ее густые темные волосы. Деревья и цветы склоняются перед мамой, бабочка кружит над ее головой, и солнце смотрит из-за горы.

Рисовал Ле Ван Тханг, 13 лет. Вьетнам.

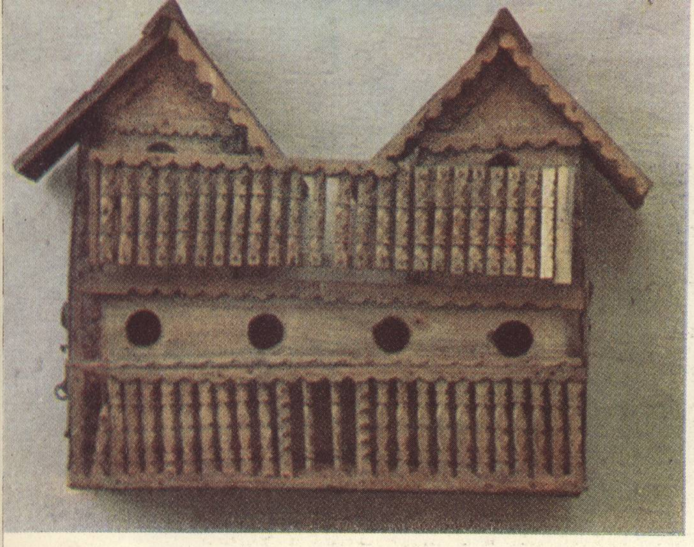
Рисовал Шах Дилипс, 11 лет. Индия

Рисовала Джаянти Мала, 9 лет. Цейлон.

Рисовал Юджин Джексон, 14 лет. США.

1

4

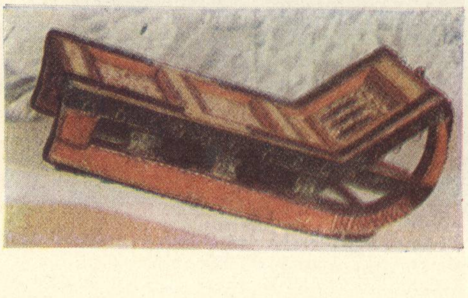
2

5

3

6

БЕЗЫМЯННЫЕ ХУДОЖНИКИ

В Москве, в старинном здании у Петровских ворот, открыта сейчас выставка не совсем обыкновенная. Даже каталог здесь не такой, как всегда. Обычно в каталоге сказано, кто написал или слепил картину или статую. А здесь, на выставке русской деревянной скульптуры и декоративной резьбы, другое... Скажем, захотите узнать, кто вырезал всадника на белом коне (на цветной странице это фото 5), раскроете каталог и прочитаете, что эту скульптуру реставрировал А. П. Егоров.

Реставрировал — значит восстановил. А еще можно сказать— «возродил», а еще — «спас»... Спас от жестокой руки времени, от губительных следов огня и воды, от слоя грубой краски, наляпанной невежественным человеком... Чего только не перенесли за века эти статуи, мудрые и наивные, какими и надлежит быть произведениям подлинно народного искусства! И сколько любви, терпения, мастерства понадобилось, чтобы вернуть к жизни хотя бы одно из этих творений!.. Спасибо художникам и исследователям, спасибо энтузиастам и в особенности Н. Померанцеву, посвятившему жизнь розыскам образцов этого искусства, существование которого вообще отрицалось.

Да, долгое время историки считали, что в старину на Руси были только живопись и зодчество, архитектура, а скульптуры вовсе не было... Ведь деревянные статуи веками были скрыты от глаз потомков. Они гнили на чердаках и в подвалах. Люди прятали их от чиновников церкви. Деревянные статуи были под запретом: это, мол, идолы, языческие боги.

Сколько превосходных вещей рассыпалось в прах, сколько сгорело в огне пожаров!.. Так из боязни выдуманного греха совершался грех, которого нельзя простить: уничтожалось высшее, что может создать человек,— искусство! И какое искусство!.. То немногое, что удалось спасти, говорит, что русский народ вправе гордиться своей скульптурой, ее мастерством, ее самобытностью.

Вглядитесь в красивое юное лицо и крепкую, приземистую фигуру всадника, о котором мы уже упоминали. Пусть вас не смущает, что он носит имя христианского святого—Георгия Победоносца. Как там ни называй, художник вложил в этот образ свое, вполне земное, человеческое понимание благородства, силы, отваги. Перед нами — воин и земледелец, русский богатырь, защищающий свою землю от вражеского меча и огня... Недаром изображение Георгия, очень похожее на это, стало гербом молодого Московского государства.

А вот лев, созданный ярославским резчиком XVII века. Рассмотрим как следует фотографию. Как выразительна, как декоративно-красива фигура этого льва, и при этом он такой забавный!.. Русские мастера любили изображать зверей и птиц. И какими веселыми красками они их расписывали!.. Ведь русская деревянная скульптура, как правило, была многокрасочной, как говорят теперь, «полихромной».

И вот эта-то звонкая праздничность, эта солнечность не иссякла, сохранилась, несмотря ни на что... Через столетия пронесли ее скромные люди, народные умельцы, резавшие из дерева затейливые вещицы: ковши, прялки, игрушки, вальки для стирки белья, пряничные доски, ларцы...

Посмотрите фотографии 1, 2, 6-ю. Правда, в этом скворечнике-дворце хочется пожить самому?.. А как хороши дубовые колоды-ульи, изображающие старика и старуху!.. А расписные кованые санки!.. Сел бы и покатил на них с ледяной горы, так, чтоб все колечки зазвенели!..

Богатое воображение и верность старинным традициям — тому, что передается из поколения в поколение,— вот что отличает народных мастеров... Рассмотрите внимательно рисунки на прялке, снятой на фото 4, и вы почувствуете, с какой любовью и талантом создавала это маленькое произведение искусства северянка — художница из народа, жившая уже в нашем XX веке.

Смотришь на эти вещи и радуешься: никакими запретами нельзя убить искусство, праздничную его суть! Пока жив народ, живет и оно. И от встреч с этим искусством человек делается добрее, разумнее, богаче.

Ю. НОВИКОВА

МОЙ ДРУГ

Амирхан ШОМАХОВ

С давних пор мы оба
дружим —
Я и друг мой Мухадин.
Словно воздух, он мне
нужен,
Как вода, необходим.

Утром друга в классе
встречу
И сажусь — плечо к плечу,
Скажет он — и я отвечу,
Он молчит — и я молчу.

Все у нас одно и то же:
Сложит он — за ним и я,
Он умножит — я умножу.
Вот какие мы друзья!

Если пишем изложенье,
Я вовсю за ним слежу:
Он застынет без
движенья —
Я, как статуя, сижу.

Он разделит дробь
простую —
Разделить и мне пустяк;
Он поставит запятую —
Я поставлю тот же знак.

Стоит в школу не явиться
Мухадину —
Тут беда:
Получаю единицы!..
Мне без друга никуда!

Перевели с кабардинского
Ю. Даниэль и
Ю. Хазанов.

КРУГОСВЕТКА

РЕБЕНОК ЗА 4000 ДОЛЛАРОВ

Трудно поверить, что в наши дни где-то покупают и продают детей. И тем не менее это так. На Западе, в капиталистическом мире, существует торговля новорожденными. Ею занимаются не отдельные преступники, а целые фирмы, у которых есть свои агенты, адвокаты и врачи. Особенный размах эта страшная торговля имеет в Соединенных Штатах. Цены на младенцев здесь установлены от 4 000 до 7 500 долларов. В Западной Германии есть даже специальная контора, которая вывозит сирот и подкидышей за океан. Многие американцы сами приезжают в ФРГ, чтобы купить ребенка у родителей. За последнее время тысячи немецких матерей продали своих детей в Америку.

Как же складывается судьба несчастных малышей? Восьмилетняя Анна-Мари была продана в богатую американскую семью еще до своего рождения. Приехав на родину, покупатели не захотели держать девочку дома и продали ее знакомым. Те, в свою очередь, снова продали ребенка. Кончилось тем, что Анна-Мари оказалась в сиротском приюте. Таких примеров великое множество.

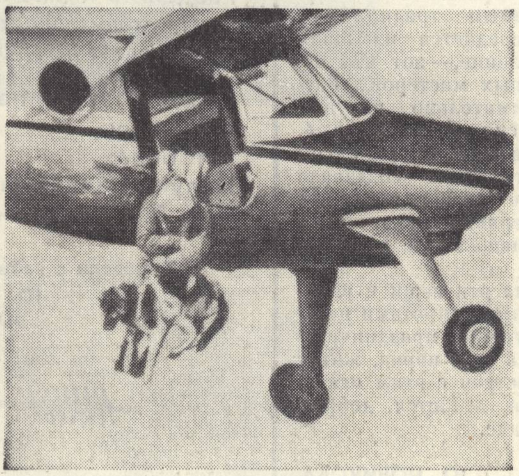
Но почему же матери продают детей? Что толкает их на такой отчаянный шаг? Бесчеловечные нравы и законы капитализма. У матерей нет денег, чтобы прокормить малыша, вызвать врача. Они боятся потерять работу. Ведь достаточно хозяину предприятия узнать, что работница ожидает ребенка, как он тут же выбрасывает ее на улицу. Страх перед нищетой вынуждает бедных женщин отказываться от самого для них дорогого — ребенка.

СКВОРЕЦ-КОНДУКТОР

В немецком городе Эльберфельде на дачной платформе несколько дней наблюдалось странное явление. Не успевал поезд, переполненный пассажирами, подойти и остановиться, как слышался голос «Abfahrt!» (отъезд) и звучал резкий свисток. Машинист, хотя и изумлялся такой поспешности, послушно прибавлял ход. Поезд мчался до следующей станции. Пассажиры, которым надо было выходить в Эльберфельде, возмущались и негодовали. А по платформе бегал ничего не понимавший кондуктор, который обычно соскакивал с поезда раньше, чем он остановится.

Ясно было, что кто-то разыгрывал нелепые шутки. Долго ни начальник станции, ни кондукторы не могли найти виновника. Он обнаружил себя сам. Однажды заметили, что сигнал раздался с дерева. Это был ручной говорящий скворец.

СПАСАТЕЛИ

Обвал в горах преградил дорогу лыжникам. Кого-то засыпало снегом. И вот с аэродрома швейцарской спасательной службы поднимается самолет. На его борту спасатели — человек и собака-ищейка. Оба тренированные парашютисты.

Над местом обвала они совершают сложный прыжок. Прыгают не порознь (в горах ведь неудобно и опасно приземляться далеко друг от друга), а вместе. Перед прыжком собаку привязывают на веревке к поясу хозяина. Почти у самой земли он отвязывает веревку — иначе можно запутаться, причинить друг другу ушиб,— и собака опускается немного раньше и в стороне.

КРУГОСВЕТКА

ВПЕРВЫЕ ЗА СТО ЛЕТ

Минувшая зима в Южной Африке выдалась на редкость суровой. В июне и июле на континент обрушились массы холодного воздуха с метелями и снегопадами. Дыхание Антарктиды чувствовалось даже у Южного тропика. Жители пустыни Калахари, Трансвааля и знойной Анголы впервые в своей жизни увидели снег. Его не было здесь целых сто лет! Снежные заносы причинили немало бедствий в горах.

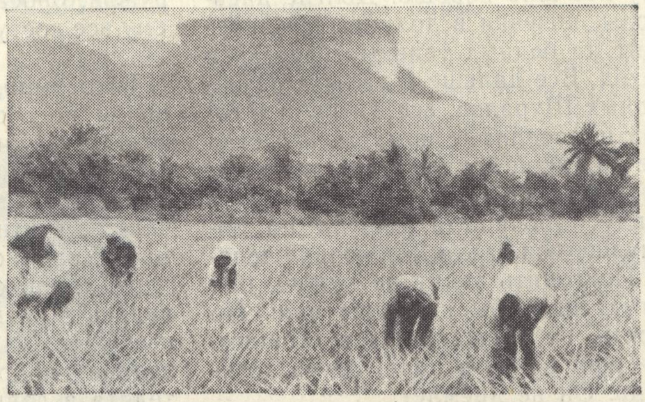
На снимке: занесенный сугробами пальмовый парк в столице Трансвааля Иоганнесбурге. И взрослые и дети с восторгом затевают необычные игры на снегу.

АНАНАСЫ

Вам приходилось видеть гостя тропических стран — душистый, сочный ананас? Золотисто-желтые мясистые шишки достигают пяти килограммов веса. Чем-то они напоминают кедровые. Но растут ананасы не на дереве. Это травянистая культура, которую в тропиках сеют, как свеклу или кукурузу.

На снимке: ананасная плантация в Гвинее.

ТАНЕЦ ПАСТУХОВ

Музыку и танцы очень любят в Африке. В одной негритянской сказке даже говорится, что сначала на земле был создан барабанщик, а потом уже охотник и кузнец.

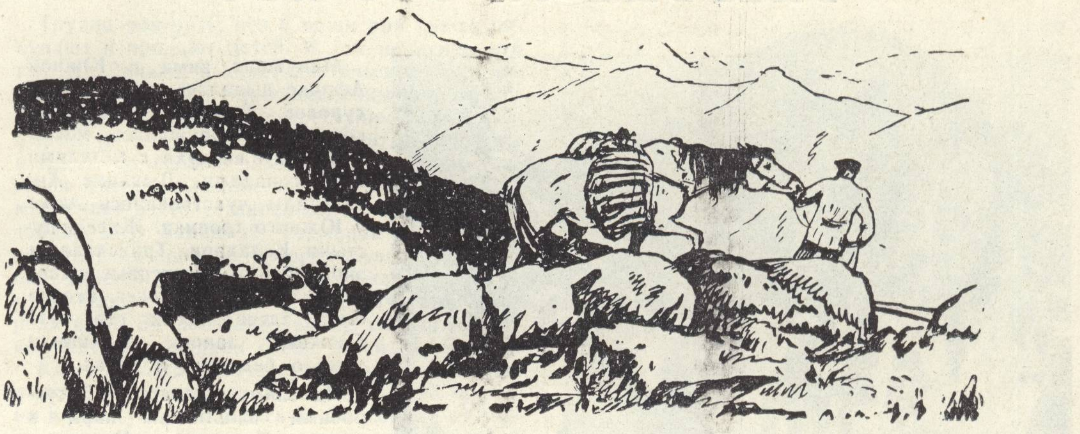
Каждое африканское племя имеет свои неповторимые музыкальные ритмы и танцы. В четких, выразительных пантомимах оживают старинные легенды, сказки, сцены охоты, борьбы против колонизаторов. Интересен «танец ястреба», который имеет право исполнять только тот, кто совершил подвиг.

Африканские танцоры превосходно подражают движениям птиц, зверей, змей. Перед выступлением они украшают себя перьями, надевают маски, расписывают лицо и тело яркими красками. На фотографии вы видите танец суданских пастухов. Что изображает он, понятно без слов.

ПАРМА

Л. ФОМИН
Рисунки Н. Пластова.

Документальная повесть

I

Поначалу все шло хорошо. Долгие дневные переходы, ночевки в долинах рек, кормежка телят на бедных травами берегах и снова переход. Все дальше и дальше на восток от родных Шуралов, все в гору и в гору. Исчезли надоедливые комары, лес стал ниже, реже да такой корявый, что и на лес не похож. А ночью мороз.

Ребята идут обочинами выруба по бокам растянувшегося стада. Несколько человек сзади. Подгонять телят не нужно, они и сами бегут, лишь бы передние шли. Но надо смотреть, не убежали бы в стороны. А удерут — ищи ветра в поле. Здесь хозяин — медведь. Он не дремлет.

Впереди гурта караваном идут тяжело нагруженные кони. За ними спешат телята. Лошади натужно храпят, высекают подковами искры. Но идут быстро.

Ведет отряд учитель Василий Терентьевич. То и дело слышится его голос:

— Давай, ребятки! Веселей-ей! ...Не отставать. Тут вам не что-нибудь, тут парма.

Непонятно, когда он успевает обежать стадо, побывать там и тут. Только увидишь его, а вот и след простыл. И снова слышится «давай, ребятки» уже с другой стороны.

Не ради заработка он семь лет подряд гонял вместе с ребятами на далекие горные пастбища колхозные стада.

Василий Терентьевич — коммунист. На фронте он потерял правую руку, но это не сделало его инвалидом. Левой умеет он столько, что иному и двумя несподручно: управляет трактором, метко стреляет из ружья, бросает спиннинг... Он все может, ему все доступно.

Тихо было, над лесом сияло солнышко, и ничем не грозила поднявшаяся над горизонтом иссиня-белая, как взбитый яичный белок, тучка. Но вот зловещая темь закрыла солнце. Умолкли, разлетелись по лесным чащобам птицы, перестали гудеть насекомые. Холодно стало. Почуяв неладное, задурили, забесились телята. Путались, сбивались с ритма, поворачивая назад. Головные часто и без причины останавливались, задние напирали, тыл сжимался, средние телята в давке прыгали друг на друга, падали. Они глухо мычали, не обращали внимания на ребячьи окрики, не увертывались от ударов виц.

Как ни старался Василий Терентьевич, как ни спешил, «телячий бунт» отнял много времени, и засветло выйти на поляны не удалось. Ночь накатилась внезапно, будто на тайгу мягко и неожиданно прыгнул исполинский черный зверь и прикрыл лохматым сырым брюхом лес, выруб, стадо. Тут уж некогда выбирать место для ночевки. Коекак сгрудили уставших телят на крохотной полянке, разложили костры. Много костров! Это страховка от возможного визита медведей. Они чуют животных и идут следом.

Костры горят с разных сторон стада, ребята собрались возле них, просушивают

одежонку. Нина, закрываясь рукой от пламени, прутиком помешивает в ведре варево.

У другого костра Гриша-младший, уже в который раз, принимается рассказывать про то, как он свалился сегодня с лошади.

— Он, этот Буланка, дикошарый какой-то,— картаво говорит Гриша.— Увидел на дороге обгорелый пенек, зашипел на него, как змея, да как прыгнет! Я и полетел прямо головой в лужу. Сейчас еще грязь в ушах не просохла...

Все смеются. А телята мычат, тоскливо, обиженно.

— Скажи, Нина,—спросила Валя,— а что такое парма?

Нина и сама не знала, как толком объяснить. Парму старожилы никогда не путали с тайгой и вкладывали в это слово особый смысл. Нина сказала:

— Парма — это горная тайга, непроходимая... ну, опасная, что ли...

Ночью повалил снег. Легкие снежинки, как белые мотыльки, запорхали над вырубом. Затем снег усилился, полетел гуще, и вот все ожило, зашуршало, задвигалось.

Спать не пришлось. Ребята подкармливали продрогших телят ветками рябины, обметали с их спин снег. Телята вдруг присмирели, сбились в тесную кучу, обреченно опустили головы.

Утром снова двинулись в путь. Первая альпийская поляна была совсем рядом, и через час хода отряд был на ней. Обширная луговина густо утыкана раскидистыми кустами чемерицы. Вдали сквозь туман неясно виднелись пологие покаты гор.

Просторно и вольно здесь, в заоблачной высоте, где столько простора и света. Но сердце не ликовало, сердце сжимала тревога. Неужто на погибель гнали сюда ребята колхозное стадо?

2

Здесь, на поляне, был дом, скотный двор и просторный загон, огороженный пряслами. Вечером ребята растопили железную печку, поставили на каленый верх ведра с водой. Вскипит вода, и заварят они вкусную сухарницу с луком. На гвоздиках, на перекладинах висят мокрые портянки, в углу в кучу свалены мешки с продовольствием, седла, у стены выстроились сапоги. Двадцать три пары.

Сквозь стены слышно, как ревут и бодают безрогими лбами ворота запертые в сарае телята. Сегодня они не кормлены. Попасти бы надо, хоть маленько, да нельзя выпускать их на луг. Из снега торчит одна чемерица. Заманчивая на вид, сочная такая, как кукуруза, но ядовита. В другое время животные ее обходят, а сейчас с голодухи — только подай! Нажрутся и отравятся.

Шумят, смеются неугомонные ребята. А телята мычат...

— Тихо!—почти крикнул Василий Терентьевич. Все умолкли, как по команде повернулись к нему.— Слышите? Это ревут телята. У нас есть еда, мы сейчас будем сыты, ляжем спать. А телята не будут спать, они будут реветь еще громче. Они голодны, им надо травы. Не дадим им травы — они погибнут. Сто сорок телят и восемнадцать лошадей!

Василий Терентьевич встал, поджарый, в своем коротком ватнике, суровый. Смотрят ребята на учителя, ждут, что скажет дальше. А телята мычат...

— Давайте спасать живот-

Много костров — страховка от медведей.

ных,— снова заговорил учитель.— Снег скоро стает, но несколько дней мы должны будем их прокормить. Помощи ждать не от кого. Пока не будет погоды, на Кваркуш никто не придет. Завтра рано утром пойдем на луг и вырубим всю чемерицу. Потом станем разгребать снег. Нет! Мы будем катать его комьями, он липкий...

Утром ребята встали часа в четыре. Выпили по кружке теплого чаю, закусили сухарями. И один за другим— в двери гуськом, на луг.

За ночь опять подвалило снегу. На лугу ни следышка. Белым-бело окрест. Одна чемерица торчит.

Ребята вооружились палками, выстроились в длинную шеренгу.

— Впе-еред! — как солдатам в атаку, скомандовал Василий Терентьевич — и пошли косить! Взмах, удар — нет куста. Второй удар — нет другого куста. Играючи идет дело, только шум стоит! Далеко ушли «косари». Шагают волнистым рядком, как направил Василий Терентьевич, и след за ними остается почти такой же, как на выкосе. И лежит кругом чемерица. Девочки едва успевают таскать ее в кучи. Вырубили наконец. Не увидишь и кустика.

Василий Терентьевич.

Василий Терентьевич собрал ребят.

— Славно поработали! Но это только часть дела. Теперь будем катать «снежки».— И он, наклонившись, стал сбивать из мокрого снега комок. Сбил и покатил. Комок, набухая, чисто собирал за собой снег, освобождал полегшую траву.

— Уй, как здорово получается! — удивилась Нина и начала лепить свой «снежок».

— Подожди,— остановил ее Василий Терентьевич,— здесь не надо. Это я только показал, катать будем с горки.

Ребята гурьбой поднялись на пригорок к домику и, выбрав место, где трава под снегом гуще, покатили комья. С этим делом приходилось маленько труднее. Снежные комья росли быстрее, уже через восемь — десять метров проворотить их не хватало силы. Тогда ребята сходились к одному кому по двое, по трое, катили его дальше, а потом бросали и принимались за новый.

Давно все вымокли до нитки, даже из голенищ сапог выжималась вода.

Но вот уже «дорожек» на лугу так много, что не видно издали белых промежутков между ними. Очищенное от снега место похоже на проталину. Василий Терентьевич выпустил из сарая телят. Обгоняя друг друга, они опрометью бросились к зеленому островку. Отталкивают друг дружку, жадно хватают траву. Прибежали и кони. Веселый буланый жеребчик раз хватил квелой сладкой травки, два хватил и, вскинув голову и оскалив длинные желтые зубы с засевшими между ними травинками, звонко, дребезжаще заржал. На лошадином языке это, вероятно, означало: «Ничего, проживем!»

К вечеру похолодало. Мокрая трава покрылась крупинками льда и похрустывала на зубах у животных. А они, голодные, все хватают, все не наедятся. Много, слишком много телят, а «снежки» слишком тяжелые.

Ребят уже бросало от усталости, когда они загнали орущих, недовольных телят. Молча пошли к дому. В сапогах хлюпало, с рукавов капало. Возле дома Витя уперся руками в стену, вытянулся.

— Ну-ка, отожми с меня малость,— попросил он Мишу.

Миша Калач долго пыхтел, а затем отступился и сказал виновато:

— Не получается, руки ровно не мои...

Они ввалились с холодом, с сыростью в жарко натопленную избушку и все легли на полу.

— А ужинать? — спросила Нина, снимая с печки ведро с кашей.

Ребята молчат.

— А ужинать кто будет? — переспросила Нина.

Спят ребята...

А утром повторилось все сначала.

3

Не сдается «вогульский бог», каждую ночь добавляет снегу. От вчерашнего зеленого островка не остается и следа.

Так прошло трое суток. Снег не таял. Его наваливало по колено. Катать комья делалось все труднее и труднее. Да и работники уже не те: утомились, изрезали о наст руки. Вспухшие пальцы не держат вечером ложку. Второе утро ребята не могут сами проснуться вовремя , а Василий Терентьевич почему-то не будит их, один угоняет телят на луг. Жалеет, что ли, или просто не может добудиться?

Легли ребята после адова дня, молчат. Сегодня они совсем мало расчистили. А телята орут, бунтуют. От сарая доносится топот, треск — это животные валят дощатые перегородки. Василий Терентьевич несколько раз уходил и возвращался расстроенный.

— Вовсе взбесились,— не скрывая тревоги, сообщал он, садился за стол, подпирал заросший щетиной подбородок жилистым кулаком.— Стены не разнесут — крепкие, а малышей затопчут.

Нина не могла слышать плач животных, не находила в избе места. Стала лицом в угол, закрыла ладонями уши. Но и сквозь ладони слышно было глухое жалобное мычание.

— Василь Терентьевич! Что еще можно сделать, чтобы они не орали?

— Есть выход. Только опять работа веселая...

— Ну и что ж! Хоть сейчас! — с готовностью согласилась Нина.

— А как остальные?

Катать снежные комья делалось все труднее и труднее.

— Что? — навострил уши засыпавший уже Гриша-младший. И вдруг все понял. Спрыгнул с нар, потянулся за сапогами.

— Я готов повеселиться!

— Как остальные? — снова спросил Василий Терентьевич.

— И мы готовы,— ответило несколько голосов.

— Тогда сейчас и пойдем. Утром будет поздно... Пойдем на Цепел рубить рябину.

Призрачный полумрак северной белой ночи мягко оттенял голубые полосы на снегу.

Идут ребята друг за другом цепочкой, как партизаны на боевое задание, стараются угадывать в один след. Помалкивают. Нет настроения разговаривать.

Молча прошли и возле скотника. Голодный рев телят болью отзывался в сердце, зашагали быстрее.

Вот и Цепел. Недовольно ропщет студеная быстрина, скрытая густыми зарослями осинника, рябины, вербняка.

Топор был один, и ребята в ожидании окружили Василия Терентьевича. Он затянул потуже ремень, заправил под него, чтобы не болтался, пустой рукав.

— Я буду рубить, а вы — таскать к сараю,— сказал он и размашисто ударил по первому деревцу. «У-ак!» — голосисто откликнулось по долине. «Тах-та-тах!»— раздавались удары. «У-ак, у-ак, у-ак!» — вторило эхо.

Падали одна за другой сраженные рябинки, словно руками взмахивали ветками, безнадежно хватались за подружек, повисали на них.

Нина первая подошла со своей ношей к сараю. Бросила ветки под ноги, задумалась. Если открыть ворота, телята затопчут. Она наломала прутиков и стала проталкивать их в щели. Жадные языки захватывали ветки, вырывали из рук.

Принес рябину Витя Пенкин.

— Что издеваешься?

— Ух ты, издеваюсь! — взвинтилась Нина.— Как же им иначе отдашь?

Витя обошел сарай и ничего не придумал. Тем временем пришли и другие. Все стояли, не зная, как отдать рябину телятам.

— Вот что сделаем,—предложила Нина.— Будем таскать ветки и раскладывать в кучи во-он до того камня. Когда наносим побольше, выпустим телят. А если в од-

ну кучу бросить, то они драться будут. И маленьким не достанется.

Едва выбрали массивный деревянный засов, ворота сарая с треском распахнулись, и в загон потекла серая ревущая лавина. Животные набросились на рябину, фыркали, выхватывая друг у друга. Тесно стало в просторном загоне, ребята сновали между телятами, растаскивали ветки в свободные углы.

А потом снова ахал в долине Цепела топор, снова ребята охапками носили к сараю ветви рябины, теряя по краям широкой тропы зеленые листья. И так до двух ночи. Спотыкались ребята, засыпали на ходу, а все носили, носили. Но вот наелись телята. Удовлетворенно запомыкивали, потянулись в сарай. Тогда их заперли и опять цепочкой, как партизаны с боевого задания, пошли к дому.

Все спали, когда Василий Терентьевич тихо подошел к Нине, осторожно потряс ее за рукав и сказал негромко:

— Я сейчас ухожу, ты остаешься за старшую... Утром начинайте со «снежков», а затем рубите рябину. Для слабых телят свари на пойло одно ведро сухарей. Последнее. Вернусь вечером.

Нина вскочила с лежанки, испуганно раскрыла в темноту глаза.

— Куда вы? Ночь ведь еще!

— На реке Пелье — геологи. Попробую найти их. У них рация.

Василий Терентьевич на ощупь отыскал на стене ружье и, скрипнув дверью, вышел.

4

«SOS! SOS! SOS!» — бойко, с металлическим щелком отстукивает ключ морзянки сигнал бедствия. В палатке над передатчиком склонился радист. За его спиной стоит небритый, худой человек. Одежда на нем мокрая, изорванная, впалые глаза лихорадочно поблескивают.

Радист снял наушники, посидел молча, машинально барабаня по столу, будто ключом, сухими суставами пальцев, порывисто повернулся к учителю.

— Буря. Понимаете, магнитная буря! Ну, чего вы на меня так смотрите?

— А у меня дети! — как глухому, прямо в лицо сказал Василий Терентьевич.

Радист болезненно сморщился, отчаянно замотал всклокоченной рыжей головой и

Наконец телята наелись...

попытался встать. Василий Терентьевич властно усадил его.

— Пока не передадите радиограмму, никуда отсюда не уйдете. И я от вас не отойду. Продолжайте!

— Да вы что, приказываете?! — Радист удивленно и испуганно вперил в учителя немигающие глаза.

— Прошу...— неожиданно тихо, с хриплым выдохом сказал Василий Терентьевич и, вразощутив неодолимую слабость в ногах, бессильно опустился на стоявший возле стола ящик с батареями от аппаратуры.

Прошло еще с полчаса. Радист не отрывался от передатчика, а учитель снова встал и стоял над ним, точно окаменевший — ни один мускул не дрогнул на его утомленном, землистом лице.

За брезентовой стенкой послышались шаги, резко, с хлопком, распахнулся полог, и в палатку ввалился, задевая шапкой провисший потолок, здоровенный чернобородый парняга.

— Здравствуйте! — громко, густым, басовитым голосом поздоровался бородач и с любопытством оглядел учителя.

— Гости у нас, оказывается?

Василий Терентьевич мельком взглянул на дюжего пришельца, еле заметно кивнул на приветствие и снова замер, вслушиваясь в гудки аппарата.

— Позвольте познакомиться,— дружелюбно пробасил чернобородый,— начальник здешней геологоразведочной партии Семен Новосельцев. А вы кто?

Учитель всем корпусом подался к начальнику партии.

— Вот мне вас и надо! А то с этим... как его,— он кивнул на радиста,— сладу нет. Зарядил одно про бурю, а у меня гибнет колхозный скот, вот-вот слягут простужен-

ные дети...— И он торопливо объяснил, кто он, откуда и зачем явился. А начальник с интересом разглядывал разбитые сапоги его, порванные на коленках брюки, туго перехваченную ремнем телогрейку с пустым, заправленным под ремень рукавом.

— Вот, Семен Николаевич,— запальчиво заговорил радист,— пришел тут ни свет ни заря да еще порядки свои наводит. Что я сделаю, раз буря...

Семен Николаевич опять поднял обе руки, дескать, все ясно, не волнуйся, и обратился к Василию Терентьевичу:

— Давайте-ка ко мне в палатку. Там и потолкуем. А ты, Малышок, продолжай, через бурю...

Малышок недовольно и обиженно глянул из-под редких рыжих бровей, хотел что-то добавить к сказанному, но сказал только «Вот!» и сел на место. Палатка начальника изнутри обита для тепла розовой байкой. На полу железная разборная печка. Начальник отстегнул ремни, снял и положил на стол сумку и наган. С хрустом потянул с широких плеч задубелый плащ.

— Чем вы сможете помочь нам? — спросил Василий Терентьевич

Семен Николаевич опустился на топчан рядом с учителем, тяжелый, широкий в толстом влажном свитере, от которого валил пар, закинул ногу на ногу, обхватил колено сплетенными пальцами. Что-то мужицкое, участливое было в этой позе. И вдруг показался он учителю совсем другим, серьезным и деловым человеком.

— Надо подумать,— сказал Семен Николаевич,— но что в наших силах, сделаем. Пожалуй, только мы сейчас и сможем помочь. Тут вот какое дело. Надежда на помощь откуда-то одна: вертолет. Но, если Малышок даже и свяжется с «большой землей», этой так называемой летной погоды, может, не будет еще две недели...

От последних слов Василия Терентьевича передернуло.

— Как не будет?!

— Это я перестраховываю. В какой помощи вы нуждаетесь?

— В рабочей силе, в продуктах, в обуви. Это главное...

— А для чего рабочая сила?

— Катать снежные комья, освобождать из-под снега траву. Поможете?

Семен Николаевич слушал и удивленно смотрел на учителя.

— Вы бы прилегли на часок, вот спальный мешок, тулуп,— как сквозь подушку, услышал Василий Терентьевич, и этот басовитый, сочувственный голос прозвучал для него сейчас напевом флейты. «По всем правилам парень,— думал учитель,— на такого можно положиться...»

— Спасибо,— вслух сказал и, очнувшись, потряс отяжелевшей головой.— Я, кажется, задремал. Ничего, пройдет.

— Вы бы прилегли на часок,— повторил Семен Николаевич.

— Нет, спать некогда. На полянах дети. Одни!

В это время за палаткой послышались быстрые шаги, и в проходе возник сияющий Малышок.

— Учитель, читайте, радиограмма! — И он протянул бегло исписанный листок: «SOS» принят. В первый летный день высылаем вертолет. Уточните координаты!».

Василий Терентьевич, вскочив с места, пробежал глазами по размашистым строчкам, улыбнулся обветренными губами.

— А координаты передал?

— Ага, вашу поляну передал. Квадрат 230.

Василий Терентьевич повернулся к начальнику.

— Теперь я пойду. Когда ждать помощников?

— Завтра с утра придем все и привезем обещанное... Но вы все же отдохните,— в третий раз предложил Семен Николаевич.— Супу горячего похлебаем. Не близко ведь до ваших полян, двадцать четыре километра!

— Нет,— твердо сказал Василий Терентьевич.— Спасибо.— И он, не прощаясь, вышел из палатки.

5

К вечеру Василий Терентьевич не вернулся. В избушке никто не спал. Отдельно для Василия Терентьевича Нина сварила в котелке кашу и положила в нее три ложки масла. И чай вскипел, тоже отдельно, для учителя. А его не было.

— Может, ночевать остался у геологов,— неуверенно сказал Миша Калач, присаживаясь на освободившееся место рядом с Витей.

— Не останется он,— возразила Нина.— Хоть как, а все равно пойдет домой, потому что за нас беспокоится...

Валя вымыла посуду, составила ее порядочком под лавкой и легла. Ей опять стало

хуже. Вот ведь какая, хоть бы раз призналась, что болеет. И не хнычет, не жалуется. А что болеет, это все видят.

Нина воткнула иголку с ниткой в рукав телогрейки, отложила работу. Высыпала из бумажного кулька остатки сушеной малины в кружку и залила горячим чаем.

— Выпей, легче будет,— сказала Вале.

— Мне и так не трудно,— захорохорилась было Валя, но чай выпила.

Надо бы дать ей какого-нибудь лекарства, а какого, Нина не знала. Аспирин кончился, в сумке остались всякие таблетки с незнакомыми названиями.

— Самое главное — прогревайся, — посоветовала Нина и укрыла Валю вторым одеялом.— Вот пропотеешь — и все как рукой снимет...

Нина снова взялась за телогрейку, зашила разорванный рукав, оделась и вышла.

Тихий звон перекатывался по логам и взгорьям от звуков, рождавшихся в теплой, светлой ночи. Но что там еще? Вдруг заревели и, вскакивая, забили в стены, затопали в сарае телята. Глухой утробный рев не походил на то, как обычно они орут, когда голодные. Кто-то их потревожил. Нина пулей влетела в избушку. Медведь пришел! Ребята оторопело уставились на нее.

— Чего смотрите? К сараю бежать надо!

— Ага, надо...— растерянно согласился Петя. Он сидел к Нине ближе других, с сапогом на коленях, и от неожиданности подумал, что Нина обращается к нему одному.— Эх, кабы ружье...— досадливо протянул он.

— Кабы, кабы...— передразнил Гриша-старший, спрыгнул с нар, быстро надернул сапоги.— С палками айда!

— Факел надо, факел! Медведи шибко огня боятся,— догадалась Нина, выдернула из печки недавно подброшенное полено. Дым повалил к потолку, и Нина с

Медведь пришел!

«факелом» выскочила на улицу. Витя с топором наготове не отставал. А за ним тесной нестройной толпой — все остальные ребята, с палками, как с пиками, наперевес.

Нине казалось, что медведь уже давно в скотнике и отчаянно расправляется с телятами. Она никогда не видела взаправдашнего зверя, и ее брала оторопь только от ожидания встречи с ним — с лохматым, зубастым, злым...

Возле загона все умолкли. Витя Пенкин сделал несколько шагов вдоль изгороди, заглянул за просевший угол. И вдруг за сараем что-то зашуршало, послышались шаги. Ребята отпрянули, сгрудились теснее, замерли.

— Это что тут за манифестация? — раздался сердитый голос Василия Терентьевича.

И всеобщее напряжение сменилось радостным удивлением. Из-за сарая вышел учитель.

— Василь Терентьевич! — Нина бросила головешку, побежала навстречу.— Осторожнее, здесь медведь где-то прячется...

— Знаю, был медведь, я вот тоже зашел рассчитаться с ним, да вы помешали. Удрал, ворюга!

— Страшно, Василь Терентьевич...

И Нина, не стесняясь ребят, совсем по-детски, совсем непохожая на ту, какой была минутой раньше, расслабленно приникла лбом к груди учителя.

6

На другой день было воскресенье. За утро ребята все глаза проглядели, поджидая геологов. То один, то другой подходили к окну и, склонившись, припав к запотевшему стеклу, повторяли:

— И утро хорошее, а не идут. Проспали, что ль?

Вдруг послышался лай. Сидевший на седле у порога Витя Пенкин распахнул дверь. Белая собака с мокрым брюхом отпрянула в сторону, настороженно вскинув острую морду.

— Приехали! — закричал Витя и выбежал на улицу. Однако, кроме собаки, у дома никого не было. Собака беспокойно затопталась, оскалив зубы, уркнула на Витю и помчалась своим же следом через ельник к Цепелу. Ребята побежали за ней и увидели людей. Они шли от реки по лугу и вели на поводу двух завьюченных лошадей. Впереди, в плаще нараспашку, в высоких

сапогах, шел коренастый бородач. Собака уже вертелась у его ног.

Сегодня на лугу вовсе на лад шло дело. То ли этому причиной было теплое, обещающее погоду утро, то ли приезд геологов, а над поляной не умолкали веселые переклики, шутки. Всех смешил бородатый дядя Сеня. Когда ребята накатывали большой, чуть не в свой рост снежный ком, звали на помощь его.

— Лечу! — немедленно откликался дядя Сеня.

Но не «летел», вразвалку и неторопливо подходил к ожидавшим ребятам. Просил всех разойтись, подбирался ручищами под сырой, облепленный травой ком и сильным, резким толчком сворачивал его с места.

А погода уверенно шла на поправку. Дул и дул над лугами теплый, как пар, ветерок. Тучи редели, поднимались выше и, клочковатые, вытянутые, разбродно гуляли над ширью Кваркуша. Иногда меж ними прорывалось горячее, ослепительное солнце. Вспыхивали и сверкали ручьи.

Василий Терентьевич распрямил спину, огляделся.

Он стоял, невысокий, прямой, оборванный, заросшие щеки запали. А глаза блестят радостно и лучисто.

В окружении мальчишек к Василию Терентьевичу подошел Семен Николаевич. Молча осмотрел его такого, померил взглядом снизу вверх, сверху вниз. А потом спросил:

— И сколько дней вы так старались?

— Все время, как выпал снег.

Ребята уже привыкли к тому, что дядя Сеня шутник, но на этот раз они не услышали шутки. Он начал было выжимать полы бушлата, но вдруг неожиданно и порывисто наклонился к Грише-младшему, сильно подхватил его под мышки, поднял над головой и восторженно проговорил:

— Эх, людишки вы, муравьишки!

— Спасли ведь! — вставил Василий Терентьевич.— Спасли телят! Ура, ребята!

Испугался, метнулся прочь от дружного многоголосого «ура» пролетавший низко над лугом сокол, в низах откликнулось переливчатое эхо.

Телята и кони ходили на выпасах с утра. Они уже не жадничали, неторопливо месили ногами разжиженный снег, выбирали травку посочнее. Наелись, стали ложиться.

— Эх, людишки вы, муравьишки!

— Не-ет, так не пойдет,— забеспокоился Василий Терентьевич,— земля сырая, холодная, чего доброго обезножат.

Ребята теперь то и дело поднимали телят, а они все ложились и ложились.

— В сарай их! — разозлился Василий Терентьевич.

В эту ночь Гриша-младший долго не мог уснуть: все думал, как прилетит вертолет и как они полетят домой.

Несколько раз мальчик приподнимался в постели, хотел о чем-то спросить Семена Николаевича. Но тот лежал от него через несколько человек, и ползти к нему через спящих Гриша не решился.

«Ну ладно, утром все расспрошу»,— решил Гриша и натянул на голову одеяло.

Карлос КАСАССУС

КОРАБЛИ ДОЛЖНЫ УХОДИТЬ

Корабли
Трутся бортом о борт.
Кораблям, видно, тесен порт.
Кораблям в океане жить.
Корабли
Должны
Уходить...

Я локтями впился в парапет.
Я веду с кораблем разговор.
— Ты останешься с нами?
— Нет.
Ухожу
На заре
В Сальвадор.

— Ну, а если и там надоест?
— На земле еще много мест.

Команда «Концы рубить!».
За кормой вскипела вода.
Корабли
Должны
Уходить.
Так было и будет всегда.

Океан...
Я гляжу и молчу.
Как селитра, он голубой.
Я сказать кораблю хочу:
— Я бы тоже уплыл с тобой...

Умберто Диас КАСАНУЭВА

ХОЧУ БЫТЬ МОРЯКОМ

Педро не видел моря.
Я тоже не видел моря,
Но оба мы моряками
Хотим обязательно стать.

Я буду на лайнере плавать,
Я буду на нем капитаном.
Слушай мою команду:
— Лево руля, вперед!

Мы видим одно только небо.
Мы видим одно только море.
Земли мы не видим вовсе —
На то мы и моряки!

Я буду стоять у штурвала,
Я буду сосать свою трубку,
Я буду о школе думать,
И будет печален мой взор.

Но я буду прыгать от счастья,
Швартуясь у нильских причалов,
Бросая в Бомбее якорь
И в устье Конго входя.

Куплю себе саблю кривую,
Куплю обезьянку-шалунью,
Конечно, куплю крокодила
И фиников полный карман!

И столько людей я увижу,
И столько стран я увижу,
Что старым и добрым знакомым
Мне станет весь шар земной.

И сам я состарюсь на море,
И буду очень доволен,
Что десятилетним мальчишкой
Решил я стать моряком.

И Педро сказал, что мама
Отпустит его со мною,
И будут мне вечно друзьями
Педро и океан.

И будем мы петь вместе с Педро,
Когда на невидимых тросах
Повиснет над сонной пучиной
Спасательный круг луны.

Перевел с испанского В. Викторов. Гравюры В. Неклюдова.

Ромео **МУРГА**

ЛЮДИ МОЕГО СЕЛЕНЬЯ

Под синим, высоким и ласковым
небом
Живут молчаливые люди чилийцы.

Сажает ли свеклу,
Пшеницу ли вяжет —
Чилиец пустячного слова не скажет.

Сегодня и завтра все той же дорогой
Идут молчаливые люди чилийцы.

Все та же,
Знакомая с детства картина:
В зеленой оправе
Белеет равнина.

Старинные песни, печальные песни
Поют молчаливые люди чилийцы.

Их грубые руки
Ласкает пшеница,
А солнце целует
Их смуглые лица.
За горсть кукурузы
До боли, до пота
Работа, работа, работа, работа...

Стираются краски,
Сгущаются тени.
Заждались голодные дети в селенье.

К далеким светящимся точкам
окошек
Спешат молчаливые люди чилийцы.

Хуан **НЕГРО**

ВЕСЕЛЫЙ КАБАЛЬЕРО

Хребты далекой сьерры
В сиреневых дымках.
Веселый кабальеро
Примчался на коньках.

Он пылью снеговою
Завьюживает льды,
Стирая за собою
Волнистые следы.

Дробит он на осколки
Морозный воздух гор.
Звенящие иголки
Впиваются в вихор!

Едва ли есть на свете
Еще такой же франт!

Тот кабальеро — ветер,
Веселый ветер Анд!

Он в варежках из пуха
Кудрявых облаков.
Летает, что есть духу,
По синим стеклам льдов.

На нем подарок неба —
Шарф серо-голубой.
И где он только не был!..
Туда бы нам с тобой!

Хребты далекой сьерры
В сиреневых дымках.
Веселый кабальеро
Умчался на коньках.

РАССКАЗ О ТВОЕМ ДРУГЕ

Человеку трудно, человек в большой беде. Он в одиночку ведет бой с тупым, жестоким противником. Вся судьба человека, все, что ему дорого, даже жизнь его зависит от исхода этого поединка. Силы не равны: человеку всего двенадцать, а борьбу он ведет против взрослого. И взрослый этот — родной отец со всей отцовской непреклонной властью, помноженной на грубость, жестокость и религиозный фанатизм.

— Ты подчинишься, или будет плохо,— грозит он дочери.— Запру в чулан! Заморю голодом! Изобью до смерти!

Он выполняет свои страшные угрозы. Девочка не сдается, защищая самое дорогое: свои убеждения, свои мечты, свой красный галстук... Но ей все труднее. Она ведь не может ответить ударом на удар. А кругом, стеной отгораживая ее от светлого мира, такие же непреклонные и жестокие люди, как отец: его единомышленники, единоверцы.

И тут появляется друг. Он вступает в борьбу, и неравный поединок оканчивается победой. Девочка свободна. Она вырвана из рук отца-изувера. Разрушена враждебная стена, и вокруг друзья в таких же красных галстуках, как у нее.

Девочку зовут Эмма. А друг, вставший на ее защиту,— «Пионерская правда».

Это Эмма Гертер смотрит с газетной страницы.

ЗАДУМЫВАЛИСЬ ли вы когда-нибудь, какую силу имеет газета? Острием напечатанного слова она может пригвоздить преступника и вырвать у него жертву, как это было с Эммой. Газета может поднять миллионы ребят на любое хорошее дело.

Много ли может один человек? Но тридцать или сорок человек, объединенных в отряд, уже многое могут. Могут построить спортплощадку, могут восстановить по крупинкам историю жизни героя, могут сыграть в интересную игру. Да мало ли что еще!

Ну, а вообразите не один отряд, а десятки тысяч отрядов, миллионы ребят!

Но как сговориться людям, которые не видят друг друга, живут за сотни, за тысячи километров одни от других?

ЖИЛ-БЫЛ ОТРЯД. Он посадил деревья вдоль дороги. «Пионерская правда» рассказала об этом на своих страницах, и вот по всей стране тысячи отрядов, сотни тысяч ребят стали сажать деревья. Уже миллионы этих деревьев зеленеют вдоль дорог.

А про пионерский орех слыхали? Одно дерево грецкого ореха дает в год двести килограммов плодов и живет двести лет. «Пионерская правда» напечатала письмо ребят школы имени Пушкина. В этой школе ученики посадили по одному ореху. Как будто не много. Но когда следом за пушкинскими все пионеры Крыма сделали то же, получилось сто сорок три тысячи саженцев. Этого достаточно на тысячи гектаров ореховых рощ, которые каждый год будут приносить двадцать восемь тысяч тонн орехов.

Написали в газету ребята с целины, что хотят они разбить цветники и скверы в своих степных, в то время еще лишенных зелени и тени поселках. И в ответ рекой потекли на целину цветочные и древесные семена, собранные ребятами обжитых краев.

ИЗ ГОДА В ГОД поднимает газета в поход участников всесоюзных пионерских экспедиций, и шагают отряды юных по лесам и полям, через горы и степи на разведку природных богатств.

Из года в год красные следопыты открывают новые страницы коллективной летописи о героях Октябрьской революции, гражданской и Отечественной войны.

Из года в год весенними днями развешиваются по деревьям миллионы птичьих домиков, и если каждое лето вырастает в них

Идет разборка утренней почты. Письма не умещаются на столе и горой громоздятся рядом. А днем придут новые!..

хотя бы по птенцу, какое это пополнение в крылатых войсках лесной защиты!

Миллионы!.. За что бы ни взялись миллионы, все приобретает космические масштабы. Даже игра. В турнире смекалистых, проводившемся на страницах «Пионерской правды», приняли участие тысячи отрядов. Редакция получила семьсот тысяч ответов. А значит, тысячи ребят шевелили мозгами, узнавали, искали, читали, расспрашивали, допытывались. Каждый из них стал еще смекалистей и богаче знаниями.

ОТКУДА же у газеты такое могущество, такая способность объединять? Да от вас же самих, ребята! Ведь каждый номер газеты печатается тиражом в семь миллионов экземпляров! Даже взрослые газеты не имеют такого тиража. Из этих семи миллионов каждый экземпляр читается не одним человеком, а несколькими. Вот мы и пришли опять к многомиллионным цифрам.

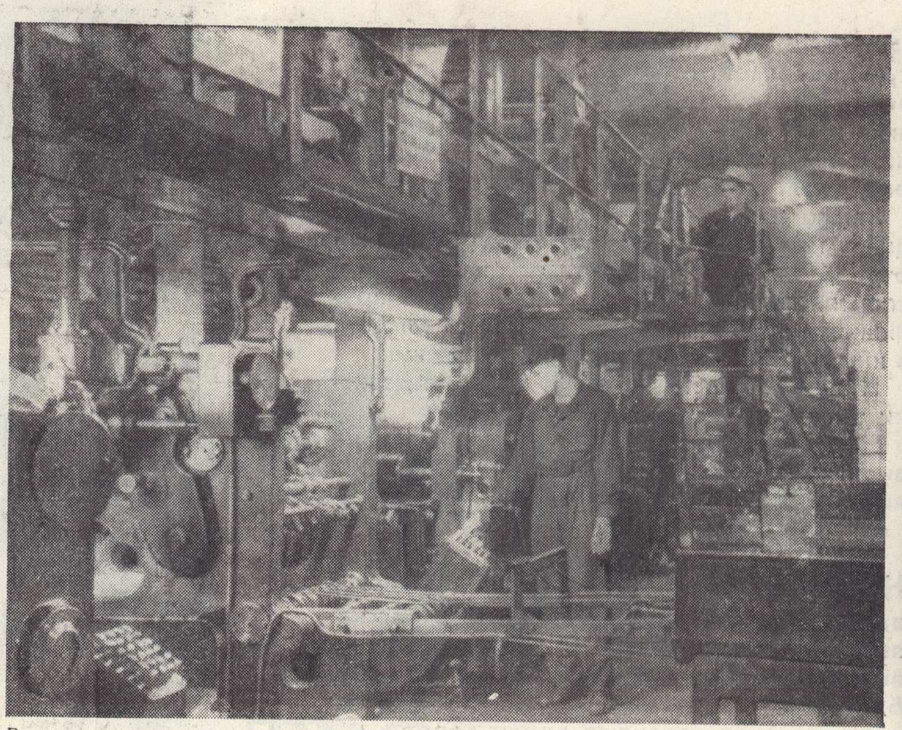
Миллионы читают газету. Миллионы объ-

единяются через газету в одну большую крепкую семью, они обсуждают в газете свои дела, спорят, советуются, делятся опытом.

Ты развернул «Пионерскую правду» и прочел заметку. Она взволновала тебя. А в это время другие мальчики и девочки тоже читают и тоже берутся за перо. Не видя друг друга, вы уже объединены общими чувствами, общими мыслями, общими мечтами.

Каждый день более тысячи писем приносит в редакцию почта.

Понимаете теперь, какая волшебная сила дала десятки тысяч друзей Эмме Гертер? Эта сила — в вашей дружбе, ребята! Но если Эмме от этих писем стало светло и радостно жить на свете, то и сама она своей героической стойкостью помогла другим ребятам. А тут опять спасибо газете за то, что рассказала о подвиге пионерки.

Ротацию не охватишь взглядом: вытянулась на весь зал. «Голова» ушла к потолку, а «ноги» — под полом, на этаж ниже. Там подается краска на валы, там с гигантских рулонов начинает свое течение бумажная река.

«Ты молодец, Эмма! Мы хотим быть такими же»,— писалось в одном письме.

«Ты заставила меня задуматься. Я тоже не буду подчиняться сектантам. Не хочу становиться на колени перед богом»,— писалось в другом.

«Ты мне как сестра. Теперь, когда мне бывает трудно, я смотрю на твой портрет»,— говорило третье письмо...

Газета копит силы в дружбе с читателями и снова отдает им эти силы в правдивых задушевных строках—задорных, горячих, дружеских, которыми наполнены ее страницы.

О ДРУГЕ хочется знать все. И обязательно хочется знать, как он живет, как работает. К другу приятно прийти в гости. Давайте заглянем в большой дом на Сущевской улице. Там на пятом этаже живет «Пионерская правда». А в наборном цехе быстрые машины-линотипы букву за буквой набирают слова и строчки, которые вы прочитаете завтра. В больших цинкографских ваннах с кислотой появляются на гладко отполированных пластинках рисунки и фото, которые вы увидите в газете.

Вот печатный цех. Гигантская ротационная машина, на которой печатается «Пионерская правда», занимает целый зал. «Голова» ее уходит к потолку, и рабочие-печатники поднимаются туда, как на капитанский мостик, по железной лестнице. Но в отличие от корабля лестниц таких у машин десятки.

Течет нескончаемая река белой бумаги. Машина превращает ее в тысячи оттисков газетных страниц, и они придут к вам с советом, с улыбкой, с дружеским словом.

«Пионерка» — ласково называют газету и взрослые и дети. Есть множество людей, которые, начав читать «Пионерку» в свои школьные годы, остаются ее читателями на всю жизнь. Всем первым читателям «Пионерской правды» сейчас не меньше пятидесяти: ведь самой «Пионерке», вашему другу, в этом году и в этом месяце исполняется СОРОК ЛЕТ.

Давайте же все вместе поздравим ее с днем рождения.

Ну-ка!

Приготовились...

Начали...

ПО-ЗДРАВ-ЛЯ-ЕМ!!!

РАССКАЗЫВАЕТ СОТРУДНИК УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

КТО ЖЕ ПРЕДАТЕЛЬ?

Витька по кличке «Цыган» был задержан за кражу из кондитерской палатки в Марьиной Роще. Помимо конфет и шоколада, при обыске в его карманах был обнаружен самодельный самопал.

— Сам сделал,— с гордостью пояснял он.—Было еще два таких. Один продал за трешку Кольке Самохвалову, второй — Юрке, его дружку.

По повестке явился Колька. Самопал отдал. Без долгих разговоров. Но Юрку назвать отказался. Не по-товарищески это.

— Да что я, доносчик, что ли? — горячился Колька.— Вы сыщики, вы и ищите. А я уж про товарища не скажу, не предатель я.

На следующий день Юрка нашелся сам. Он лежал на пустыре. Застывшая струйка крови у небольшого отверстия над глазом говорила, что ни медицинская, ни другая помощь уже не нужна.

Он лежал меж кустов на боку. В метре от Юркиных рук валялась металлическая трубка, вздувшаяся на одном из концов. Рядом пустой коробок из-под спичек.

— Несчастный случай,— заключил судебно-медицинский эксперт.— Взорвался самопал.

Юрка был единственным сыном. Когда я пришел к родителям, среди других людей я увидел и Кольку Самохвалова. Растерянность и немая просьба не говорить о нем, о разговоре, что был всего несколько часов тому назад, были в его глазах. Я понял его.

А вот другая история. Каждое утро два друга, школьных товарища, получали от родителей деньги. Петька — двадцать копеек на завтрак, Сергей — сорок копеек на обед. (Дома он обедать не мог: мать с работы приходила поздно.)

И вот с Петькой случилась беда. Хулиганы, что бывали в школьном дворе, узнали откуда-то, что у парня появились деньжата. По дороге в школу они встречали Петьку и отбирали деньги. Остаться без завтрака было трудно. Петька терпел и наконец не выдержал такой несправедливости. На что же, думаете, он решился? Постоять за себя как следует? Подраться с хулиганами? Наконец, рассказать товарищам или родителям?

Нет. Он решился... рассказать хулиганам, что в карманах у Сергея денег больше. Целых сорок копеек! И отнимать им у него выгоднее. В общем, вошел в «пай» с хулиганами. Рассказал! И вот началось! Что ни день, Сергей оставался без обеда, худел, бледнел. Петька издали наблюдал, хотя и виду не подавал, что ему хорошо известно, в чем дело. Волновался, конечно, за товарища. Совесть заела. Стал приносить из дома для Сергея бутерброды.

Чай с бутербродом — все-таки подмога. Не пропадать товарищу все-таки! Но Петька не мог не понимать, что вина его от этого не меньше.

Вот две истории. Бывают же такие! В двух историях — отношения двух товарищей.

«Герою» моей первой истории было труднее, чем «герою» второй: не так легко рассказать про товарища. Было время, и я сам был мальчишкой и хорошо помню, как попадало доносчикам. Не любили мы их тогда, не любим мы их и сейчас. Но беда в том, что этим обидным словом ребята часто называют тех, кто имеет мужество не молчать и этим спасти товарища.

Куда более справедливым было бы назвать этим обидным словом «героя» второй истории, Петьку, который рассказал о сорока копейках, имевшихся у его друга.

Настоящий товарищ молчит, когда это действительно нужно для друга. А бывает, молчание другу только вредит.

Колька Самохвалов своим молчанием убил своего друга. Разве молчание, которое приводит к гибели друга, похвально?

Разве это молчание признак товарищества?

Ведь настоящее мужество заключается в том, чтобы не бояться чужого мнения, а действовать так, как подсказывает совесть.

Подполковник милиции **В. ЧВАНОВ**

Н. НИКОНОВ
Рисунки Е. Расторгуева.

СТЕКЛЯННАЯ

Непонятный человек ювелир Федор Иванович. Одутловатый, насупленный, он донельзя молчалив и угрюмо суров. Среди ювелиров и гранильщиков слободы Насонов считается одним из лучших. Ему дают самую сложную работу, и с рассвета до ночи можно видеть его у окошка, как он паяет, клепает, подпиливает. Летом дверь в комнатушку не затворяется, и я с порога тихонько слежу за Федориванычевой работой. Потом, осмелев, я перебираюсь в угол на сундук и там сижу, заколдованный, завороженный его удивительным делом.

Смотреть, как работают люди, всегда интересно. Чинят ли бесконечно братья Михеевы огромный американский мотоцикл «Индиана», или кривой, похожий на старого петуха плотник Зыков (всегда с плоским карандашом за ухом, с желтеньким складным метром в кармане спецовки) строгает на своем верстаке, копают ли ямы рабочие, выбрасывая сырую оранжевую глину...

Работа Федора Иваныча напоминала все работы вместе. Вот он тянет и вальцует серебряную проволоку. Кует на маленькой наковальне игрушечным молоточком. Плавит на углях блестящие кольца.

Лицо Насонова с красными бровями, переспелой клубникой носа и прокуренными усами тоже немо молчит. Меня ста-

ВЕСНА

рик словно не замечает. Взглянет исподлобья сквозь проволочную оправу очков и снова пилит, плавит, дует на пышущий пламенем уголь через изогнутую на конце фефку.

А на верстаке одна за другой появляются серьги с фиолетовыми аметистами. Тихим огоньком лучатся топазы. Желтым костром горят граненые камушки. Временами Федор Иванович, точно как художник, откидывается назад, воздев брови и очки, смотрит на серьгу, поворачивает в желтых пальцах и, наконец, тихонько кладет на место. Он шарит в карманах ватных, лаковых от копоти штанов, достает кисет и, скрутив газетную цигарку, наподдав в нее табачку, сладко затягивается. И кашляет, кашляет, кашляет.

В комнате Федора Ивановича низко. Окна выходят в огород. Крепко стоит запах махорки, кислот, ламповой копоти. Убранство комнаты простое: справа от входа, у окна, верстак, стул с кошмой, по стенам рядами заткнуты за ремни щипчики, напильники, ножовки, пилы, широкие, в ладонь, и узкие, как струна. Там же сверла, дрели, долота. На окне пузырь с голубой водой. По верстаку фефки, куски угля, керосиновые жестяные паяльники один другого меньше. В треть комнаты русская печь с неметеной сорной лежанкой. Там спит грязная белая кошка Липа. Занавески с цветочками, полки с кастрюлями, сундук в углу, стол в простенке и железная кровать с тремя подушками в ситцевых наволочках—вот все, что есть у Насонова и его старухи Лизаньки. Детей у них нет и не было. Никто к ним не ходит. И целые дни Лизанька чего-нибудь стряпает или ворожит в засаленные карты. А Федор Иваныч молчит за верстаком, только кашляет долго и смешно: эхе-хе, эхе... хе, эхе... хе,— так сто раз подряд.

Смотреть, как работает старик, я прибегал каждый день. Временами мне начинало казаться, что я уже чему-то научился. Вот, например, я и сам бы мог отшлифовать то некрасивое пока, черное и закоптелое кольцо, чтоб стало оно больно блестящим, бросающим солнечные зайчики по стенам. Я мог бы вставлять камушки с серебряным переливом в золоченую оправу и загибать тоненьким молоточком боковые зубенки держала. Мог бы взять тусклую яшмовую досочку, совсем некрасивую, и отполировать ее до зеркального глянца, когда в полную красоту проступит неповторимый рисунок камня. Мог бы... Однако, помня позорный провал с красками, я сердился сам на себя.

В руках Федора Иваныча все получалось легко и просто. Иногда я замечал, что старик словно бы внимательнее поглядывает на меня из-под очков. Но говорить он по-прежнему ничего не говорил. Он и со старухой своей объяснялся почти как немой.

Так было до тех пор, пока Федор Иваныч не запивал. Случалось это не часто, зато основательно. Обычно запой приходил после большой получки. Утром Насонов завязывал в ситцевый платок «сдачу», надевал рыжую кепку, брал свою железную тросточку и уходил.

А где-то в середине дня на улице раздавалась песня. Песня приближалась, и, распахнув калитку, старик издалека кричал на весь двор пропитым голосом:

— Ализанька... Цыпонька... Домо-о-ой!

Лизанька, сидевшая на лавочке с другими ветхими неудельными старухами, послушно ковыляла в сени. И начиналось пьянство.

Пьяный Насонов был необыкновенно разговорчив. Он приставал ко всем во дворе, рассказывал разные истории, хвастал. А то плакал, сидя на пороге, грозил Лизаньке рыжим кулаком.

Само собой ясно, что в такие дни я не ходил к Федору Иванычу, скучал и с нетерпением дожидался, когда же кончится запой.

Взрослые удивляли меня. Зачем они пьют водку? Она же такая противная, мерзкая. Ну, если б хоть как фруктовая вода... Пьют для веселья? Но от веселья не плачут... Может, Федор Иваныч напивается оттого, что нет у него детей, тогда почему еще пуще пьянствует сапожник Пашков: у него детей-то целых шестеро...

Наконец, пропив все, что можно, пожалуй, еще более одутловатый и суровый, старик филином сидел на лавке во дворе, казалось, безумный и безучастный ко всему, и нещадно смолил махорку. Это означало конец запоя.

Однажды, когда я проходил мимо, Насонов вдруг остановил меня.

— Ты пощщему ххдишь ко мне? А?

— Интересно...

— Правда?

— ...

— Я сам вижу. Ты... ходи. Хощщешь, я тебе всему ннаущу... А?

— Хочу.

— Вот и ходи. Всее тебе покажу. У тебя знаешь, что есть... Неет, брат, не знаешь ты еще. Нничего-о не знаешь. А вот я знаю. Да. Взгляд у тебя есть... Понял?

— Нет.

— И не поймешь пока. Взгляд—это многого... Да...

Я молчал, несколько даже напуганный и удивленный его речью. Никогда он со мной не говорил, а тут какой-то взгляд! Почему взгляд? Спьяну это он, должно быть. Я не любил и боялся пьяных.

А Насонов продолжал:

— Я все-е знаю... Да... Семьдесят первый год землю топщу. Вот, какая нонче весна? Какая весна, спрашиваю... А?

— Хорошая.

— Нет. Худая нонче весна... Стеклянная... И снег будет и дождь... Да...

Какой снег?! В мае-то! Стоял светлый, безветренный вечер. Небо на закате спокойно-розово. На тополях расхохлатились почки. Малиновка, дрожа хвостиком, пела на коньке сарая. И почему весна стеклянная? Этого я совсем не мог понять, робко спросил:

— Федор Иваныч, как это стеклянная? Почему?

— Пощщему? А потому что нет ей настоящей цены. Понял?

Я снова ничего не понял, но промолчал.

Федор Иваныч тяжело встал, плюнул на цигарку и засеменил домой своей стариковской иноходью.

Я сел на лавочку, так и сяк прикидывая слово «стеклянная» в приложении к весне. Все-таки оно ничего не объясняло. Было известно только, что стекло у ювелиров не ценится, хоть его и часто берут в поделки, мешают с топазами, крашеное «рубиновое» ставят в дешевые перстни и серьги. Но к чему тут весна? Была та весна теплая, ранняя. Рано согнало снег. В конце марта просохли дорожки. Побелели камнем городские мостовые. Скворцы

тоже не опоздали. Трава на пустыре проклюнулась вовремя.

Я снова поглядел на небо. Закат был чист. Лишь одно узкое облако, точно белое разлохмаченное перо, протянуло острие на синеющий север. Большая звезда мигала там.

И разве станет малиновка петь к ненастью? А она продолжала свою грустную песенку теперь уж прямо возле меня, на выступающей повыше доске забора. Где-то малиновка будет гнездиться нынче? Каждое лето мы искали ее гнездо. Не для того, чтобы зорить. Нет. Но было страшно интересно взглянуть на нежно-голубые яички, лежащие грудкой средь соломинок, перьев и травинок в гнилой выемке бревна под застрехой. Было в них что-то милое и волшебное.

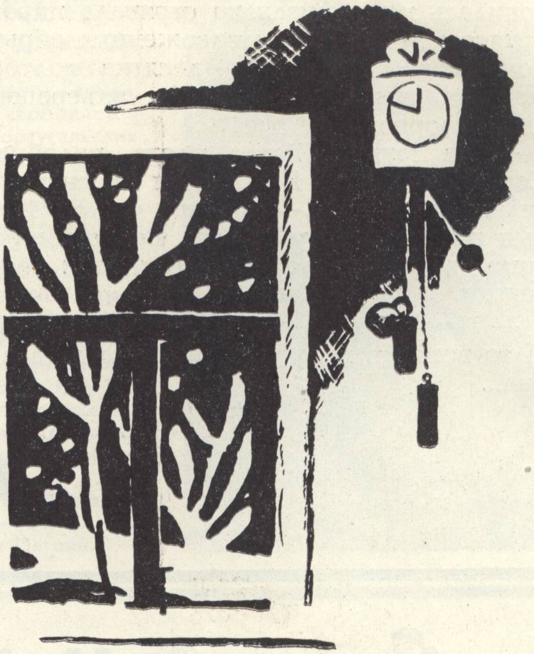
Долго я сидел на лавке и спать поплелся лишь после того, как меня в двадцатый раз пообещали выпороть, «как сидорову козу». Кто был тот Сидор, что за бедная его коза, мне неизвестно, а обещание такое я слышу каждый день.

...Ночью пробудили стук и шорохи. Прислушался. По стене шуршал, царапался дождь. Ветер с маху бросался в рамы. Брякало железо на кровле, словно кто-то ходил там редкими шагами. Я слез с кровати и откинул штору. В мутной тьме сыпал снег вперемешку с дождем. Качался фонарь на уличном столбе. Перед ним беспрерывно и косо летели снежинки.

Снег. Все было так неожиданно, что, уже лежа под одеялом, я не мог заснуть, с тревогой думал о скворцах и о той малиновке, у которой уже может быть гнездо. А ласточки? Как же будут ласточки? Ведь они ловят букашек только в воздухе.

Наутро была полная зима. На четверть, как сказала бабушка, выпал снег. Зябкий ветер задувал с севера. Деревья, покрытые замерзшим дождем, обратились в ледяные. Удивительный стоял сад Сычова — весь в ледяной коре, в сосульках, блестящий и холодный. Вот она, «стеклянная весна», с уважением вспомнил я слова Насонова. Сад и впрямь позванивал, как стеклянный.

Я бесцельно бродил по снегу. Следом ходила собака. Она радовалась снегу и то принималась кататься, ерзать спиной, подняв лапы кверху, то поддевала снег на морду, лукаво глядела, приглашая подурачиться.

К вечеру не стало теплее. Снег повалил с новой силой. Бабушка говорила, что так же было сорок лет назад.

И новое утро было не лучше. Метель. Ветер. Холод. Я готов был плакать и грозил ветру кулаком. Не стало скворцов на моем скворечнике. Малиновку я видел под навесом. Она бегала по земле, прыгала по ящикам. Я набросал ей крошек, но птичка даже не поглядела на них. А под вечер я вытянул из снега за крыло мертвую ласточку. Она уже твердо закоченела, один глазок прижмурился, другой мертво глядел на меня. Ласточка... Я всегда ждал их прилета. Радовался, когда долгохвостые, говорливые птички вдруг появлялись прямо из неба на проволоках телеграфного столба. И вот ласточка погибла. Наверное, и остальные тоже. Их было четыре.

Я погладил птичку по спине, попробовал посадить на палец, подышал, слабо надеясь, что она как-нибудь оживет. Ничего не получалось. Птичка по-прежнему тускло глядела одним глазком, и так же были взъерошены красноватые перышки на ее горле.

В это время отворились сени у Федора Иваныча. Старик с порога замахал рукой.

— Зайди! — сказал Насонов.

Наверное, он в первый раз говорил со мной трезвый.

Я переступил порог. В комнате жарко топилась печь. Лизанька стряпала пироги с мясом. А на печи, отгороженные обрывком рыбачьей мережи, десятка полтора мокрых, черно-глянцевых и взъерошенных скворцов.

— На пруду... Возле плота подобрал. Совсем озябли... Пурхаются в снегу, а силы лететь нету,— говорил Федор Иваныч и незнакомо улыбался. Вечно хмурое лицо его оттеплело и стало совсем непохожим.

— Чем кормить-то? Им червяков подай. И то всех им вытряс. На леща заготавливал...

— Они хлеб едят и кашу. Можно в молоке хлеба намочить,— посоветовал я.

— Ну, это устроим... Главное, чтоб... Цыц, проклятая! — топнул он на кошку, которая тихо-тихо пошла к приступку, не сводя алчных глаз с печи.

— Унеси-ко ее хоть к Кипиным. Наделает она мне делов,— сказал Федор Иваныч.

Снег стаял лишь на пятый день. Пар закурился над землей. Вернулись мои скворцы. И малиновка уцелела. Через неделю снова чисто звучал ее малиновый голосок. Только ласточки не воротились...

Мама защищала Ленинград

Моя мама — ленинградка, и вся ее родня — ленинградцы, а мамин отец был на передовой на защите Ленинграда. Всю войну и в ленинградскую блокаду (маме, когда началась блокада, было четырнадцать лет) мама работала у станка. Я горжусь своей мамой. Мама мне рассказывала о блокаде Ленинграда и о том, как в блокаду умер ее дедушка. Мама мне рассказывала, как у нее примерзала рука к станку, а ноги тоже примерзали к валенкам. Она придет домой, дедушка с бабушкой помогают отдирать валенки с ног. Было очень плохо с хлебом, но врага в Ленинград не пустили.

Я горжусь своей мамой.

Надя Березина,
г. Ленинград.

Люблю свой таежный поселок

Дорогая редакция!

В вашем журнале № 11 напечатана легенда о гордой красавице из деревни Эртацлинда.

Красивая девушка из Эртацлинды ради того, чтобы не расстаться со своей родиной, уговорила доброго духа превратить ее в дерево.

МАЛЬЧИК ИЗ КОНАКРИ

У этого снимка интересная история. Его принес к нам в редакцию Михаил Маркович Максимов, вернувшийся из Гвинеи, где советские геологи недавно нашли богатые месторождения алмазов: настоящие кимберлитовые трубки, которые на земном шаре наперечет!

Однажды в нестерпимо жаркий день Михаил Маркович отправился на берег океана, любимое место купания всех жителей Конакри, столицы Гвинеи. И вдруг к нему подбежал мальчуган, темноглазый, темнокожий, с ослепительной улыбкой. Он взял его за руку, потянул к воде и неожиданно сказал по-русски: «Пошел купаться!» Так началась дружба с Патриком.

Патрику пять лет. И он, наверное, единственный из всех своих сверстников, гвинейских мальчишек, умеет говорить по-русски.

Он живет в одном доме с советскими геологами. Его отец и мать родом из той части Гвинеи, которая еще не стала свободной и находится под игом португальских фашистов. Патрик редко их видит, потому что они партизаны и в лесах Португальской Гвинеи сражаются за освобождение своего народа.

Патрик часто выручает наших геологов. Если нет под рукой переводчика, ищут Патрика. Однажды позвали советского врача к больному гвинейцу. Если бы не Патрик, врач так и не понял бы, что у него болит. А уж если русским друзьям нужно делать покупки, Патрик всегда тут как тут добровольным переводчиком.

Приехать в Советский Союз и учиться на моряка — вот о чем больше всего мечтает Патрик.

Я прочитала эту легенду и вот что хочу сказать.

Наш поселок небольшой, он стоит в тайге. У нас очень красивые места, каких нет нигде. Я родилась здесь. И если я куда-нибудь уеду, то я тоже никогда не забуду наш поселок.

Аля Христина,
поселок Копыловка, Томская область.

Волк и мы

Пошли мы вчера с Ниной Васильевной в Убаган, в центральную школу, хотели вызвать их на соревнование: у них восьмилетняя школа, а у нас школа маленькая, в нашем отряде восемь пионеров.

До половины дороги дошли (идти семь километров), нас встретил волк, честное слово, большой-большой. Я подумал, что собака, и говорю: «Нина Васильевна, собака...» А Нина Васильевна, как увидела, остановилась. И я тоже. «Юра,— говорит,— не вздумай бежать, хуже будет».

А сама стоит бледная, губы сжатые, смотрит на волка, как на фашиста, готовая сейчас же вступить с ним в бой. Она не боится, и мне не страшно. Я не боюсь, и ей тоже не страшно. В трудную минуту нельзя бросать друга; и мы не струсили перед волком. Волк стоит, наверно, метрах в пятнадцати. Кругом ни души. У нас ни палки, ни камня, кругом степь, покрытая снегом, и нас трое: мы с Ниной Васильевной и волк.

«Юра,— как на уроке говорит Нина Васильевна,— давай будем наступать на волка, только не бойся и иди чуть позади меня, не надо бояться. Пошли!»

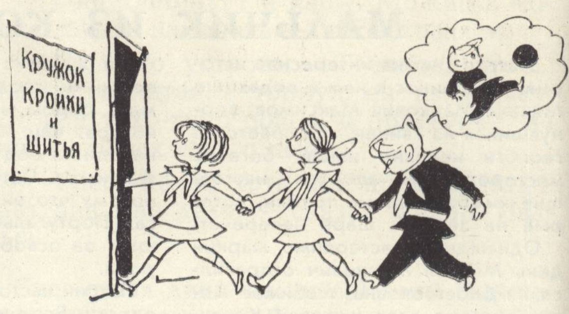
Мы пошли, а волк стоит. Волк «р-р-р!» на нас, а Нина Васильевна передразнила его и все идет прямо на него. Испугался он и не захотел связываться с нами, побежал потихоньку.

Нам стало смешно, мы стали кричать ему вслед и свистеть. Он взял и остановился. Ждет нас. Потом он побежал в сторону и скоро скрылся. Дошли мы до центральной усадьбы. К нам в поселок трактор идет; мы сели на него и уехали. А в школу так и не сходили: Нина Васильевна за меня боялась и повезла меня домой.

Юра Горохов
Каракамышская школа,
Кустанайская область.

Вожатый Сима СОЛОВЬЕВ
Рисунки Ю. Черепанова.

Я и мы

Ты никогда не считал, скольких людей ты знаешь? Семья, родные, знакомые, дом, двор, улица, класс, школа, соседняя школа... Наверно, несколько сотен человек, если ты живешь в городе! С одними у тебя отношения простые — «Здравствуйте!», «Будьте здоровы!», с другими—гораздо более сложные. Но все они — и близкие, и далекие, и совсем незнакомые тебе люди — как-то входят в твою жизнь.

Песню «Пусть всегда будет солнце» поют все. Особенно нравятся строчки ее припева:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я.

Но вот — странное дело! — с тех пор, как песня эта распространилась, в редакции газет время от времени стали поступать гневные письма такого примерно содержания: «Почему разрешают петь эту песню? Что значит «Пусть всегда буду я»? Это же проповедь эгоизма! «Пусть всегда будем мы»— вот как надо петь!»

Кажется, такие письма не случайны.

У нас так привыкли говорить «мы», «коллектив», «интересы коллектива», что подчас начинает казаться, будто слово «я» и вправду чуть ли не запретное, стыдное, и вообще я, взятый отдельно от товарищей, сам по себе, никого не интересую, не имею никакого значения.

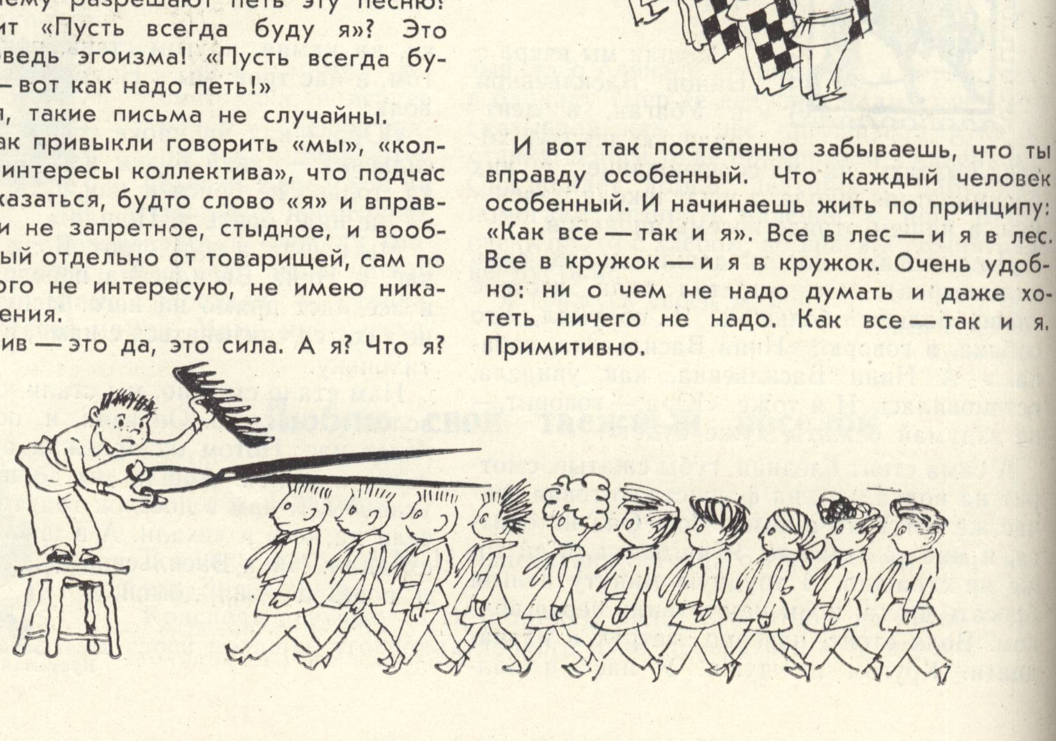
Коллектив — это да, это сила. А я? Что я?

...Человек учится музыке, тратит на это очень много времени, работает до одурения. Его ругают за то, что не пришел на субботник. «Да я же не мог, у меня был урок в музыкальной школе...» «Подумаешь, урок у него!» — отвечают горемыке...

Все отправились в кино, а мне не хочется в кино... Начинают говорить: «Отрывается от коллектива». «Ты что, особенный, что ли?»

И вот так постепенно забываешь, что ты вправду особенный. Что каждый человек особенный. И начинаешь жить по принципу: «Как все — так и я». Все в лес — и я в лес. Все в кружок — и я в кружок. Очень удобно: ни о чем не надо думать и даже хотеть ничего не надо. Как все — так и я. Примитивно.

Но как же так? Ведь люди для того и объединяются в коллектив, ну, скажем, в пионерский отряд, чтобы было хорошо жить всем, каждому, мне. Иначе зачем он нужен? Не для того ли, чтобы каждый из нас стал ярким, необыкновенным, не похожим на других? Эта непохожесть — самое дорогое в людях; ужасающе скучной стала бы жизнь, если бы все были одинаковы.

Мы говорим: «Человек... Это великолепно!.. Это звучит гордо!» Мы гордимся тем, что человек расщепил атомное ядро, поднялся в космос, построил огромные электростанции, может повернуть реки вспять.

Но при этом слово «человек» иногда воспринимается отвлеченно. Вообще человек... Но я же сам не строил электростанции и в космос не поднимался. Так что же, может, эта гордость за человека ко мне лично не относится?

Нет, каждого уважают не только за подвиги его, которые он совершил или собирается совершить, а уже за одно то, что он человек, за человеческие его качества. Недаром когда хотят сказать о ком-нибудь самое хорошее, то говорят: «Да, это человек». И какая похвала может быть выше?

Герой, совершивший немыслимое, и пятилетний мальчуган, ничего в жизни не сделавший, заслуженный рабочий и простой школьник со всеми его тройками и двойками — каждого из них мы уважаем. Перед нами человек.

Один мальчишка из Казани, Рустем Хабибуллин, сказал мне как-то:

— Если не научишься уважать себя, не будешь уважать других.

Глубокая, интересная мысль.

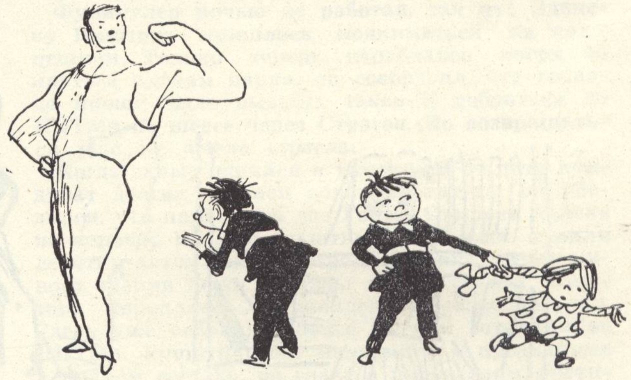
Как-то привели меня дела в кабинет одного начальника шахты. Заходили рабочие с разными просьбами. Начальник шахты и головы не поднимал и сесть не предлагал им, буркнет что-то себе под нос: «Входи! Следующий!» Но вот «следующим» оказался не рабочий, а главный инженер того комбината, в который входит шахта. Что стало с начальником шахты! На моих глазах произошло потрясающее превращение. Он вскочил, выбежал из-за стола, весь изогнулся, залебезил, даже заикаться стал.

Смотреть было противно. Никакого достоинства у человека! И сразу стало понятно, почему это он так по-хамски обращался с подчиненными ему рабочими.

Тот, кто способен унижаться, обязательно при случае унизит и другого. Кто не уважает себя — никого не уважает.

...Мы с тобой совершенно не знаем друг друга. Наш разговор и во времени разорван. Сейчас, когда я пишу, серый рассвет августовского дождливого дня. Полчаса назад пришлось погасить лампочку: свет из окна пробился сквозь задернутую на ночь штору, первая птица защелкала на высоком тополе у нашего дома. И первый автобус прошумел в переулке. И только что вздрогнул я оттого, что внезапно зазвучали в давнишней ночной тишине радиопозывные... Шесть утра. А когда ты будешь читать эти строчки, возможно, будет зима, вечер, совсем темно, и только эти странички будут высвечены настольной лампой... Мы с тобой разделены расстоянием, временем, «незнакомством» нашим. Казалось бы, каждый сам по себе. Но нет. Мы прочно связаны друг с другом невидимыми связями. Ты и я. Ты, я, твой отец, моя мать, твои и мои товарищи, неизвестные встречные на улице и совсем незнакомые, чужие люди в других странах, на других континентах...

Кажется, мы с тобой капельки в океане человечества... Но это сравнение неверно.

Человек не капля и не винтик. Потому что все люди на земле — сколько их есть и сколько их было — своими жизнями входят в твою и в мою жизнь. Мыслями, книгами, открытиями, разочарованиями, счастьем, бедами, войнами, миром, любовью, трудом... Это все — твое и мое, и это — то, что объединяет нас с тобой, совсем незнакомых, и делает тебя и меня не просто «винтиком», а чем-то очень значительным.

Прекрасно это сказано:

«Пусть всегда буду я!»

И не только в том смысле, что я не желаю умирать от атомной бомбы, что я хотел бы жить вечно. Нет, и в более широком значении этих слов — пусть во всем буду я, пусть буду большой, значительный для себя и для других человек.

МУРАВЬИНЫЙ ЦАРЬ

Научно-фантастический рассказ

Александр ЛОММ

Рисунки Г. Филипповского.

(Продолжение.)

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК ИЗ ПИТМа

В половине третьего раздался телефонный звонок. Пиштора вздрогнул, как от удара. Но все же поднялся с пола и взял трубку.

— Пиштора слушает...

— Алло, это ты, Зденек? Здравствуй, друг! Прости, что разбудил среди ночи. Это говорит Гонза Сташек из ПИТМа!..

— Здравствуй, Гонза...— еле выговорил Пиштора и, почувствовав сильное головокружение, присел на стул.

— Алло, алло! Ты меня слышишь, Зденек? Ты что, еще не проснулся?!.— надрываясь, трещала трубка в самое ухо.

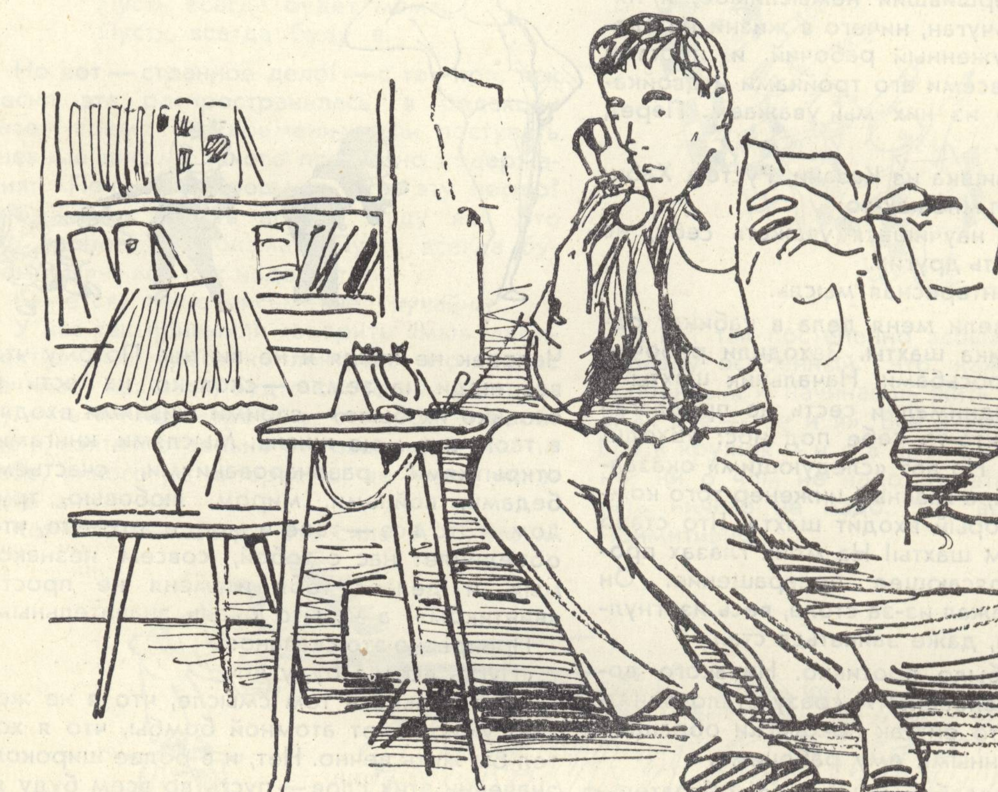
— Я слышу тебя, Гонза. Хорошо слышу. Я не спал еще. Голова что-то болит...

— Голова? Это хорошо! Умная голова всегда должна болеть! Только пустая никогда не болит!.. Но шутки в сторону. Завтра будут испытания твоей мурашки. Мне поручено приготовить звукозапись ее передатчиков. Я тут кое-что придумал, но мне нужен техмин № 386955! Это, как тебе известно, магнитофон два на три с половиной микрона! Но вот беда: в микротеке его нет почему-то! Ты не знаешь, где он?

— Кто?!.

— Да не кто, а что! Проснись ты, ради бога! Техмин мне нужен, техмин № 386955. Ты не знаешь, где он может быть?

— Ах, ты вон о чем!.. Нет, не знаю. Понятия не имею. Я, правда, брал его месяц назад, но вернул обратно в микротеку. Он должен быть там, Гонза.

— Мало ли что должен быть! Я ведь еще не ослеп! Раз говорю нет, значит, нет!

— Ну так возьми на складе другой. Два на три с половиной микрона — таких у нас пятьсот двадцать штук на складе!

— Это я и сам знаю. Но что старик скажет? Он не любит, когда без его ведома берут со склада...

— Ничего, я ему утром объясню. Возьми на складе и спокойно продолжай работу.

— Ладно, возьму, с твоего ведома и согласия!..

— Хорошо, хорошо...

— Ну пока, Зденек! Прими снотворное и спи! Спокойной ночи!

— Будь здоров, Гонза!..

Пиштора медленно опустил трубку на рычаг и устало снял очки. Им овладело тупое безразличие.

ВТОРОЙ ЗВОНОК ИЗ ПИТМа

Желание уснуть, забыться было непреодолимым, но Пиштора не двигался с места, продолжая сидеть на стуле у разгромленного письменного стола. Заниматься дальнейшими поисками не было ни малейшего желания.

Голова Пишторы опускается на грудь, руки бессильно повисают вдоль тела. Спать, надо спать...

Но тут снова раздается резкий звонок телефона. Первый, второй, третий, четвертый... Пиштора медленно поднимает голову и тупо смотрит на телефон. Тот продолжает настойчиво звонить. Ничего не поделаешь, надо взять трубку.

Поборов свинцовую сонливость, несчастный кандидат в конце концов отозвался:

— Алло! Пиштора слушает...

— Боже мой, Зденек, ну как же можно так крепко спать?!. Это опять я, Гонза Сташек!

— Что там у тебя опять?

— Беда, Зденек! Страшная, непоправимая беда! Приезжай немедленно в ПИТМ! Немедленно! Слышишь!..

— Слышу... Но что, собственно, случилось? Чего ты, Гонза, паникуешь среди ночи?

— У меня и язык-то не поворачивается сказать! Приезжай сюда, узнаешь!

Голос Гонзы Сташека в телефонной трубке пронизан серьезным волнением. Но Пиштора уже устал волноваться. Он сказал раздраженно и резко:

— Никуда я не поеду! Говори, в чем дело, или я положу трубку и пойду спать!

— Ну, хорошо, хорошо! Слушай! Да держись там за что-нибудь покрепче, чтобы не упасть! Новость просто сногсшибательная! Сегодня ночью неизвестные грабители похитили из ПИТМа техмины все до одного, не исключая и твоего кибероформика! Понимаешь?! Решительно все техмины украдены! Склад пуст, микротека пуста, сейф твоего кибероформика тоже пуст!

Сонливость Пишторы как рукой сняло.

— Что ты мелешь?! — заорал он в трубку.— У нас на складе двадцать пять миллионов техминов да в микротеке три миллиона с лишним! Быть того не может, чтобы их все разом украли! Это дичь какая-то. Ты пьян, Гонза, или серьезно болен!

— Спокойно, Зденек, спокойно! Я не пьян и не болен. То, что случилось, невероятно, но факт. Да, все двадцать восемь миллионов техминов и твой кибероформик исчезли из ПИТМа самым загадочным образом, словно испарились. Это-то и есть самое потрясающее: испарились!

— Хорошо, Гонза, я еду!

Пиштора положил трубку и с минуту сидел неподвижно. Откуда-то изнутри в нем поднималась странная радость: ограбление ПИТМа снимет с него ответственность за сбежавшего кибероформика! Но радость была кратковременной. Он даже содрогнулся от отвращения к самому себе: «До чего дошел!» И тут же нахлынула жуткая тревога: неужели между бегством кибероформика и ограблением ПИТМа есть какая-то связь?!

Пиштора вскочил и бросился в переднюю. Подхватив плащ и шляпу, он выбежал из дому и помчался по ночным улицам Праги к институту технических миниатюр.

ДОГАДКА КРАЧМЕРА

Пятиэтажное здание ПИТМа стояло на Петршинском холме, на том месте, где когда-то находилась небольшая обсерватория. Неподалеку от ПИТМа высилась старинная башня из железных ферм, на которую любили подниматься туристы, чтобы с ее шестидесятиметровой высоты, удесятеренной высотой самого холма, обозревать чарующую панораму Златой Праги. Вокруг башни и ПИТМа, а также по всему довольно крутому склону холма простирались густые заросли великолепного парка.

Фуникулер ночью не работал, так что Зденеку Пишторе пришлось подниматься на холм пешком. Только теперь, карабкаясь вверх по крутым аллеям парка, он сообразил, что гораздо проще было вызвать такси и добраться до ПИТМа по шоссе через Страгов. Но возвращаться уже не имело смысла.

Когда запыхавшийся и взмокший от пота кандидат достиг наконец ворот института, он убедился, что прибыл на зов Гонзы Сташека далеко не первый. Во дворе плотными рядами стояли десятки автомашин, а огромные окна пятиэтажного здания были озарены ярким светом. Пиштора торопливо направился в актовый зал. Здесь уже собралось более тысячи сотрудников ПИТМа. Ученый совет находился в президиуме в полном составе, во главе с директором института.

На трибуне стоял профессор Крачмер, бледный и мрачный более чем обычно, с опустившимися книзу усами. Он, по-видимому, только что начал говорить. В зале царила напряженная тишина.

На Пиштору никто не обратил внимания. Он пошарил глазами по залу, пытаясь разыскать Гонзу Сташека, но народу было слишком много. Тогда он, никем не замеченный, присел в заднем ряду и стал слушать. Ему крайне необходимо было отдышаться, прийти немного в себя и собраться с мыслями.

Между тем по залу разносился скрипучий голос профессора Крачмера:

— Я считаю, товарищи, что кибероформик не похищен! Да, да, его не украли, потому что он не мог быть украден! Кибероформик, товарищи, сбежал от нас! Никакие замки, никакие сейфы для него не могли быть серьезным препятствием. Вспомните, товарищи, что в него была заложена способность действовать по собственному усмотрению в любых условиях! Он сбежал в первую же ночь после своего создания

и полного отрегулирования и при побеге похитил все остальные техмины! Как он смог один совершить это грандиозное ограбление и один ли он совершил его, этого мы пока не знаем. Но не это сейчас главное. Главное, что кибероформик сбежал и тут же совершил первый враждебный людям акт! Мы должны теперь не искать сбежавшего кибероформика, потому что мы все равно не найдем его, а все силы бросить на борьбу с ним. Кибероформик, товарищи, оказался первым звеном страшной цепной реакции бунта машин. Бунт свершился, товарищи! Теперь все зависит от нашей оперативности и изобретательности. Сумеем мы пресечь в зародыше вспыхнувшую цепную реакцию бунта или не сумеем. Если сумеем, товарищи, то впредь это научит нас осторожнее обращаться с кибернетикой. А если не сумеем, то это будет закат человеческой цивилизации на нашей планете!

НЕ ДАЛИ ВЫСКАЗАТЬСЯ

Закончив свою странную речь, профессор Крачмер сошел с трибуны и сел на свое место в президиуме. В зале поднялся невообразимый шум. Сотни человек заговорили все разом, размахивали руками, спорили, кричали, возмущались.

Наконец страсти поутихли, и директор получил возможность говорить.

— Я понимаю, товарищи,— начал он прерывающимся от волнения голосом,— что мнение, высказанное уважаемым профессором Крачмером, противоречит вашим убеждениям. Однако перед лицом совершившегося мы должны более серьезно и внимательно отнестись к его словам. Но прежде чем открывать прения, я хотел бы услышать мнение изобретателя кибероформика, товарища Пишторы!

— Товарищ Пиштора! Зденек! Пиштора! Пиштора! Пиштора! Где Пиштора?! Позовите Пиштору!!! — зашумело по рядам огромного зала.

— Здесь я! Здесь! — слабым голосом отозвался Зденек Пиштора и, поднявшись, медленно пошел по проходу между креслами к трибуне.

Все притихли. Он шел с опущенной головой, весь какой-то придавленный, жалкий и несчастный. Он шел, чтобы рассказать товарищам всю правду. Он шел признаваться в своем ужасном преступлении. Так он решил, когда слушал речь Крачмера.

Но на сей раз Пишторе высказаться не пришлось. В президиуме, пройдя через задние двери, появился грузный человек в форме полковника милиции. Он наклонился к директору и что-то тихо сказал. Директор тотчас же поднялся и объявил:

— Товарищи! Мнение товарища Пишторы мы заслушаем несколько позже. Извините за беспокойство, товарищ кандидат! А теперь представитель уголовного розыска хочет сделать краткое сообщение...

Пиштора облегченно перевел дух (отсрочка ведь!) и быстрым шагом вернулся на свое место. На трибуну взошел полковник милиции.

ВОРЫ ПОЙМАНЫ С ПОЛИЧНЫМ

Полковник начал свое выступление тем, что подарил залу широченную добрую улыбку. Это сразу разрядило напряженную атмосферу. По рядам кресел пробежало легкое оживление, но вслед за тем все тотчас же снова стихли и насторожились.

— Товарищи ученые! Следствие не допускает гласности. Это вам, наверное, известно даже из детективных романов. Поэтому если я сейчас нарушаю правила розыска, то у меня есть на это основательные причины. Дело в том, что преступление, совершенное сегодня ночью в вашем институте, превратилось из события драматического и загадочного в событие несколько комическое и, я бы даже сказал, анекдотическое!..

После такого вступления, произнесенного в бодром и веселом тоне, полковник снова улыбнулся, переждал легкий шумок, пронесшийся по залу, и продолжал:

— На расследование чудовищного ограбления вашего института мы бросили лучших специалистов уголовного розыска. Наши сотрудники тщательно осмотрели и исследовали все три помещения, в которых находились украденные техмины. В первых двух помещениях наши специалисты не обнаружили ни малейших следов таинственных похитителей. Мы только ужасались чистоте, тонкости и полной безукоризненности их работы. Казалось, что розыск неминуемо попадет в тупик. Но вот мы принялись исследовать подземный зал склада, и наши старания принесли наконец плоды. Просто невероятные и совершенно неожиданные плоды! Товарищи ученые! Мы не только выяснили, кто и каким образом ограбил ваш институт, но мы успели поймать с поличным более пятисот этих таинственных грабителей. Вы удивлены? Сейчас я все объясню. Изучая пол подземного склада, мы прежде всего обнаружили у западной стены несколько сот техминов без футляров. Это нас заставило насторожиться: нам удалось увидеть в деревянном карнизе пола множество небольших отверстий, словно проточенных древоточцами. У некоторых из отверстий орудовали небольшие группы муравьев. Товарищи ученые, эти муравьи несли в челюстях ваши техмины и скрывались с ними в микроскопических норах, проточенных в карнизе! Вот ваши обидчики! Полюбуйтесь ими!

Полковник вынул из кармана большую пробирку, закупоренную пробкой, и поднял ее вверх для всеобщего обозрения. Пробирка была наполнена живыми, копошащимися муравьями. Подержав пробирку перед изумленными взорами притихшего собрания, полковник спрятал ее в карман и сказал:

— Итак, мы с абсолютной достоверностью установили, что ограбление института технических миниатюр совершено не людьми, а насекомыми, точнее — муравьями. Преступления, таким образом, нет, а есть, так сказать, некое стихийное бедствие, предусмотреть и предотвратить которое вы, по всей вероятности, не могли. Поэтому мы свою задачу считаем выполненной. Поиски техминов вам придется вести собственными силами. Думаю, что вам необходимо произвести раскопки с тщательным просеиванием грунта. И если вы позволите дать вам добрый совет, то я скажу вам, что раскопки лучше всего начать немедленно, пока муравьи не успели растащить техмины по всей территории Петршинского парка. На этом разрешите мне закончить мое сообщение.

ПРЕРВАННЫЙ ДИСПУТ

Полковник уже повернулся было, чтобы покинуть трибуну, как вдруг в президиуме раздался четкий, скрежещущий голос, заставивший его остановиться. Голос этот сказал:

— Здесь нет ничего комического, товарищ полковник! Это более ужасная трагедия, чем если бы грабителями были люди!

— Почему это трагедия, да к тому же еще ужасная? — спросил полковник, с любопытством присматриваясь к многочисленному составу президиума.

— Это я высказал такую точку зрения, товарищ полковник! Мое имя — профессор Крачмер. Если вам угодно узнать мое мнение, то вы не можете ограничиться одним лишь установлением факта, что техмины украдены муравьями!

— Ваше замечание, товарищ профессор, звучит очень странно. На чем вы основываете свое мнение? — удивился полковник.

— Извольте! Сами муравьи, полковник, никогда не догадались бы и не сумели бы провести ограбление, организованное с такой непостижимой точностью! Муравьями при этом руководило и руководит существо разумное и опасное!

— Вы думаете, что муравьев кто-то выдрессировал специально для похищения ваших техминов? — с иронической улыбкой спросил полковник.

— Не выдрессировал, а приказал им похитить техмины! — проскрежетало в ответ.

— Приказал?! Интересно! Кто же, разрешите узнать, имеет такую власть над муравьями?

— Кибероформик! Кибероформик приказал муравьям, товарищ полковник! И вы должны помочь нам поймать его! На это нужно бросить милицию, войска и тысячи рабочих! Если кибероформик не будет пойман и уничтожен, нас всех ждет неминуемая гибель.

Озадаченный и пораженный полковник не успел ответить Крачмеру.

В актовый зал неожиданно ворвались все пятеро сторожей ПИТМа и наперебой закричали истошными голосами:

— Товарищи! Башня! Скорее! Башня! Смотрите! Смотрите!!!

— Тихо!!! — вскочил директор.— Что там случилось, говорите кто-нибудь один! Какая башня? В чем дело? Отвечайте вы, Кубичек!

— Башня, товарищ директор, наша железная башня исчезает прямо на глазах! Уже метров на двадцать укоротилась! — ответил тот, кого директор назвал Кубичеком.

— Что за чушь?! При чем тут башня?! Вы с ума сошли?! — крикнул директор, но его уже никто не слушал.

Сотрудники ПИТМа вскочили с мест и ринулись к выходам. Члены президиума бросились за ними.

ТАЮЩАЯ БАШНЯ

Это было потрясающее зрелище!

До восхода солнца оставалось еще не менее получаса, но уже достаточно рассвело. Силуэт черной железной башни четко рисовался на фоне светлого неба. Было абсолютно непонятно, что с ней, собственно, происходит, но она действительно укорачивалась, словно тающая от огня свеча.

Огромная толпа людей, выбежавших из здания во двор института, в полном молчании смотрела на башню. Сотни лиц выражали безмерное изумление, смятение и даже ужас. Пиштора, выбравшийся во двор одним из первых, тоже смотрел на это явление, как зачарованный.

Вдруг кто-то тронул его за локоть. Он быстро обернулся и увидел Гонзу Сташека.

— Это они. Вот, полюбуйся! — тихо сказал Гонза и подал Зденеку бинокль.

Пиштора машинально взял бинокль и навел его на вершину башни. Он увидел, что от нее тянется вверх и немного в сторону какой-то еле заметный шлейф, похожий на широкую струю сизого дыма, колеблемого и относимого в сторону ветром. Но ветра не было. Деревья вокруг башни стояли неподвижно, не шевеля ни единым листочком. Пиштора понял, что это муравьи.

— Слушай, а почему они летают? — шепотом спросил он, возвращая бинокль Гонзе Сташеку.

— Вот именно, почему летают, когда в это время года им летать не положено? Скорей всего, милый друг, твой кибероформик снабдил их миниатюрными летательными аппаратами. Они, поди, не ради удовольствия разбирают башню по крупинкам! Решили устроиться по-настоящему и вот таким манером добывают себе железо. Башня, Зденек,— это только начало. К вечеру сегодняшнего дня они успеют уничтожить все наши железные конструкции: мосты, железнодорожные пути, машины, станки, заводы... Кибероформик работает быстро и основательно, а время у муравьев протекает наверняка в иной плоскости, чем у нас. За один день они сделают больше, чем мы за десять лет. А за месяц уничтожат все, что мы успели нагородить на нашей планете в течение многих веков.

Пиштора ничего не ответил. С невыразимым ужасом смотрел он теперь на тающую башню, чувствуя и понимая, что с каждым часом его вина приобретает все более катастрофические размеры.

— Меня нельзя простить...— произнес он одними губами.

Гонза, услышав эти слова, попытался его утешить:

— Брось, не убивайся! Не ты один, а мы все тут кругом виноваты! Кибернетический техмин только дал толчок. И если толком разобраться, то мы все приложили руки к этому делу.

— Ты говоришь совсем как Крачмер,— вздохнул Пиштора.

— Ничего не поделаешь, Крачмер прав,— ответил Гонза Сташек.

— Да, прав... Конечно, прав... Но... не в этом дело, Гонза...— прошептал Пиштора и снова умолк.

Всеобщее оцепенение и молчание продолжалось до тех пор, пока видимая часть башни, возвышавшаяся над деревьями, не исчезла полностью. Лишь тогда все вдруг очнулись, заговорили, заспорили и стали постепенно, группами и по двое, возвращаться в институт. Со всех сторон звучали слова «кибероформик» и «муравьи». Их склоняли на все лады.

(Окончание в следующем номере.)

О мальчике с пустым цветочным горшком

Корейская народная сказка

Рисунки П. Кирпичева.

Давно-давно жил в одной стране мудрый король. Во всем он был счастлив, и только одно омрачало его последние годы — не было у него детей. И вот однажды он подумал: «А что, если выбрать в своей стране самого искреннего, правдивого ребенка и взять его на воспитание?»

Он приказал раздать всем ребятам цветочные семена и объявил:

«Кто сумеет вырастить из этих семян прекрасные цветы, тот станет моим сыном или дочерью».

Все ребята принялись выращивать цветы из семян, розданных королем. С самого утра до позднего вечера они старались ухаживать за посеянными семенами.

Очень старался и Суир. Прошло десять дней, прошло полмесяца, прошел месяц, а в цветочном горшке не видно никаких росточков. «Что за странность?» — недоумевал Суир.

Тогда он спросил свою маму:

— Почему посеянные семена не дают ростков?

Мать это тоже очень беспокоило.

— Попробуй посеять их в другую землю,— сказала она.

Суир посеял семена в другую землю, но росточки по-прежнему не показывались.

Наконец наступил день, установленный королем, когда дети должны были принести выращенные ими цветы. Множество детей, разодетых по-праздничному, высыпали на улицу, держа в руках цветочные горшки с чудесными, пышно распустившимися цветами. Каждый из ребят надеялся стать наследником короля.

Но что это? Почему на лице короля, который проходит перед ребятами, показывающими ему прекрасные цветы, не заметно и тени удовольствия?

И вдруг король заметил перед одним из домов плачущего Суира. Суир держал в руках пустой цветочный горшок. Король приказал привести плачущего мальчика.

— Почему ты стоял с пустым цветочным горшком? — спросил король.

Горько плача, Суир рассказал, как он посадил семена, как старательно ухаживал за ними, а семена так и не взошли. Ему кажется, это произошло в наказание за то, что однажды он сорвал яблоко в чужом саду.

Король взял за руку Суира и сказал:

— Вот это и есть мой искренний, правдивый сын!

Все зашумели:

— Он пришел с пустым цветочным горшком! Почему же ты решил назвать его своим сыном, король?

И тогда король сказал:

— Слушайте все! Семена, розданные ребятам, были вареные, они не могли взойти.

Все ребята покраснели. Им было очень стыдно: ведь они вырастили свои цветы из других семян.

Перевод А. Шера.

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

№ 37 март 1965

ПЯТЬ ЗВЕЗДОЧЕК

На двери нашего 5-го класса «А» — пять звездочек. Это значит, что по пяти пунктам соревнования «Сияйте, Ленинские звезды» наш отряд занял первое место в дружине.

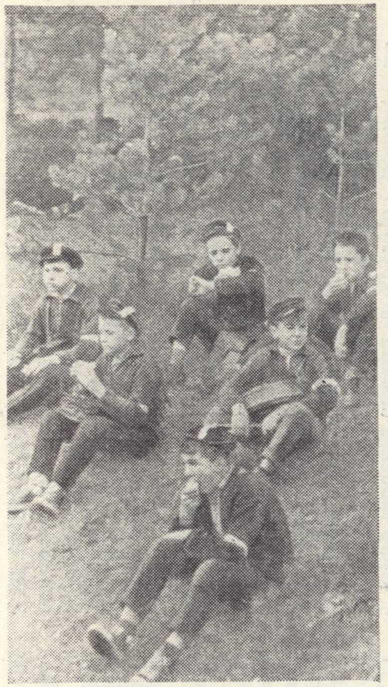
Прошел только первый тур соревнования, и я расскажу, как мы подводили итоги. Звезду «Пионерский марш мира» получали отряды, которые собрали интересные материалы о лауреатах международных Ленинских премий и о странах, где живут зарубежные друзья, с которыми ребята переписываются. Звезду «Олимпиада пяти колец» вручали отрядам, которые лучше всех показали себя в соревнованиях по легкой атлетике и по велосипедному спорту; тем отрядам, где больше ребят занимаются в спортивных секциях.

Ребят, которые лучше всех проявили себя в военной игре, создали уголок «Боевой славы», награждали звездой «Поход боевой славы». А тех, у кого на счету много трудовых дел,— звездой «Ленинская вахта труда».

Звезду «По Ленинским заветам» присуждали отрядам, которые провели интересные сборы, посвященные В. И. Ленину, создали ленинские уголки и музеи.

Звезду «Турнир смекалистых» получали победители двух встреч Клуба веселых и находчивых. Звезду «Рейд непримиримых» — отряды, в которых нет неуспевающих.

Риманова Света,
17-я школа, г. Вильнюс.

СРАЖЕНИЕ НА ГОРЕ

Я расскажу вам, как мы играли в военную игру. Утром собрались на площади Черняховского. Нас приветствовал большой друг пионеров, генерал И. Жибуркус. Он участвовал в боях за освобождение Вильнюса. Генерал рассказал про войну, пожелал хорошо провести игру.

Бойцы разделились на две команды — «белые» и «зеленые». Все пошли на «поле сражения», к подножию горы, откуда должна была начаться атака. Двадцать лет назад здесь происходили настоящие бои.

Кто первым достигнет вершины горы и построится у знамени, тот и победит. Чтобы противники не могли заметить друг друга, были пущены дымовые шашки. Победили не мы. Но играть было очень интересно.

Петрас Цибульскас,
15-я школа, г. Вильнюс.

ЗВУЧИТ СУДЕЙСКИЙ СВИСТОК

Может быть, я и не полюбил бы спорт, если бы не мои старшие братья, Казис и Юозис,— старые члены спортивного клуба школы. Недалеко от нашего дома есть спортивная площадка. Там часто бывают соревнования по баскетболу и волейболу. А Казис и Юозис прекрасно знают все правила игры. Быстро они научили игре и меня. Братья повели меня на тренировки. А скоро меня приняли в сборную школы по волейболу. Очень люблю я и баскетбол. Только беда: я низкого роста.

МАЛЕНЬКИЕ ВРАЧИ

В медицинском кабинете нашей школы всегда дежурят члены санитарного поста. Дежурный оказывает первую медицинскую помощь, делает перевязки, измеряет температуру, дает лекарства.

Еще в школе мы следим за чистотой, в городе проверяем чистоту дворов, отмечаем неисправные колодцы, беспорядок у мусорных ящиков.

Теперь в нашей школе уже 788 членов организации Красного Креста.

Даля Сакалаускайте,
Ретавская средняя школа, Плунгесский район.

НА БЕРЕГУ НЕМАНА

Этим летом я отдыхала в школьном лагере, который назывался «Die Trommel» — «Барабан». В школе мы учим немецкий язык, поэтому в лагере разговаривали по-немецки.

Лагерь был на берегу реки Неман. Каждый день мы купались, ходили в лес. Были в туристском походе, по дороге в городок Раудоне зашли в замок Витенай.

В лагере был конкурс песни. Пели по-немецки. А перед закрытием лагеря был карнавал. Мы инсценировали немецкие народные сказки, выучили много немецких песен и стихов.

Бируте Залогайте,
16-я школа, г. Вильнюс.

Бируте не пропустит уроков

В седьмом «А» все волнуются: третий день Бируте Гребляускайте нет в классе! Может быть, заболела?..

Оказывается, заболела не Бируте, а ее мама. И на плечи Бируте легли все домашние заботы.

Папа Бируте — тракторист колхоза «Тарибине эхяма». Каждое утро он спешит на работу.

После уроков пионеры седьмого класса пошли к Бируте. Всем отрядом работать весело, и работа спорится. Быстро накололи дров, принесли воды, девочки умыли и покормили малышей, убрали комнаты. Молодые хозяйки сварили обед для больной мамы Бируте.

Бируте не будет пропускать уроки: друзья взяли на себя часть ее забот.

Винцас Масиконис,
Гудяляйская средняя школа, Купсукский район.

Скудучяй — старинный литовский музыкальный инструмент. Раньше на скудучяе играли пастухи. Труд пастухов был тяжелый, и скудучяи были их единственной радостью. Сейчас почти в каждой пионерской дружине есть ансамбль ребят, играющих на скудучяе. И на республиканском празднике песни школьников выступал такой оркестр. Несложная песенка у скудучяя, но красивая и очень-очень милая.

Казюкас Морквенас,
23-я школа, г. Вильнюс.

Шкатулка сказок

В нашей пионерской комнате есть «шкатулка сказок». Октябрята бросают в шкатулку записки с пожеланиями, какую инсценированную сказку они хотели бы посмотреть или послушать. Пионеры исполняют их пожелания. Для этого на конкурсах выбираются лучшие исполнители.

Гене Левитайте,
2-я школа, г. Вильнюс.

„ДУБОК"

Наш краеведческий клуб называется «Ажуолюкас» («Дубок»). У нас есть музей. Большую часть его экспонатов краеведы собрали во время походов по родному краю.

Многие ребята, заинтересовавшиеся музеем, не пожалели для него своих коллекций.

К шестидесятилетию нашей любимой поэтессы Саломеи Нерис мы сделали большой стенд. Для этого мы побывали в музее поэтессы, в Палемонасе. Там нам дали несколько интересных фотоснимков. А мы подарили музею редкую запись голоса Саломеи Нерис на магнитофонной ленте, которую отыскали в Республиканском архиве.

Марите Ванкевичюте,
Даля Гирчите,
средняя школа имени Саломеи Нерис, г. Вильнюс.

КТО КОГО

Недавно у нас прошел КВН «В мире прекрасного». Сражались три команды. Вопросы придумали интересные, но трудные. Потом принесли стенд, на нем — три ряда кадров из кинокартин. Мы должны были написать название картины, имена режиссера и актеров.

Показывали по десять репродукций великих художников.

Учительница музыки играла на пианино песни, и каждая команда должна была назвать композитора и автора песни и спеть один куплет. Был еще конкурс на лучшее исполнение вальса.

Люда Шарова,
школа-интернат № 2, г. Вильнюс.

Однажды учитель Гребляускас поручил мне судить волейбольные соревнования. Правда, мы судили вдвоем — рядом со мной был учитель. Я очень внимательно следил за игрой, но, заметив ошибку игрока, свистел еле-еле слышно. Учитель сказал, что судил я правильно. И следующий раз я был смелее. Мой свисток громко звучал в зале. Теперь мне приходится часто судить. И я рад, что до сих пор на меня не жаловались ни волейболисты, ни баскетболисты.

Ионас Жижляускас,
средняя школа, Кайнеядорис.

Познакомьтесь, эти ребята работают в набивном цехе пионерской фабрики игрушек «Дружба». Куклы, мишки, собаки, слоны, которые они делают, очень нравятся малышам.

Анатолий Малеев,
17-я школа, г. Вильнюс.

Этот номер «Пионерских известий» выпущен юнкорами города Вильнюса.

Мешок щей

Николай БОГДАНОВ
Рисунок Ф. Лемкуля.

На «Магнитке», на знаменитой стройке первой пятилетки, Аркадий Петрович Гайдар был корреспондентом радиогазеты «Пролетарий». Его очерки передавались в эфир, а печатных следов от них, к сожалению, не осталось. Вспоминая о тех временах, я написал рассказ о том, как мы, корреспонденты разных газет, жили-были у горы Магнитной.

Получив известие, что Гайдар выехал, мы являлись встречать его к каждому поезду, прибывавшему из Москвы. Уходя на вокзал, ставили на электрическую плитку кастрюлю с водой и в рассуждении чаепития и для обогревания комнаты: недавно построенная гостиница еще не отапливалась.

Тут же раскладывали не без труда добытое угощение: банку налимьей печенки, пачку сладкого печенья, кусок соленой кеты и куски хлеба, сэкономленные от обеда. Гайдар наслышан, что с продовольствием у нас трудновато, пусть удивится!

Увы, каждый раз мы возвращались одни.

И вдруг, вернувшись как-то с вокзала, обнаруживаем, что какой-то незваный гость, проникнув в нашу самоотворяющуюся дверь, похозяйничал без нас. Все печенье съел, очевидно, макая в налимью печенку. И хлеб уничтожил. А вот жестковатую кету не доел.

Хотели рассердиться. И вдруг замечаем лохматую куртку из собачьего меха. И тут же шумно вваливается Аркадий. Обнимаемся, едва не чихая от ядовитого запаха цветочного одеколона. Он успел побывать в парикмахерской и освежиться на все сто!

Оказывается, приехал он не поездом, а на лошадях. Санным путем через Уральский хребет. Решил посмотреть, как выглядят старинные уральские заводы, прежде чем увидеть строительство магнитогорского гиганта.

— Ну и назябся, братцы, без тулупа! На последнем перегоне окончательно замерз. И как открыл дверь, как увидел ваш пиршественный стол, пришел в такой аппетит, что и не заметил, как в одиночку съел все, приготовленное на троих...

Но какие же чудеса я повидал! Какие сказочные старинные заводики времен царя Петра! Доменки чуть выше деревенских хат. В землю вросли, замшели. Руду в них засыпают сверху, накатывая тачками, богатырские бабы в полушубках. А мужики в войлочных шляпах и в валенках внизу колдуют, плавку ведут. Как гномы! Бороды, огнем припаленные, за пояса заткнуты.

Бабы-катали как подвезут тачку с самоварным углем или с рудой, как ухнут ее в жерло печи!

А бородачи-горновые как ударят длинными ломами, как пробьют летку, как брызнет из нее раскаленный добела шлак, а потом — медового цвета чугун, так и затанцуют среди огненных ручьев. Сказка!

Гайдар увлечен рассказом. И вдруг вспоминает, что угощение-то было приготовлено на троих.

— Не огорчайтесь, хлопцы. Я вам сварю замечательные щи! Нет ли у вас топора?

Снисходительно улыбаемся, зная пристрастие Аркадия к розыгрышам и памятуя старую сказку о том, как солдат из топора щи варил.

— Ну, если нет топора, давайте какой-нибудь другой предмет, которым можно отколоть кусок льда.

Он озабоченно ищет взглядом и достает из-под кровати железный болт, которым мы изнутри запираем нашу самоотворяющуюся дверь.

— Отлично, — говорит, взвешивая на руке болт. — Доставайте кастрюлю побольше, сейчас мы заправим в нее такое, что вам и не снилось!

Направляется к балконной двери, которая почему-то распечатана. Тряхнув чубом, исчезает за ней. Стучит на балконе, что-то глухо поколачивает и вдруг появляется с куском рыжеватого льда в руке.

— Сейчас увидите обыкновенное чудо. Любимую пищу богов севера. Для приправы к ней полагается вот это. — Гайдар достает из бокового кармана головку чеснока. — Всю дорогу у сердца грел, чтобы не подмерз. Ах, душист! Стоит потереть одной долечкой корку хлеба, и она превращается в копченую колбасу.

Мы все еще недоверчиво улыбаемся, а в ноздри нам уже бросается вкусный запах щей из кастрюли.

— Помешивать, помешивать полагается. — Гайдар достает из-за голенища щегольского хромового сапога деревянную ложку. — Кедровочка, не хуже кипарисовой... В Златоусте на базаре прихватил, едучи в староверческие места... Там путник без ложки — солдат без ружья... Я этих староверов по Алтайщине знаю, гостеприимнейший народ, всем, что бог дал, угостят, а вот ложки не дадут. Имей свою, чужих не погань. Ложка — ближняя к человеку вещь, ее больше, чем матушку родную, целуют...

Аромат наваристых щей наполнил комнату. Разбуженный аппетит заставил и нас немедленно побеспокоиться о ложках.

И вот мы теснимся вокруг кастрюли. Обжигаясь, поглощаем чудесное варево, поддерживая ложки корками хлеба, натертыми чесноком. Каплю уронить жалко.

— Вот то-то. Одобряете теперь мою страсть к базарам? Это дары роскошного белорецкого торжища, — похваливает Гайдар.

— Ах, какие же там, в междугорье, великолепные базары! Сколько в них первозданной красы! — рассказывает он, замедляя темп поглощения щей. — Это — наглядное соревнование талантов. Каждый создатель хвалит свой продукт и для убедительности опробовать дает.

Мордатому жениху — смазные сапоги со скрипом: натяни и потопчись, тут же и широченная чистая доска лежит. Мальчишке — глиняную свистульку: а ну, приложи к губам и надуйся. Красной девице — прялку-жужжалку: а ну, вдень в ее стремя ножку, сними валенок: постелена овчинка.

А каков обжорный ряд!

Люблю окунуться в коловращение человеков вокруг товаров. И, закружившись, завертевшись, вдруг выбраться в тихую пристань

обжорки. Притулиться рядом со щекастой теткой, накрывшей подолом горячий чугун с требухой. Сядешь с ней рядом на мешок с сеном, достанет она тебе своими темными перстами кусок рубца с перцем, с лавровым листом, залетевшим из-за гор кавказских, заправишь ты его в рот, разомкнув смерзшиеся губы, и почуешь: жив человек!

И возрадуешься: до чего Русь не боязлива к морозу! Даже сибирскую мощь его берет на свою пользу и в удовольствие.

Ну разве не чудно собрать на вечерку всех соседушек и ловкими их руками, под веселые пересуды, заготовить на зиму тысячи пельменей! Наморозить их, ссыпать в мешки — и в холодный чулан. И брать, как кедровые орешки, горстями, по надобности.

И все так. И молоко на базар кружалами, намороженное везут. И щи и борщи с мясом и без оного. На любой вкус и достаток... Пожалуйста! Сваренные в чугунах, в горшках, в плошках, а то и в корытах, лежат они, возвышаясь пирамидами. Хошь — на все семейство целиком бери, хошь — на бобыльскую долю кусок откалывай.

Раззавидовался я на такое обилие. Вспомнил про ваше тощее житие да и закупил мороженых щей. Уложил их в рогожный мешок, чувал по-уральски, и вот на перекладных, санным путем доставил.

И, потупив взор при виде нашего восторга, говорит язвительно:

— Прикупил бы и больше, да опасался, что у вас нет льдохранилища. Предположил, что в современных гостиницах не должно быть холодных чуланов. А про балконы-то и забыл.

Щи пролетали за этим разговором, как сон. Заправили вторую порцию. И она хорошо прошла.

Мешка уральских щей хватило нам надолго. И еще после отъезда Гайдара на Кузнецкстрой мы и сами их ели и гостей обильно потчевали, разыгрывая на новый лад старую сказку о солдатском супе из топора.

Рисунок Ю. Узбякова.

АКРОБАТ

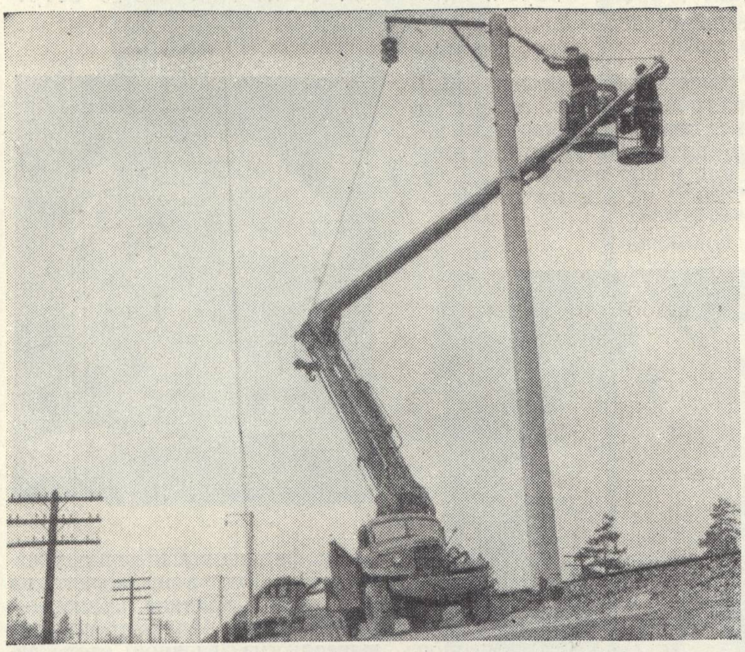
Эмма Мошковская

Ветер надувал рубашку,
Ветер надевал рубашку.

А потом
В своей обновке
Он качался
На веревке.

Он качался,
Кувыркался,
Он крутился,
Он старался,
Он ни разу не сорвался!
Тут я сразу догадался:
Выступает для ребят
Знаменитый акробат!

ПО ПОДСКАЗКЕ ПРИРОДЫ

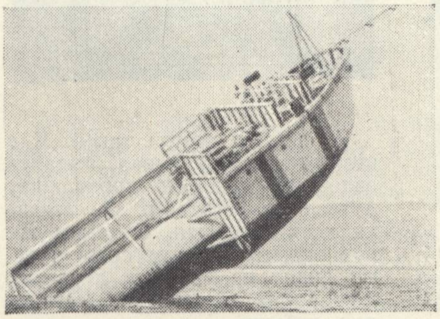
Уже поставлены опоры вдоль полотна железной дороги. Осталось укрепить изоляторы и подвесить провода... Лестницу подставлять? Тогда придется останавливать движение. Надеть когти и лезть на столбы? А столбы-то бетонные. Да и много ли наработаешь, вплотную прижавшись к столбу? Вот бы великана сюда! Он бы зашел сбоку и на ладони поднял монтажников.

«Будет вам великан!» — сказали инженеры и построили для монтажников вот эту машину. Плечо, предплечье, локтевой сустав — все как у настоящей руки. Правда, кисть не похожа. Но монтажники не обижаются: так удобнее...

Справа — машина-альпинист. Она «совершила восхождение» по снегу на самую высокую гору Норвегии. По снегу на автомобиле не поедешь. Аэросани хороши только на равнине. А снежные горы штурмовать — тут лыжи нужны.

«Будет вам механический лыжник!» — сказали шведские инженеры и построили «Сноувтрак». Посмотрите, как он умело преодолевает сложный подъем.

А это уже не машина, это целый корабль. Правда, не совсем обычный. На таком корабле ученые исследуют морские глубины. Наверное, прежде чем придумать и построить такой корабль, американские инженеры внимательно изучали уток, когда те, задрав хвосты, добывали из воды головастиков.

В наши дни никто, конечно, не будет изобретать механическую лошадь. Но там, где природа подсказывает решение, инженеры охотно пользуются такими подсказками.

Зоопарк Тяни-Толкая

Опять у входа в зоопарк Тяни-Толкай встречает нас как старых, добрых знакомых. Только он что-то встревожен сегодня.

— Здравствуйте, ребята. У нас в зоопарке был беспокойный день. Некоторые звери до сих пор сердятся. Впрочем, интересно посмотреть на зверя и когда он сердит! А сердиться животные могут по разным поводам. Сердятся, когда приходится делить добычу или защищаться, принимают сердитый вид и при нападении. Пойдемте посмотрим на сердитых зверей. Только ни к кому не подходите близко и никого не дразните...

Вот эта огромная кошка — пума — потому и рассвирепела, что ее стали дразнить какие-то глупые ребята. Надо сказать, что характер у пумы вообще злобный, впрочем, это и «по лицу» видно.

Малыш-лисенок не столько сердит, сколько струсил. Но он, бедняга, старается страха не показать, — тогда ведь пропал, пропал! — он еще сам пугает: сморщил нос, оскалил острые зубки — вот какой я злой! Не подходи!..

Ну, филина вы, конечно, узнали сразу. Этот тоже сердит, но по другой причине. Филин — ночная птица. И уже то, что его вынесли на дневной свет, заставляет его злиться, да еще как! Посмотрите, каждое перышко сердится.

А сип, он всегда такой. Я с ним уже разговаривал, пытался задобрить, но он продолжает дуться на весь мир. Он всегда на всех сердится. С таким же вот надутым видом сипы часами сидят на высоких деревьях или парят в воздухе, выискивая добычу.

А сейчас, ребята, пойдем на другую территорию — там у нас содержатся звери, только что прибывшие в наш зоопарк.

Макака, например, приехала вчера и раздражается сейчас по любому поводу. Обычно же эти обезьянки очень веселы. У себя на родине, в тропических лесах Юго-Восточной Азии, они резвятся и прыгают по веткам, собирая плоды. Ну, пускай пока сердится.

А это что такое? Это существо принесли, пока мы с вами ходили по зоопарку. Совершенно очевидно, что оно тоже в гневном настроении или приготовилось броситься на добычу. Но кто же это?

Помогите мне, ребята, определить, что это за зверь. Он совсем маленький, всего семь сантиметров, зеленого цвета и ужасно сердитый. Я не знаю, чем его кормить, как ухаживать, не знаю его привычек. Напишите мне о нем.

СЛОВАРЬ В БОМБЕ

В одном из залов Музея Революции лежит под стеклом необычный экспонат — чешско-русский словарь. Первые его листы и переплет сгорели. Словарь начинается со 118-й страницы.

Как эта книга попала в музей? Почему?

...Шел военный 1942 год. В ночь с 5 на 6 марта фашисты бомбили Москву. Большая фугасная бомба упала на здание педагогического института около зоопарка. Она пробила крышу, чердак, повредила комнаты двух этажей и... не разорвалась. Корпус ее застрял на третьем этаже в лестничной клетке, а взрыватель свалился в пролет. Подоспевшие саперы установили, что бомба весила одну тонну и наполнена не взрывчатым веществом, а речным песком. В бомбе его оказалось около десяти пудов. А в песке и был найден этот чешско-русский словарь.

Во время войны фашисты заставляли чешских рабочих изготовлять оружие и снаряды. Но патриоты-чехи не хотели, чтобы от их рук погибли советские люди, и, рискуя жизнью, начинили бомбу песком. Какое нужно было иметь мужество, чтобы под носом у фашистских надзирателей сделать это! И, может быть, песком была начинена не одна эта бомба. Как звали их, этих героев, на каком работали они заводе? Этого мы, к сожалению, не знаем.

С. КАРАХАНЯН

ЛУЧИ РАННЕГО СОЛНЦА

— Я изобрел стихи,— сказал мальчик.— Да, я сочинил стихотворение по-письменному, пускай теперь его напечатают по-печатному!..

Эти услышанные когда-то слова я вспомнил, держа в руках яркую, похожую на школьный альбом для рисования книжку «Раннее солнце». Писали эту нетолстую книгу тринадцать человек. Самому старшему из авторов — двенадцать лет, самому младшему — всего пять. Это сборник стихов, которые сочинили дети.

«Что же тут особенного?—спросите вы.— Многие, чуть ли не все ребята пишут стихи. Для стенгазеты или просто так. Почему же стихи именно этих ребят напечатали в настоящей типографии?»

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем разобраться, что же мы называем стихами. Ведь и в самом деле, не так уж трудно зарифмовать несколько строк. Есть даже игра такая, называется «буриме»: человеку дают самые разные слова, а он к ним подбирает другие слова — в рифму. Иногда очень складно получается и не без смысла. Чем не стихи?

Но все дело в том, что стихи — это не просто рифмованные строчки. Настоящая поэзия — стихи, написанные взволнованным человеком, которому было радостно, грустно или смешно. Человеком, который увидел или услышал то, что не замечают другие, или увидел по-своему, по-особенному. Вроде как тот мальчик сказал: изобрел.

Рифма же лишь помогает уловить, задержать в стихотворной строчке радость, или грусть, или взволновавшую автора картину. Только не все люди могут сочинять искренние стихи, даже когда волнуются. Точно так же, как не всякий человек, которому хочется петь, умеет петь так, чтобы слушателей, как говорят, за сердце брало. Для этого нужно особое дарование, **талант.**

В небольшой по объему книжке «Раннее солнце» собраны талантливые стихи. Сразу чувствуешь: ребята, когда писали свои стихи, не думали о том, как их похвалят или напечатают. Просто они не могли не написать про то, что их волновало, вот и все.

И еще нельзя не заметить, что стихи эти добрые и душевные. В них говорится о дружбе, о том, как весело работать и как плохо быть одному. Вот короткое стихотворение Володи Лапина «Львица и львенок»:

Звери шли на водопой,
Потерялся львенок.
Нужен маме хоть плохой,
А все-таки ребенок.

В стихотворении «Одинец» Костя Райкин рассказывает о лосе, отбившемся от стада.

И вот он все ж остался
на свободе,
Но он не весел:
Он один.

Десятилетняя Лена Гулыга сумела так задорно и ритмично изобразить лихого сапожника, как будто сама работала в сапожной мастерской:

С утра и до ночи — день-деньской
Работа идет у нас в мастерской.
Несутся машины, проходят трамваи,
А мы целый день башмаки зашиваем,
А мы целый день каблуки подбиваем!

Пристально, чутко приглядываются и прислушиваются ребята к окружающему их миру.

Если б только мы умели
Понимать язык зверей,
То услышали б, наверно,
Что щебечет воробей.

Это пишет Боря Лапин. А восьмилетняя Лора Куликова в четырех стихотворных строчках нарисовала целую картину:

ВЕЛОСИПЕД

У меня велосипед
Целый день на улице.
И глядят со страхом вслед
Мне петухи и курицы.

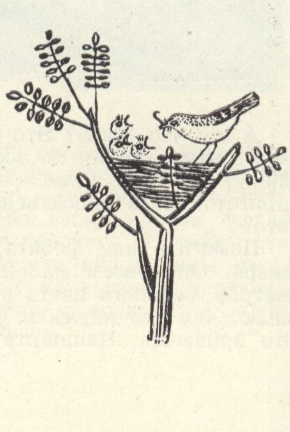
Сразу представляешь себе пыльную сельскую улицу, по которой взад-вперед носится маленький велосипед. Куры шарахаются от него с громким кудахтаньем, а потом, сердито нахохлившись, долго смотрят вслед.

Светлане Чекановой было пять лет, когда она сочинила стихотворение про бабочку и гусеницу. У маленькой Светланы тоже глаз художника и поэта:

Капустница, капустница —
Летит бабочка-капустница,
На капусте гусеница
То поднимется, то опустится.

В книге напечатано двадцать одно стихотворение и одна прозаическая сказочка, похожая на стихи или песенку. Все эти стихи согреты дыханием подлинного таланта.

Составил этот сборник стихов **Владимир Глоцер,** а талантливый художник **Игорь Рублев** помог Издательству «Малыш» сделать его нарядной и радостной. Большой и мудрый поэт **Самуил Яковлевич Маршак,** будучи уже тяжко больным, написал к этой книге сердечное предисловие. Хочется, чтобы все ребята, особенно те, кто любит поэзию, прочитали книгу **«Раннее солнце».**

Я. АКИМ

Какой будет Варя?

В книге *М. Прилежаевой «Третья Варя»* рассказывается о многих хороших людях. И о Варином дедушке, которого не согнули ни годы, ни горе, и о колхозных ребятах, и о черноглазом болгарском юноше, носящем странное для нашего слуха имя — Людмил, и о других... Но настоящие героини повести — три девушки, три Вари Лыковых.

Старшая из них не появляется в книге,— она жила за много лет до времени, описанного в повести. Она прабабка «третьей Вари». И все же мы причислили ее к молодым девушкам не по ошибке. Ведь мы так же, как и ее правнучка, знакомимся с первой Варей по рассказам людей, читавших ее «записки», и по портрету. А на портрете она изображена юной красавицей в бальном платье.

Конечно, она, должно быть, выглядела иначе, эта романтическая первая Варя, когда перевязывала раненых под вражеским огнем. Было это на знаменитой горе Шипке, в дни, когда русские помогали болгарам сбросить турецкое иго... Варя Лыкова приехала в Болгарию, чтобы разыскать своего жениха. Здесь она стала сестрой милосердия, стала героиней.

Внучке первой Вари дали то же имя. Вторая Варя не совершала боевых подвигов, она была всего-навсего пионервожатой. Тем не менее она оказалась достойной своей героической бабки. В трудные дни войны эта молоденькая девушка опекала во-семьдесят малышей... И, когда один из ее питомцев соскользнул в реку, Варя бросилась за ним в ледяную воду. С той поры и началась болезнь, которая через несколько лет свела девушку в могилу. Можно без преувеличения сказать, что эта Варя погибла на боевом посту.

Крохотная ее дочурка осталась на руках у деда.

О ней — о третьей Варе и написана эта книга... Варе третьей пятнадцать лет, она учится в седьмом классе. Лицом она удивительно напоминает мать и прабабку. Но похожа ли она на них характером?..

Хотелось, чтобы, читая книгу, ты задумался над этим... Какая она, третья Варя, в своих словах и поступках? Смелая или робкая, прямая или уклончивая? В каких действиях сказывается ее характер?

Разберись в этом и напиши нам, в редакцию. Как ты считаешь, выйдет ли из третьей Вари настоящий, смелый человек? Почему ты так думаешь? Напиши! А если не захочется, ну что ж. Все равно познакомишься с интересной книгой.

Ю. НОВИКОВА

Герой или трус?

Посмотри налево! Это обложка книги, о которой я тебе сейчас расскажу.

Мало таких, кто не знал бы о партизанском докторе А. Цессарском — он из отряда знаменитого Дмитрия Медведева, боевой товарищ замечательного и удивительного разведчика Николая Кузнецова. Вот о них-то, а еще о мальчике, который спрашивал, и написана эта книга. Купи ее и прочти! Однажды автору этой книги мальчик из одного пионерского лагеря сказал, что ему никогда не быть героем... Почему? А потому, что, например, жалеет, когда другие мучают животных, да вообще за тринадцать лет жизни он ни разу не совершил чего-нибудь даже самого мало-мальски героического и в будущем тоже не видит для себя этой возможности. Одни рождаются героями и становятся ими, а другие — нет и нет. Так говорит мальчик.

Но вот в разговор вступают и партизанский командир, и прославленный разведчик, и боксер-богатырь, и бегуны братья Знаменские, трагически погибшие на войне. Все они как бы вдруг собираются вместе и рассказывают о себе, о жизни, о смерти, о подвигах. Смелость не приходит сама, говорят они, слушай нас, мальчик, мы храбро воевали, а иные из нас погибли, и уж нам-то ты можешь поверить. Надо хотеть быть смелым, только тогда ты сумеешь им стать.

Вот о чем эта книга, но я рассказал так мало, а в ней так много важного и интересного, что ты, я думаю, уже и сам захотел прочитать то, «О чем говорил мальчик».

С. АРТАМОНОВ

КНИГИ ЗВЕРОЛОВА

Как танцует хамелеон? Как дикобразы катаются с горки? Что делает морской слон, если его разбудить? Оказывается, слон заливается слезами и спешит нырнуть в море.

Все это вы узнаете, если прочтете три книги английского зверолова **Джеральда Даррелла:** о путешествии в леса Камеруна — **«Перегруженный ковчег»**, об экспедиции в Южную Америку — **«Земля шорохов»** и **«Под пологом пьяного леса»**.

В джунглях Камеруна Даррелл поймал редкого зверька ангвантибо и водяную землеройку. Там он познакомился с удивительным шимпанзе Чолмондели, который любил пить чай и курить сигареты.

В пампе Аргентины и в тропических лесах Парагвая Даррелл ловил зверей — от рогатых жаб до гигантской анаконды.

Не только об удивительных животных и сказочных лесах тропиков рассказывает Джеральд Даррелл. Он рассказывает о хороших людях, которые всегда и всюду приходили ему на помощь: и в негритянской деревушке в глубине Камеруна и на одинокой ферме в бескрайних аргентинских степях.

Геннадий СНЕГИРЕВ

◆

Разве мало интересных и хороших книг! Нет, конечно.

Так давай писать об этих книгах, писать все, что захочется: почему тебе понравилась эта книга, что из нее особенно тебе запомнилось, советуешь ли прочитать ее другим.

А вдруг так случится, что книга тебе не понравилась! Что же, и о такой книге можно написать хорошо, убедительно. Только надо помнить, что, кроме слов, «понравилось» или «не понравилось», надо еще постараться объяснить, почему так случилось.

А самые интересные письма с удовольствием напечатает отдел «Что Нам Читать!»

Я уважаю Джека

Мне в руки случайно попал сборник стихов и рассказов ленинградских писателей «Граница».

Особенно мне запомнился и понравился рассказ **Льва Канторовича «Трус»**. В нем писатель рассказывает о собаке. Я еще не читал, чтобы так тепло было написано о животном.

Настоящая кличка собаки — Джек. Джек был очень красивой овчаркой, но боязлив. Может, это ему передалось от родителей, может, еще что, но стоит скрипнуть двери, как Джек уже мелко дрожит. За это и прозвали его Трусом. Только начальник питомника, отличный дрессировщик, говорил, что из Джека выйдет настоящий друг человека.

Однажды в питомник приехал Григорий Марков — добрый, хороший человек. Он увез Джека на границу, и тот очень привязался к своему новому хозяину.

Кличка Джек в рассказе редко встречается, но я не хочу и не могу называть собаку Трусом. Ведь она не трус! Наверно, и у автора такое же мнение. Джек боялся маленьких, незначительных вещей, но дружба, преданность поборöли в нем страх, и он отдал свою жизнь за хозяина.

Кто знает, что было бы, если не Джек? Я уважаю Джека!

Женя Некрасов
г. Бабаево

ПАРТИЯ ЛЕНЫ РУБЦОВОЙ

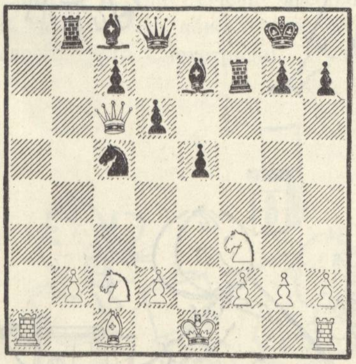
Взгляните на эту фотографию. Ее привез в редакцию Пешкин из Тбилиси, с турнира сильнейших шахматисток.

Видите, школьница Нана Александрия сражается с экс-чемпионкой мира Ольгой Николаевной Рубцовой, и за ними внимательно следят Пешкин и дочь Ольги Николаевны, ученица 683-й московской школы Лена Рубцова. Лена и сама играла хорошо в турнире. Она завоевала бронзовую медаль и стала мастером спорта.

Попробуйте и вы разыграть одну из партий этого турнира.

О. Андреева — **Е. Рубцова**

1. e2 — e4 e7 — e5 2. Kg1 — f3 Kb8 — c6 3. Cf1 — b5 a7 — a6 4. Cb5 — a4 Kg8 — f6 5. Фd1 — e2 b7 —b5 6. Ca4 — b3 Cf8 — e7 7. c2 — c3 d7 — d6 8. a2 — a4 Лa8 — b8 9. a4 : b5 a6 : b5 10. Kb1 — a3 b5 — b4 11. Ka3 — c2 b4 : c3 12. Фe2 — c4 0—0. 13. Фc4 : c3 Kf6 : e4 14. Фc3 : c6 Ke4 — c5 15. Cb3 : f7+ Лf8 : f7

Да, трудновато приходится белым. Их ферзь попал в западню, из которой очень трудно выбраться.

16. Лa1 — a8 Cc8 — d7 17. Лa8:b8 Фd8 : b8 18. Фc6 — d5 e5 — e4 19. b2 — b4 Kc5 — d3+ 20. Kpe1 — d1 Kd3 : f2+ 21. Kpd1 — e1 Kf2 : h1 22. Фd5 : e4 Cd7 — f5 23. Фe4 — c4 Cf5 : c2 24. Фc4 : c2 Ce7 — h4+ **Белые сдались.**

Одна из сильнейших шахматисток Украины, Ольга Андреева, потерпела в этой партии жестокое поражение.

А почему ее постигла неудача?

Пешкин предлагает вам, ребята, ответить на такие вопросы:

1. Как называется дебют, которым игралась партия?
2. Почему белые попали в трудное положение, какой ход белых был неудачным?
3. Правильно ли поступили белые, отдавая слона на f7?
4. Что последовало бы, если на 24... Ch4 + белые ответили 25. K : h4?

ПЕШКИН СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ...

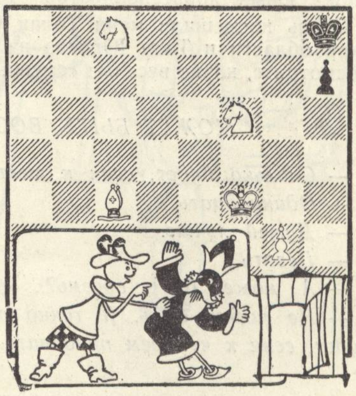
«Я недавно играю в шахматы,— пишет Пешкину омская школьница **Ира Барышева,**— но люблю решать интересные задачи. Недавно увидела в старом журнале позицию, которую вы видите справа.

Подпись гласит: белые дают мат в пять ходов. Решала-решала я эту задачу — никак мат не получается. В школе показала ребятам из шахматной секции, и они не могли решить.

Может быть, позиция эта неправильная? Помоги нам, Пешкин, разобраться».

По твоей просьбе, Ира, Пешкин отложил все свои важные шахматные дела и принялся решать эту задачу. В самом деле, черный король никак не хочет забираться в клетку, где ему не избежать мата.

Пришлось Пешкину взяться за черного короля всерьез, и в конце концов король сдался.

Позиция эта правильная, и белые, начиная игру, могут заматовать черных в пять ходов. А вот как? Над этим мы предлагаем подумать вам, мои друзья. Ждем ваших писем с решениями. Награжу грамотой «Ферзя и ладьи» всех, кто решит эту задачу и ответит на вопросы Пешкина.

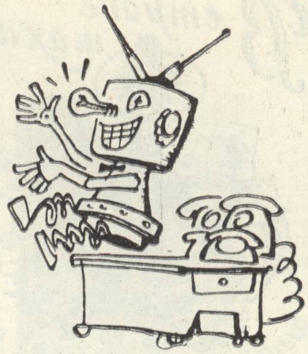
НОВЫЕ ОРУЖЕНОСЦЫ

Очень интересно в шахматной секции 23-й бакинской школы. Команда этой школы не раз побеждала в соревнованиях на первенство столицы Азербайджана. Более семидесяти учеников этой школы получили спортивные разряды.

Отныне считаю своими оруженосцами шахматистов 23-й школы. Среди них председатель шахматной секции перворазрядница Анжела Саакова и победительница турнира пионерок Карина Балаян.

ПОЧТА СМЕХОТРОНА

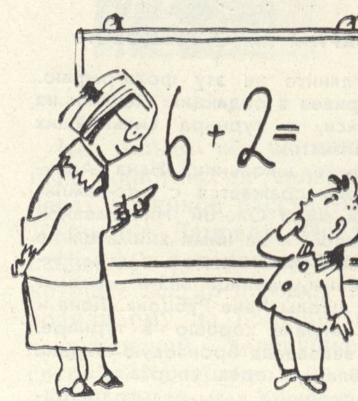

Рисунки А. Елисеева и М. Скобелева.

В новом году я получил уже много писем от ребят. Я ужасно рад и отлично себя чувствую. Тем, кто первый год получает наш журнал «Пионер», я хочу объяснить, что работаю на энергии ЧИ, что значит — Читательские Интересы.

ЧИ есть — я работаю, ЧИ нет — я молчу, я даже заболеваю. Просто страшно подумать, что со мной происходит, когда я получаю от ребят мало писем. Но сейчас все в порядке, и я благодарю всех своих юных корреспондентов.

Очень насмешили меня Толик Одешко из Луганской области и Таня Юроева из города Ялты. Вот посмотрите, какие веселые «смешинки» они прислали.

МОЖЕТ БЫТЬ, ВОСЕМЬ?

— Сколько будет, если к шести прибавить два?

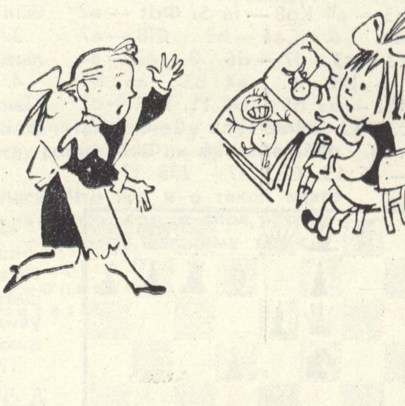
— Одиннадцать.

— Думай лучше.

— Девять.

— А может быть, восемь?..

— Не может быть. Я точно помню, что восемь будет, если к четырем прибавить четыре.

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

Старшая сестра говорит младшей:

— Опять ты взяла мою тетрадь!

А младшая отвечает:

— Ты не сердись, я не знала, что она твоя. Там написано, что она общая.

Молодцы Толик и Таня! Ваши «смешинки» мне понравились.

Очень хорошие «смешинки» получились и у многих других ребят. Вот, например, у Лиды Головко из Минска, у Марины Лазаренко из Кировограда, у Вали Мусиной из Кемеровской области.

ДАЛЬШЕ Я НЕ ПОЙДУ

Витя довел старушку до середины шоссейной дороги и говорит:

— Дальше идите сами.

— Почему же, сынок? Ты устал или спешишь?

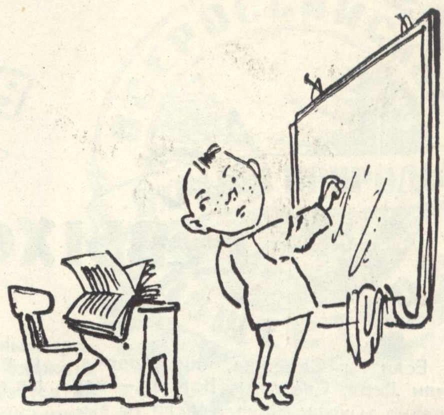
— Нет, бабушка, просто дальше не наша зона пионерского действия...

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

Учительница спросила:

— Ты, наверное, не заглядывал в книгу?

— Почему же,— обиделся ученик.— Я пытался заглянуть в книгу, но она была открыта не на той странице.

ОТВЕТИЛ БЕЗ ЗАПИНКИ

Учитель показывает карандашом на карте город и спрашивает:

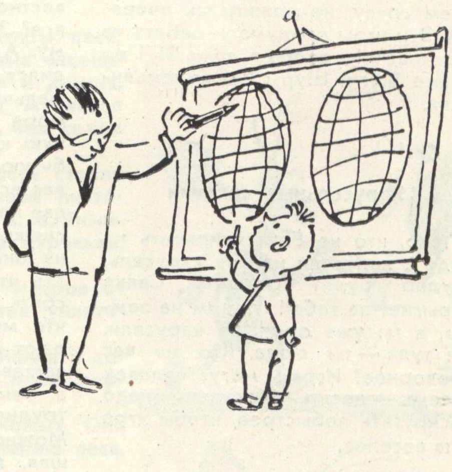
— Петя, что это?

— Карандаш,— отвечает Петя.

Эти «смешинки» заставили меня задуматься. Неужели, ребята, и в ваших отрядах есть еще такие пионеры?

А теперь я покажу вам «смешинки», которые мои юные друзья прислали специально для мартовского номера.

Вот «смешинка» Виктора Гуренкова из города Медвежьегорска.

ПОДАРОК МАМЕ

— Мама,— говорит Маша,— я подарю тебе к женскому дню синюю чашку.

— Спасибо, доченька, но у меня есть синяя чашка.

— Нет, мамочка, у тебя нет синей чашки. Я ее уже разбила.

А эту «смешинку» прислала Валя Мякишева из Московской области.

ВОСЬМОЕ МАРТА

Учитель просмотрел Нинину тетрадь и спросил:

— Нина, почему брат выполнил за тебя домашнюю работу?

— Потому что сегодня Восьмое марта.

Очень весело! Очень смешно! Спасибо, ребята. И пишите мне, пожалуйста, почаще. Не забывайте своего друга Смехотрона!

Если ты Сережка, или Валерка, или Лена, Светлана, Володя,— все равно выходи. Ничего, если ты выглянул в окно и увидел, что качели заняты и на карусели очередь,— это не беда. Мы знаем игры, в которые можно играть на дворовых качелях и каруселях всем сразу, не дожидаясь очереди. Эти игры придумали ребята из московского двора в доме 35/1 по улице Зои и Шуры Космодемьянских.

Карусельные салочки

Того, кто не боится прыгать на ходу с карусели или на карусель, трудно будет осалить. Салка спрыгнет за тобой следом на землю, а ты уже опять на карусели. Он туда — ты сюда. Кто из вас проворнее? Играть могут человек восемь — десять. Карусель надо раскрутить побыстрее, чтобы игра шла веселее.

Кузнечики

Качели во дворе не только для малышей. Даже если ты в третьем классе, ты можешь предложить своим товарищам поиграть в «кузнечики». Каждый по очереди встает на качели, раскачивается пять раз (туда и обратно) и прыгает вперед — в снег или в песок. Кто

прыгнет дальше всех, тот и победитель. Тут весь секрет в том, чтобы успеть раскачаться посильнее и прыгнуть, пока качели вверху. Не побоишься — значит, победишь.

Гриб-мухомор

Стоит во дворе гриб на деревянной ноге. Зачем стоит, неизвестно. От дождя прятаться? И все? Зимой гриб и вовсе ни к чему. А вот, смотри-ка, и он пригодился. Подсадили повыше одного мальчишку, и он на шляпку мухомора положил большую картонную коробку из-под ботинок, набитую снегом. А вы все, сколько вас есть во дворе, разделились на две команды и давай обстреливать снежками коробку. На чью сторону она свалится? Противники хотят, чтобы на вашу, а вам хочется сбить корбку к ним. Те снежки, что мимо мухомора летят, попадают в ребят из чужой команды, заставляют их отступать подальше, а вам этого и надо. Издалека труднее снежок метко кинуть. Можно даже, если команда большая, выбрать защитников, чтобы они специально этим делом занимались, а коробку сшибать будут нападающие.

Крепкая цепочка

С горки можно съехать на санках, можно на фанерке, можно и просто так, но от этого пальто, говорят, портится. А что, если съехать с горы цепочкой? Подложить под себя фанерки, сесть в затылок друг другу, покрепче уцепиться за того, кто едет впереди тебя, и покатилась цепочка. Нельзя щекотать того, кто сидит впереди, а то он от смеха может отцепиться. Победит та команда, чья цепочка не рассыплется за пять спусков.

Кто на лавочке сидел...

Посидеть на скамейке во дворе любят старушки. А ребята сидят редко, все больше бегают. Но вот сели трое мальчишек на лавочку рядышком, потом еще два, да еще четыре. Стало на лавочке тесновато. А тут еще две девчонки подошли: «Подвиньтесь, мы сядем». Ну прямо терем-теремок, а не скамейка. Уселись девочки в середину, а один мальчишка, который с краю сидел, со скамейки свалился. Но не обиделся, а засмеялся и хочет теперь в середину сесть: с краю-то опять упадешь. Но кто-нибудь обязательно будет с краю и обязательно свалится. Такая уж это игра. Каждый старается поскорее пересесть в серединку. Получается толкучка, даже иногда «куча мала», зато весело.

Дом, где ребята играют в эти игры,— самый большой на улице.

Здесь «чужих» никогда не обижают: чем больше народа, тем веселее играть. Поэтому сюда приходят ребята и из других дворов.

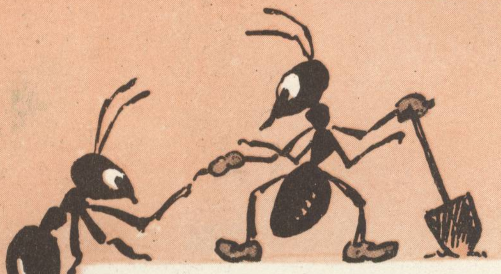
Полумрак и зной стоят в бору.
Смолы проступают сквозь кору.

А зайдешь в лесную даль и глушь,
Муравьиным спиртом пахнет сушь.

В чаще муравейники не спят—
Шевелятся, зыблются, кипят.

(С. Маршак «Бор»)

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

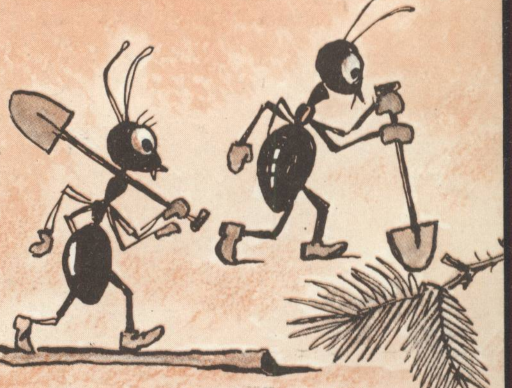

Когда жарким июльским полднем вы бродили по лесным тропинкам, вам, вероятно, приходилось замечать, что чем ближе к поселку, городу или большому селу, тем меньше попадается на пути муравьиных куч, тем чаще встречаются полуразрушенные муравейники, покинутые их хозяевами.

Развороченные гнезда рыжих муравьев часто можно увидеть вблизи пионерских лагерей, домов отдыха, туристских баз. Их разворошили грубые руки, которым ничего не стоит из любопытства сунуть в муравейник палку и посмотреть, что из этого получится.

А ведь муравьи — друзья и добросовестные санитары леса. Рыжие лесные муравьи истребляют множество вредных насекомых: гусениц, пядениц, совок, соснового шелкопряда и других. Ученые подсчитали, что средняя по величине семья муравьев истребляет вредных насекомых в четыре раза больше, чем семья синицы, поселившаяся в лесу.

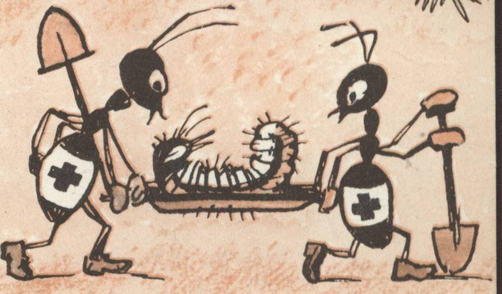
Летом 1938 года дубовые леса Московской области стояли оголенными — листья были съедены гусеницей дубовой листовертки. Кружку юннатов Биологического музея имени К. А. Тимирязева поручено было понаблюдать за деятельностью муравьев. И вот что оказалось.

Наблюдение 1-е: дуб находится на расстоянии 28 метров от муравейника, муравьиных тропинок к нему нет, листва уничтожена на 100 процентов.

Наблюдение 2-е: дуб стоит в 17 метрах от муравейника и соединен с ним тропой. Листва невредима; у дуба кора нормальная.

Но муравьи не только уничтожают вредных насекомых. Они улучшают почву и способствуют активному возобновлению леса. Вокруг муравейников лучше растут деревья.

Вот почему в великом лесном сообществе неоценима роль рыжих лесных муравьев.

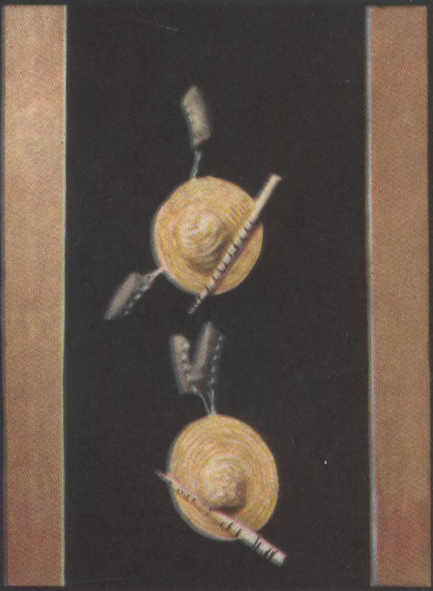
«Трудолюбив, как муравей»,—говорят в народе. Муравейник— постройка многолетняя. Маленькие хлопотливые насекомые год от года увеличивают свое гнездо, натаскивают кусочки коры, веточек, сухую хвою, чешуйки почек, комочки земли. И если разрушить эту насыпь, пострадает и подземная часть гнезда с ее многочисленными камерами и коридорами, а следовательно, погибнет муравейник.

Пионеры и школьники! Юные натуралисты! Зеленые патрули! Берите шефство над колониями лесных муравьев. Изучайте их, оберегайте от бессмысленного уничтожения.

Цена 25 коп. Индекс 70694

Маленький мой край — как золотая
Капелька густого янтаря.
Он блестит, в узорах расцветая,
Льется в песнях, радостью горя...

Это стихи Саломеи Нерис, талантливой дочери литовского народа. О янтаре — прозрачном золоте Литвы, что выплескивают на берег волны Балтики,—сложено немало песен, легенд и преданий. У нас, литовцев, это любимый камень. Народные мастера делают из янтаря бусы, янтарем украшают пуговицы, ларцы, скульптуры...

Рассмотрите получше обложку журнала и «с лица» и «со спинки». Вы увидите образцы вещей, какими в Литве любят украшать повседневную жизнь. Вот, например, вырезанная из дерева фигурка: стройная девушка держит на ладони кусочек янтаря.

Янтарек с лучами золотыми,
Балтики прозрачную красу,
О, Литва, твое родное имя
Солнцем крошечным в руках несу.

Так писала Саломея Нерис, и девушка с янтарем — воплощение ее стихов, поэтический образ самой Литвы.

Разыщите здесь резной ларчик, миниатюрную копию старинного сундука. В таких нарядных сундуках девушки, по обычаю, хранили свое приданое: белоснежные холсты, расшитые узорами полотенца и скатерти, пестротканые пояса.

Деревянную утварь в нашей республике очень любят. Вы видите? Тут и резные кувшинчики, и старинная кружка для пива... А вот клумпес, деревянные башмаки. Клумпес были когда-то у крестьян самой распространенной обувью. Парни и девушки умели в них не только проворно работать, но и лихо отплясывать задорный клумпакоис. «Клумпакоис, танец быстрый, надо в паре танцевать»,— поется в народной песенке.

Пару легких кожаных нагинес, наших литовских лапотков, вы видите рядом с плетеной соломенной шляпой, а узорчатый пояс лег по краю страницы.

Но все эти вещи в уменьшенном, «игрушечном» размере. Сундук превратился в шкатулочку и уместит разве что приданое кукол, стоящих рядом с ним; пояс не больше книжной закладки; в клумпес не всунешь ногу, зато он хорош на письменном столе для хранения всякой мелочи. А соломенную шляпу с парой нагинес можно вполне приколоть на платье как украшение.

Это все изящные подарки в духе народного мастерства. И сделали их, учась у народа, пионеры Литвы, ребята из разных школ. Искусные у них руки!

Литовский художник Эдмундас **Жяуберис**.